

502

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

В. Я. ПЛОТКИН

**ЭВОЛЮЦИЯ
ФОНОЛОГИЧЕСКИХ
СИСТЕМ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
НАУЧНЫЙ СОВЕТ
ПО ТЕОРИИ СОВЕТСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

В. Я. ПЛОТКИН

ЭВОЛЮЦИЯ ФОНОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ

НА МАТЕРИАЛЕ
ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1982

В книге на материале шести германских языков (английского, немецкого, нидерландского, шведского, датского и исландского) прослеживаются пути фонологической эволюции в группе родственных языков, представляющие собой продукты дивергенции единого эволюционного процесса.

Редакционная коллегия:

член-корреспондент АН СССР
В. Н. ЯРЦЕВА (ответственный редактор),
доктора филологических наук
М. М. ГУХМАН, С. Д. КАЦНЕЛЬСОН,
В. П. НЕРОЗНАК (ответственный секретарь),
А. А. УФИМЦЕВА

Бульб Яковлевич Плоткин

ЭВОЛЮЦИЯ ФОНОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ

На материале германских языков

Утверждено к печати Институтом языкознания АН СССР

Редактор издательства Н. Н. Барская.
Художественный редактор Т. П. Поленова.
Технический редактор Т. С. Жарикова.
Корректор М. В. Борткова

ИБ № 25040

Сдано в набор 17.08.81. Подписано к печати 31.12.81. Формат 84 × 108¹/₃₂.
Бумага книжно-журнальная. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 6,72. Усл. кр. отт. 6,92. Уч.-изд. л. 7,4. Тираж 1900 экз.
Тип. зак. 655. Цена 95 коп.

Издательство «Наука». 117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука».
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

П $\frac{4602000000-042}{042(02)-82}$ 468.82, кн. №1 © Издательство «Наука», 1982 г.

ВВЕДЕНИЕ

Историю современного языкознания принято отсчитывать от открытия Р. Раском и Я. Гриммом германского передвижения согласных. С тех пор цели и методы исследования звуковых систем неоднократно менялись.

Сравнительно-историческому языкознанию XIX в. была присуща ретроспективная ориентация, вытекавшая из стремления к реконструкции наиболее древних состояний индоевропейской фонетики. Фонетика отдельных индоевропейских языков и их группировок выводилась из древнейших состояний как продукт множества звуковых изменений. В последние десятилетия XIX в. младограмматическое направление существенно увеличило строгость описания звуковых изменений.

Структуральная фонология 30—50-х годов XX в. с ее принципиальной ориентацией на синхронно-статическое описание звуковых систем перестала рассматривать их лишь как совокупности рефлексов древнейших систем. На богатом материале живых языков был разработан строгий аппарат описания звуковых единиц в терминах фонологических систем. Его применение при исследовании динамики последних привело к выделению в диахронической фонологии двух направлений. Одно из них продолжало руководствоваться идущими от Ф. де Соссюра положениями о примате синхронии и несистемном, частном характере диахронических изменений [Соссюр 1977, 127, 132, 176]. Фонологам этого направления, которое можно назвать дескриптивным [ср. Мартине 1960, 30—32], диахрония представляется в виде последовательности сменяющих друг друга состояний или «срезов», которые, естественно, описываются и изучаются методами синхронической фонологии с добавлением лишь специальных приемов реконструкции системы по скудным данным

Эта книга — результат участия автора в семинаре по исторической фонологии германских языков под руководством недавно скончавшегося замечательного ученого Михаила Ивановича Стеблин-Каменского.

древних письменностей. Собственно диахроническим элементом в подобных исследованиях оказывается сопоставление двух соседствующих на временной оси «срезов» с целью инвентаризации происшедших изменений [ср. Зиндер и Строева 1965; Пильх 1970]. Программа дескриптивно-диахронической фонологии ограничена тезисом, согласно которому «для науки о языке вполне достаточно констатировать звуковые изменения и выяснить их последствия» [Соссюр 1977, 56]. Эту линию продолжает трансформационно-порождающая фонология, стремящаяся к полной формализации описания как синхронных «срезов» [Лэсс и Эндерсон 1975], так и переходов между ними [Эрдманн 1972; Вулф 1972; Бэррак 1975; Ральф 1975].

Для другого направления в диахронической фонологии, которое следует назвать экспланаторным [ср. Мартине 1960, 34], описание состояний системы и фиксация изменений между ними — не самодовлеющий результат, а исходный пункт исследования, главной целью которого становится раскрытие причинно-следственного механизма динамики фонологических систем [Жюйян 1953, 199]. Необходимо подчеркнуть, что подобная цель неминуемо ведет исследование за пределы ортодоксального структурализма. Присущие последнему пренебрежение проблематикой причинно-следственных связей в языковой эволюции [ср. Соссюр 1977, 56] и скепсис относительно плодотворности их поиска [Блумфилд 1968, 420] вполне понятны: постулат о примате синхронии отодвигает на задний план любую проблему, относящуюся к принципиально несистемной языковой динамике. Закономерно, что ограниченность лингвистического структурализма в фонологии начала преодолеваться в рамках экспланаторно-диахронического направления.

Поиск причин фонологических изменений, начатый в 30-е годы, лишь на раннем этапе ограничивался рамками структуры изменяющейся фонологической системы [Трнка 1936; 1948]. Выход за эти рамки стал характерным для работ по экспланаторно-диахронической фонологии в 50-е годы. Й. Вахек обратился к функциональным факторам фонологической эволюции, которую он рассматривал как составную часть общего развития макросистемы языка [1958; 1967, 105 сл.]. М. И. Стеблин-Каменский искал причины фонологических изменений в их предпосылках на аллофоническом уровне, т. е. в субстантной реализации фонем [1966]. А. Мартине в своем програм-

мном труде по диахронической фонологии [1955] сформулировал тезис о трехсторонней причинной обусловленности фонологических изменений взаимодействующими функциональными, структурными и субстантными факторами¹. Тем самым был заложен фундамент новой, системной фонологии как ветви системной лингвистики.

Терминологический эпитет «системная» не означает, что до зарождения этой ветви фонологии изучение звуковых систем не велось. Системный характер звукового строя любого языка признавался всеми направлениями языкознания. Однако для полуторавековой истории нашей науки характерно одностороннее внимание лишь к отдельным аспектам звуковых систем. Так, на протяжении XIX в. фонетисты изучали материальную, субстантную сторону звуков языка. Структуральная фонология занялась прежде всего внутренним строением, организацией звуковых систем, в наиболее крайних своих ответвлениях стремясь полностью отвлечься от их субстантной основы (что, правда, никогда не удавалось). Системная фонология, в отличие от структуральной, ставит своей целью полный, всесторонний учет всех трех аспектов звуковых систем — субстантного, структурного и функционального, выявление их органической взаимосвязи и взаимодействия [Мельников 1967, 98—102].

¹ Критика А. Мартине за одностороннее подчеркивание экономии как ведущего фактора фонологической эволюции [см. Будагов 1972, 21] неправомерна, так как фундаментальной в его концепции является идея о фонологической эволюции как равнодействующей трех названных факторов, из которых ни один не возвышается над двумя другими. Досадное недоразумение — следствие терминологической небрежности А. Мартине, употребившего слово *économie* в двух разных значениях: в значении «бережливость» оно характеризует рациональную, экономичную организацию антропофонической артикуляционно-перцептивной деятельности, которая служит субстантной основой фонологической системы и рассматривается им в гл. IV как один из факторов эволюции наряду с функцией (гл. II) и структурой (гл. III) фонологической системы; второе значение слова *économie* — «гармония различных сторон единого ансамбля» — также широко представлено в книге, и именно в этом значении данное слово вынесено в заглавие всей работы. На неудачность этого решения обратил внимание В. А. Звегинцев во вступительной статье к русскому переводу книги [Мартине 1960, 21]. Русское слово «экономия» второго значения не имеет и потому оказалось в данном случае «ложным другом» переводчика, который, неверно переведя важнейшее для концепции автора слово, усугубил ошибку, включив в русское заглавие книги отсутствующее в оригинале слово «принцип».

Системная фонология по-новому подходит к истории звуковых систем. Историческая фонетика XIX в. ограничивалась инвентаризацией изменений отдельных звуков, подводя их под такие рубрики, как «палатализация», «веляризация», «делабиализация», «озвончение», «спирантизация», «дифтонгизация», «расширение», «преломление» и т. п. Дескриптивное направление в диахронической фонологии и его трансформационно-порождающее продолжение занимаются чисто таксономической инвентаризацией наблюдаемых изменений в звуковых системах. При этом первое направление оперирует классификационными рубриками наподобие «фонологизации» или «расщепления», «дефонологизации» или «слияния», «рефонологизации» или «передвижения» [Якобсон 1931; Пенцль 1957; Моултон 1967], а для трансформационно-порождающей фонологии характерна таксономическая рубрикация трансформационных правил, в терминах которых представляются звуковые изменения, по таким типам, как правила «саморасширяющиеся» (feeding rules) и «самопрерывающиеся» (bleeding rules)². Фонология системно-диахроническая видит в подобных инвентаризациях лишь подсобный материал для своих построений, имеющих целью раскрытие причинно-следственного механизма динамики фонологических систем.

Определяющим моментом в динамике языковых систем является сложное взаимодействие их разнонаправленных сторон — функциональной, структурной и субстантной. Применительно к фонологическим системам ф у н к ц и о н а л ь н ы е факторы стимулируют конструирование достаточного количества четко различимых звуковых оболочек для значимых единиц — морфем, слов. Факторы с у б с т а н т н ы е ограничивают такое конструирование реальными физиологическими возможностями антропофонического (артикуляционно-перцептивного) аппарата речи. Факторы с т р у к т у р н ы е обеспечивают оптимальную упорядоченность системы, в частности, достаточную степень ее симметричности.

Нетрудно видеть, что между тремя группами факторов, придающих эволюции системы различные ориентации, могут возникать коллизии. В самом схематичном виде механизм подобных коллизий можно представить так:

² Русский перевод английских терминов предложен Ю. С. Степановым [1975, 100—101].

если существует некоторая звуковая единица a , то функциональные факторы направлены на формирование многих других единиц (a , b , c . . .), в совокупности обеспечивающих потребность языка в таких единицах; структурные факторы способствуют формированию таких единиц, которые могут быть симметричны a ($a \parallel b$), и препятствуют формированию единиц, не симметричных существующим; наконец, субстантные факторы способствуют формированию единиц, которые могут быть реализованы антропофоническим аппаратом в рамках сложившейся артикуляционной базы, и сдерживают формирование таких единиц, которые, даже если они отвечают функциональным или структурным запросам, в то же время превышают возможности антропофонического аппарата.

Из изложенного следует, что ведущую роль в динамике звуковых систем играют функциональные факторы. Именно здесь находится рычаг воздействия на звуковой ярус со стороны высших ярусов макросистемы — лексического и грамматического; само вхождение звукового яруса в эту макросистему обусловлено, разумеется, его функцией в ней. Однако в словосочетании «ведущая роль» эпитет следует понимать в смысле «инициативная, стимулирующая», а не в смысле «господствующая, определяющая». Поскольку нормальная деятельность системы невозможна без органического взаимодействия всех трех ее сторон, в отношениях между ними вообще нет места для господства. Определяющим же моментом для синхронного состояния системы является сложившееся соотношение ее сторон, а для ее динамики — перспектива изменения этого соотношения.

Расширение системы и увеличение ее конструктивного потенциала, стимулируемое функциональными факторами, может быть осуществлено различными путями. Выбор одного из них в большой мере зависит от структурных и субстантных факторов, которые играют регулирующую роль в динамике фонологических систем, обеспечивая или, наоборот, предотвращая формирование тех или иных единиц в зависимости от включаемости последних в структурную организацию системы и от их субстантной осуществимости.

В действующих фонологических системах поддерживается определенное равновесие трех сторон. Оно не означает полной неподвижности уравновешенной системы во всех ее частях. Системообразующим факторам — функцио-

нальным, структурным, субстантным — не присуща жесткая детерминация по отношению к системе. Так, функциональные факторы, в принципе направленные на обеспечение достаточной различимости звуковых оболочек, допускают наличие некоторого числа омофонов, т. е. неразличение некоторых лексических или грамматических единиц фонологическими средствами. Структурные факторы, направленные на симметризацию системы, допускают наличие в ней некоторого числа не заполненных потенциальными фонемами «пустых клеток» или, напротив, изолированных, несимметричных фонем. Субстантные факторы, направленные на облегчение артикуляционной и перцептивной деятельности носителей языка, допускают функционирование весьма трудных с антропофонической точки зрения единиц. Таким образом, во взаимодействии трех сторон фонологической системы всегда имеются «допуски», которые обеспечивают возможность автономного действия того или иного фактора в определенных пределах. Поэтому такие частные фонематические и фонетические изменения, как появление, передвижка или исчезновение отдельных фонем, изменения в их реализации и сочетаемости, возникновение нескольких омофонических пар, могут проходить в условиях общей стабильности системы в целом, затрагивая лишь отдельные ее участки.

Однако равновесие не может окончательно стабилизироваться в живом, функционирующем и потому эволюционирующем языке. Время от времени противоречия между сторонами системы обостряются, и система приходит в критическое состояние. Из каждого такого состояния можно выйти, естественно, более чем одним путем. При теоретическом множестве возможных решений обычно поляризуются два противоположно направленных и равно приемлемых решения [Мартине 1960, 247—248]. Выбор одного из них определяет динамику звуковой системы на срок, измеряемый многими столетиями.

Преобразования фонологических систем в процессе разрешения критических ситуаций проходят ряд этапов. Подготовительный этап включает в себя период четкого выявления накопившихся в системе противоречий и выделения одного, наиболее острого из них. Затем осуществляется выработанное в системе решение критической ситуации. Оно, как правило, глубоко затрагивает такие фундаментальные параметры фонологической системы, как основные закономерности парадигматики и синтагматики

ее элементов. Важно подчеркнуть, что на этом этапе глубокой системной перестройки, как правило, не происходит заметных звуковых изменений в собственном смысле этого слова. Ведь функциональные факторы требуют постепенности в любой перестройке системы, так как последняя нуждается в сохранении оптимальных условий для своего непрерывного функционирования. Поскольку на одной и той же субстантной основе могут базироваться различные структурные построения, критическая ситуация в системе под воздействием функционального фактора стабильности может решаться и обычно решается выбором такой структурной схемы, которая способна в наибольшей мере использовать существующую субстантную основу системы [Тводелл 1948, 151].

Только после структурной перестройки начинается третий этап преобразования, когда парадигматические, синтагматические и субстантные свойства элементов системы постепенно приводятся в соответствие с ее новой структурной схемой. На этом этапе осуществляются звуковые изменения, вытекающие из структурной перестройки: возникают и ликвидируются фонемы, изменяется их сочетаемость и т. п. Особенно интенсивно действуют теперь структурные факторы, обеспечивающие гармонию расширяющейся системы. С течением времени активность структурных факторов может вызвать возникновение новых напряжений в системе и тем самым — новой критической ситуации. Если в одной системе одновременно назревают две зоны противоречий, устанавливается очередность разрешения последних, и вторая перестройка откладывается до завершения первой [Плоткин 1967, 68].

Постулируется, таким образом, циклический характер динамики фонологических систем. Узловыми точками в их истории являются крупные перестройки. Они могут иметь место в языке, которым до и после перестройки пользуется один и тот же этнос, и тогда перестройка становится отчетливой границей двух периодов в истории данного языка. В этом случае наблюдению доступно лишь одно осуществленное решение критической ситуации. Правда, поскольку решение вырабатывается путем стихийного отбора из множества вариантов в речевой деятельности всего языкового коллектива, в диалектах могут сохраняться некоторые следы решений, не принятых коллективом в целом. Возможны также случаи, когда

критическая ситуация складывается в фонологической системе языка, между носителями которого намечается этническое расщепление, и тогда в дивергирующих этнических ареалах могут реализоваться разные решения одной и той же критической ситуации. Выбор и закрепление разных путей перестройки фонологической системы могут, в свою очередь, усилить языковую дифференциацию двух ареалов.

С точки зрения излагаемой здесь концепции фонологической эволюции обсуждение отдельно взятых звуковых изменений в разных языках не может быть плодотворным; успешным может быть лишь рассмотрение целостных процессов эволюции фонологических систем в как можно более широких хронологических рамках. Поскольку причинно-следственные цепи, обусловившие ход фонологической эволюции в каждом данном языке, имеют свое начало в его предыстории, пути фонологической эволюции в языках, восходящих к общему предку, представляют собой продукты дивергенции первоначально единого эволюционного процесса. Их сопоставление позволяет выявить как общие закономерности фонологической эволюции во всех языках генеалогической группировки, так и специфические факторы, обусловившие фонологическую дивергенцию родственных языков. Учитывая это обстоятельство, представилось целесообразным использовать в качестве конкретного языкового материала для разработки излагаемой здесь концепции фонологическую эволюцию группы родственных языков с достаточно длительной документированной звуковой историей и с достаточно широким спектром языковой дивергенции. Выбор пал на германские языки, отвечающие обоим этим критериям и к тому же обстоятельно изученные в плане диахронической фонологии. Мы начнем с рассмотрения динамики общегерманской фонологической системы, в которой представлен один из путей решения фонологических проблем, возникавших в процессе распада общеевропейской языковой системы. Затем анализируется критическая ситуация, сложившаяся в германской фонологической системе к эпохе выделения отдельных германских языков. Складывающиеся в последних фонологические системы суть реализации различных путей разрешения этой критической ситуации. Дальнейшая эволюция фонологических систем в германских языках во многом определялась выбором решения в период складывания систем.

Поскольку фонологическая эволюция германских языков рассматривается здесь прежде всего с целью иллюстрации общих закономерностей эволюционных процессов, некоторые из ее участков представляется возможным оставить в стороне. В частности, не затрагиваются эволюционные линии, наметившиеся в тот или иной момент истории германских языков, но впоследствии свернутые. Исключение сделано лишь для одной такой линии — рано оборвавшейся восточногерманской (готской). В центре нашего внимания — выявление эволюционных линий в возможно более чистом виде, поэтому здесь не рассматриваются фонологические истории таких языков, как фризский, нижненемецкий, норвежский, идиш, африкаанс, для которых характерно сложное переплетение эволюционных линий. В трех первых из названных языков наблюдается взаимодействие различных германских линий: в истории фризской фонологической системы постепенно затухала первоначальная ингвеонская линия и усилилась нидерландско-нижненемецкая линия; последняя, в свою очередь, в новое время затухает в нижненемецком ареале под верхненемецким влиянием; норвежский язык оказался на стыке двух ареалов с разными эволюционными линиями — западноскандинавской и восточноскандинавской, вдобавок испытал и некоторое южноскандинавское воздействие. Фонологические системы идиш и африкаанс — результаты модификации исходных систем в специфических этногеографических условиях.

В западногерманской подгруппе необходимо выделить три достаточно четко определившиеся эволюционные линии фонологической динамики: 1) островную, первоначально англо-фризскую, ныне представленную английским языком; 2) южноконтинентальную, или верхненемецкую; 3) северноконтинентальную, нидерландско-нижненемецкую, ныне представленную нидерландским языком. Разделение этих трех линий произошло уже в самом начале древнегерманской эпохи.

В скандинавских языках также выделяются три эволюционные линии: 1) западная, западнонорвежско-исландская, в чистом виде представленная исландским языком; 2) восточная, восточнонорвежско-шведская, представленная шведским языком; 3) южная, или датская. Их разделение произошло гораздо позже, чем в западногерманской подгруппе, и ему предшествовал длительный общескандинавский период с единой эволюционной линией.

Рассматривая фонологическую эволюцию в каждом ареале, мы стремимся выделить в ней наиболее существенные признаки эволюционной линии, которая выработана в данном ареале. Поэтому первоочередное внимание уделено фонологической истории единых национальных языков, а не богатому диалектному спектру. В естественном процессе складывания национального языка его система вбирает в себя те или иные диалектные черты не только по социальным, политическим, культурным и тому подобным внеязыковым стимулам; складывающаяся система неизбежно отбирает из диалектов черты лингвистически представительные, отбрасывая как глубокие архаизмы, так и экстремальные новации.

* * *

Важнейшие моменты общемонологической концепции, лежащей в основе данной работы, нуждаются в экспликации.

Фонологическая система языка (точнее, гиперсистема) представляет собой иерархию систем единиц трех рангов.

Мельчайшие фонологические единицы — к и н а к е м ы, обеспечивающие иннервационный механизм антропофонической артикуляционно-перцептивной деятельности [Плоткин 1976; 1977; 1978]. Совокупность кинакем, функционирующих в каждом отдельном языке, представляет собой парадигматическую систему. В функциональном плане кинакемы делятся на консонантные и вокалические. В плане субстантном существенно деление кинакем на две категории — модальную и локальную. У консонантных кинакем модальная категория подразделяется на две субкатегории — преградную, включающую кинакемы смычности и проточности, и звуковую с кинакемами тона (сонорности) и шумности. Поскольку вокалические кинакемы обуславливают наличие тона и исключают шумность, у них имеется лишь аналог преградной субкатегории — модальная субкатегория раствора. Смычка, щель, проток, узкий и широкий раствор субстантно одноплановы, и членение на консонантную и вокалическую зоны (иногда и на большее число зон) налагается на этот антропофонический континуум конкретными условиями фонологической гиперсистемы того или иного языка. Встречаются и иные разновидности модальных кинакем — протяженность и абруптивность у гласных и согласных, устойчивость и скольжение у гласных.

Локальная категория в консонантизме делится на две субкатегории — активную и пассивную, каждая из которых включает в себя кинакемы центральности и периферийности (предцентральности и зацентральности) артикуляционного органа, соответственно активного или пассивного. Центральный активный орган — язык в одних системах, его передняя часть в других. Центральный пассивный орган — дентальная или альвеолярная зона. В вокализме локальная категория включает в себя кинакемы тембровые — ряда, лабиализации.

В структурном плане кинакемы делятся на положительные и отрицательные, образующие контрадикторные пары — оппозиции. Деления функциональные, субстантные и структурные взаимно перекрещиваются, и описание системы кинакем содержит указания на все три ее аспекта.

Вторая по рангу фонологическая единица — *фонема*. Это стандартный для данного языка блок кинакем, обеспечивающий производство и распознавание звуков речи. Поскольку стандартизация совокупности кинакем в фонему может растягиваться на некоторый срок, системы фонем обычно носят полуоткрытый характер, имея на своей периферии потенциальные, слабо интегрированные фонемы.

Третья фонологическая единица — *слог*. Это типичный для данного языка блок фонем, обеспечивающий линейную организацию потока членораздельной речи. Инвентарь слогов обычно имеет полевую структуру, где между ядром поля — каноническими слогами и вынесенной за пределы поля зоной запрещенных слогов лежит периферийная зона с несколькими грациями — слогами редкими, единичными, потенциальными.

Конечным продуктом функционирования всей фонологической гиперсистемы языка являются пригодные для семантизации звуковые оболочки морфем и слов. Оболочки полнозначных слов создаются только из слогов. Для служебных слов оболочки могут состоять из фонем, не образующих слога. Оболочки морфем могут формироваться из кинакем, не образующих фонему, даже из одной кинакемы, как в русских существительных *мазь*, *новь*, *рвань*, где присоединенная к последней согласной фонеме основы кинакема палатализации выступает как оболочка словообразующей морфемы [см. Булыгина 1967, 82; Арутюнова 1968, 87—88; Перевейнос 1970, 18—19].

ДИНАМИКА ОБЩЕГЕРМАНСКОЙ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Общегерманская фонологическая система сложилась в результате перестройки общеиндоевропейской системы. Обсуждение сущности и деталей этой перестройки идет в научной литературе более полутора столетий и вызвало немало споров, не завершенных по сей день [см. СГГЯ II, 11 сл.]. Отмечалась высокая степень специфичности перестройки для германского ареала: лишь в немногих индоевропейских языках за его пределами (прежде всего в армянском) обнаруживаются параллели к ее важнейшим моментам. Высказывалось, однако, и сомнение в специфичности германской перестройки, которая могла быть реакцией на критическую ситуацию, характерную для общеиндоевропейской фонологической системы накануне выделения ветвей этой языковой семьи [Хаммерих 1955, 24—28].

Фонологическая система общеиндоевропейского праязыка реконструирована современным языкознанием с достоверностью, которую следует признать вполне удовлетворительной, если учесть колоссальные трудности реконструкции. Многократно предпринимавшиеся попытки описать фонологическую систему общеиндоевропейского праязыка с точностью до отдельных фонем не могли быть успешными. Как и в других областях языкознания, погоня за максимальной точностью описания здесь бесплодна прежде всего потому, что ошибочно само представление о точности, лежащее в основе подобных попыток. Компаративистика обоснованно отклонила шлейхеровскую попытку реконструкции праязыка вплоть до воссоздания текстов на нем. Столь же нереалистичны и попытки определить все фонемы языка, от которого не сохранились тексты и само существование которого хронологически очерчивается лишь с тысячелетними допусками.

Научная точность прежде всего требует отличать обоснованные заключения из анализа достаточно надежного материала от чисто гипотетических построений. Необходимость выдвижения гипотез для развития науки неоспорима, но гипотезы не должны, пока они остаются таковыми,

причисляться к научным достижениям. Применительно к фонологической системе общеиндоевропейского праязыка установление полного фонемного состава вряд ли достижимо. Возможны, однако, обоснованные заключения об общей типологической характеристике системы.

Важнейшими чертами общеиндоевропейской фонологической системы, несомненно носящими типологический характер, были:

а) крайне бедный вокализм с тремя, двумя или даже одной гласной;

б) относительно богатый состав шумных смычных согласных, которых насчитывалось от 12 до 20 — колебания в оценках вызваны неясностью перечня локальных рядов (за дентальным рядом следовали либо три ряда — палатальный, велярный, лабиовелярный, либо только два) и модальных классов (два придыхательных класса — глухой и звонкий — или один);

в) бедность состава шумных щелевых согласных, из которых достоверно реконструируется только /s/;

г) наличие особого разряда сонантов /ɨ/, /ɥ/, /r/, /l/, /m/, /n/, не входившего ни в вокализм, ни в консонантизм.

Реконструируемая таким образом общеиндоевропейская фонологическая система представляется некоторым лингвистам типологически странной, даже нереальной [Мартине 1955, 233—234]. Но если принять во внимание типологическую характеристику строя общеиндоевропейского праязыка в его древнейшем состоянии, подобная фонологическая реконструкция становится вполне приемлемой и объяснимой.

Реконструкция индоевропейских корней показала, что общеиндоевропейский праязык на раннем этапе своего существования принадлежал к корнеизолирующему типу [Бенвенист 1935; Клычков 1963, 4—5]. В этой связи весьма плодотворным оказывается сопоставление общеиндоевропейской фонологической системы с системами живых языков этого типа.

Поскольку строй корнеизолирующего языка закономерно ведет к ограничению структуры принципиально совпадающих морфемных оболочек и слогов (силлабоморфем) типовой формулой СГ [см. Мельников 1971, 363], даже богатый по европейским меркам вокализм из двух десятков фонем мог бы обеспечить конструирование всего лишь нескольких сот оболочек для корней, что с учетом невозможности полного использования этого потенциала

заведомо недостаточно для создания нормального словарного состава. Отсюда функционально обусловленная потребность корнеизолирующих языков в специальных мерах обеспечения достаточно высокого конструктивного потенциала слогов типа СГ. Такое функциональное задание не может быть выполнено простым увеличением инвентаря фонем, что неизбежно натолкнулось бы на жесткие субстантные ограничения. Нужный результат достигается усложнением внутренней структуры слога.

Важнейшей чертой слога в корнеизолирующих языках Юго-Восточной Азии является сложная синтагматическая организация из внутрислоговых позиций и тонового компонента. Слог членится прежде всего на консонантную инициаль и вокалическую финаль, а в составе последней можно выделить центральную позицию — вокаль и две периферийные — медиаль и терминаль. В рамках фонематики выявились три подхода к описанию фонологических систем этих языков. В работах традиционного уклона описание строится по образцу, принятому для языков иного строя, без достаточного учета специфики слоговой структуры: по субстантным признакам выделяются фонемы гласные и согласные, а также полугласные, причисляемые то к гласным, то к согласным; в одной фонеме объединяются субстантные заполнители позиций инициальных и терминальных (китайское /n/), медиальных и терминальных (китайские /i/, /ɥ/); тоновый компонент слога по чисто субстантным основаниям рассматривается как просодическое явление и тем самым выводится за пределы фонематики [см. Гальцев 1962, 223; Ченг 1966, 137—138]. В противоположность этой трактовке предлагается отказ от фонематического членения слога в языках Юго-Восточной Азии, и слог здесь трактуется как мельчайшая, неразложимая фонологическая единица — силлабофонема, в которой объединяются лишенные собственного фонологического статуса звуковые сегменты и тоновый компонент [Поливанов 1928, 206; Драгунов 1962, 22, 35—36].

Обеих крайностей стремятся избегать те исследователи, которые, отказываясь применять к языкам слогового строя методику фонемной сегментации, разработанную для языков иных типов, ищут специфические для слоговых языков принципы фонологического членения слога. Наиболее четкая внутрислоговая граница обнаруживается при этом между консонантной инициалью и вокалической финалью [Гордина 1966, 180—183; Касевич 1974, 122—124].

Фонемный анализ инициальных согласных в языках Юго-Восточной Азии не представляет особых трудностей и не выявляет в организации консонантизма принципиальных отличий от других языковых ареалов. Этого, однако, нельзя сказать о вокализме. Для сегментации вокалической финали, например -uǎŋ из китайских слов huǎng 'император', chuǎng 'кровать' на фонемы /u/, /a/, /ŋ/ и выделения тонового компонента 2-го тона за рамки подобной сегментации нет иных оснований, кроме чисто субстантных, фонетических. В плане функциональном перед нами, несомненно, целостная фонологическая структура, не членившаяся на отдельные фонемы и «тонемы». Однако она обладает сложной кинакемной организацией, в которую входят кинакемы лабиализации (графическое отражение — буква *u*), широкого раствора (буква *a*), назализации (буква *n*), заднего ряда (буква *g*), а также кинакема повышения тона, обозначенная диакритическим символом. Таким образом, финаль -uǎŋ есть синтагматическое объединение кинакем, и в фонемных терминах она может быть определена как одна гласная широкого раствора, заднего ряда, лабиализованная, назализованная, с повышением тона. Для кинакем, входящих в состав одной фонемы, в языках типична одновременность реализации; однако это вряд ли универсальное правило, и в слоговых языках Юго-Восточной Азии реализация вокалических кинакем, как можно полагать, организуется во времени как последовательность, хотя и с немалым взаимоналожением. Так, тембровые кинакемы лабиализации и палатализации, выступая как по отдельности, так и в сочетании друг с другом, реализуются преимущественно в начальной фазе артикуляции гласной финали, тогда как реализация кинакем назализации и ряда отнесена к конечной фазе.

Высокая сложность организации финали предполагает наличие в ее составе промежуточных кинакемных группировок, меньших чем фонема. Так, в составе китайской финали можно обнаружить объединение кинакем из двух тембровых оппозиций — лабиализации и палатализации, реализацией которого на фонетическом уровне являются медиальные полугласные [i], [ɥ], [ɰ]; кинакемы двух локальных оппозиций переднего и заднего ряда, объединяясь с модальными кинакемами сужения или назализации, реализуются соответственно в терминалях [i], [ɥ], [n], [ŋ]; кинакемы раствора формируют вокали [a], [ə]. Особую группировку составляют кинакемы двух тоновых

оппозиций, реализуемые всей финалью. Но эти группировки имеют под собой фонетическую, субстантную основу и особым фонологическим статусом не обладают¹.

Сопоставляя фонологические системы общиндоевропейского праязыка и современного китайского языка, обратим внимание на два взаимосвязанных свойства обеих систем. Первое из них — чрезвычайная бедность состава индоевропейских гласных и китайских вокалей и вытекающая отсюда широта их варьирования по тембровым признакам. Так, китайская вокаль [a] объединяет аллофоны задние ([a] в лабиализованном заднем окружении, например, в -uang) и передние ([ɛ] при палатализованном переднем окружении, например, в -ian); в подобных условиях вокаль [ə] варьирует от [e] в -ei до [o] в -ou, а в некоторых контекстах реализуется и нулевым аллофоном, например в [in] от /iən/, [uŋ] от /uən/. Как известно, аллофоническое варьирование $e \sim o \sim \emptyset$ в рамках одной фонемы реконструируется и для общиндоевропейского праязыка.

Вторая важнейшая черта китайской и общиндоевропейской фонологических систем — широкое использование в вокалической части слога звуковых типов, промежуточных между полярными разрядами гласных и согласных. Разумеется, полугласные и сонанты обнаруживаются в широчайшем круге языков самых различных типов, но обычно они представляют собой субстантно-дистрибутивные фонемные группировки внутри консонантизма. В сопоставляемых нами фонологических системах — китайской и общиндоевропейской — полугласные и сонанты широко используются не в консонантной периферии слога, что типично для современных индоевропейских языков, а как сонантная периферия слононосителя, иногда даже его ядро².

Функциональное значение такой структурной организации фонологических систем очевидно. Усложнение слононосителя, складывающегося из нескольких кинакемных

¹ Предлагалось различать в слоговых языках два уровня фонемных единиц: альфа-фонемы, аналогичные описанным кинакемным группировкам, и бета-фонемы, охватывающие финаль в целом [Ефимов 1976, 78—79].

² Использование сонантов в качестве слононосителя, известное в некоторых современных индоевропейских языках, ограничено либо по типу слога (в английском — только неударный), либо по охвату сонантов (/ɾ/, /l/ в чешском, /r/ в сербско-хорватском).

группировок, достаточно свободно сочетающихся между собой, позволяет увеличить инвентарь слогоносителей-финалей и довести его примерно до 150 единиц в китайском языке. Но такое решение существенно влияет на взаимоотношения между консонантной и вокалической подсистемами в рамках единой фонологической системы.

Антропофоническая субстанция вокализма и консонантизма в основе своей едина. В ней четко выделяются два соответствующих полюса, но между ними располагается антропофонический континуум [Якобсон и Халле 1962, 268—270]. Так, близки реализации узкого раствора у гласных и протока у согласных. Наличие тона объединяет все гласные и сонорные согласные. Следовательно, некоторые модальные свойства согласных (сонорность, проточность) сближают их с гласными. Среди локальных свойств, которые отдаляют согласные от оптимума и тем самым сближают их с гласными, следует отметить активно-периферийное образование — губное, фарингальное, заднеязычное. Гласные отдаляются от оптимума и сближаются с согласными при узком растворе, способном переходить в проток, при палатализации и лабиализации, которые также означают протокообразное сужение ротового резонатора в определенных точках. Назализацию гласного можно рассматривать как еще большее сужение резонаторной зоны с перекрытием ее ротовой части при сохранении носового резонатора [см. Евдошенко 1967, 113]. Наконец, смычка в конце артикуляции неносового гласного — последняя ступень сужения резонаторной зоны.

В корнеизолирующих языках с характерным для них усложнением структуры слогоносителя граница между консонантизмом и вокализмом сильно смещена по сравнению с языками прочих типов. Смещение в целом направлено на расширение вокалической зоны, в которую включаются антропофонические средства, обычно используемые в консонантизме. Вполне понятно, что подобное расширение арсенала вокалических средств возможно лишь при том условии, что нетипичные для вокализма средства останутся на его периферии и будут использованы только как модификаторы вокальной вершины слогоносителя. Отсюда иерархия ядра и периферии слогоносителя, причем последняя по субстантным свойствам близка к консонантизму. В китайском слогоносители-финали делятся на ядерную и две периферийные зоны и используют в качестве субстантной базы континуум модальных средств от

широкого раствора до смычки. Ядро финали — вокаль включает в себя неузкие гласные широкого раствора [a] и среднего [ə], тогда как узкий раствор используется в предъядерной медиали; заядерная часть слогоносителя указывает на конечное сужение финали либо до ступени узкого гласного при терминалях [i], [u], либо дальше — с сохранением лишь носового резонатора при терминалях [n], [ŋ]. В кантонском диалекте есть и третья, максимальная ступень сужения с полным перекрытием обоих резонаторов импловзивными терминалями [p], [t], [k].

Распространенность модификации ядерных гласных предполагает их способность к широчайшему варьированию, что возможно только при минимальном составе этой части вокализма. Итак, относительная бедность ядерного вокализма при богатстве его периферийных модификаций — закономерная черта фонологического строя корнеизолирующих языков.

В фонологической системе общеиндоевропейского праязыка немало отличий от слоговых языков Юго-Восточной Азии. Однако несомненно сходство в основной черте обеих систем — в сдвиге границы между консонантизмом и вокализмом в пользу последнего. Отсюда, во-первых, наличие промежуточных дистрибутивных разрядов полугласных, плавных и носовых сонантов; во-вторых, бедность состава и широкая вариативность собственно гласных. Еще одно проявление сдвига консонантно-вокалической границы в общеиндоевропейском праязыке — использование проточности, которая здесь в значительной мере отнесена в вокалическую сферу. Отсюда, вероятно, закономерно вытекает бедность состава проточных согласных фонем: единственно достоверный представитель этого модального класса в общеиндоевропейском — щелевая фонема /s/ ³. Показательно отсутствие у нее локальных коррелятов: периферийный проток отходил, вероятно, в вокалическую сферу, где был использован для формирования ларингальных модификаторов слогоносителя. Ларингалы следует поэтому трактовать как особый разряд с таким же фонологическим статусом, как сонанты [СГГЯ II, 16; Макаев 1970, 136 сл.].

К корнеизолирующему типу общеиндоевропейский праязык относился лишь на древнейшей реконструируемой

³ Фонетическим термином «щель» мы обозначаем способ реализации кинякемы проточности у шумных согласных.

стадии своей истории. Последующая история как праязыка, так и его ответвлений представляет собой постепенный переход к иному языковому типу — агглютинативному, затем флективному [Клычков 1963, 4]. Фонологическая система, естественно, включилась в этот процесс. Это означало утрату описанных черт, сближающих общиндоевропейский праязык со слоговыми языками.

Весьма важным последствием отхода от корнеизоляции было исчезновение необходимости сокращать сферу консонантизма для обогащения структуры слогиносителя. Открылся путь к полному использованию проточности, а также всех артикуляционных точек для формирования согласных фонем. Теперь консонантизм мог стать гораздо более уравнивающим, приобрести большую симметрию между смычными и проточными согласными, между локальными рядами.

Полное завершение коренной перестройки фонологической системы в связи с переходом в иной языковой тип относится уже к истории отдельных групп индоевропейской семьи. Процессы, характерные для всех ее ветвей, хорошо известны. Везде упростился состав зацентральных локальных рядов, в том числе путем переключения части зацентральных согласных со смычной артикуляции на проточную в языках *satəm*. Почти везде, кроме индийской группы, исчезла оппозиция придыхательности. Проточные согласные дополнили свой состав за счет как смычных шумных, так и сонантов; на них распространились модальные оппозиции сонорности и шумности; по количеству локальных рядов проточные согласные сравнялись со смычными, иногда даже превосходили их. Завершаются распад разряда сонантов и их интеграция частично в консонантизме, частично в вокализме.

Эти процессы в целом охватили весь индоевропейский ареал, ибо они закономерно следовали из типологической перестройки, в стороне от которой не остался ни один индоевропейский язык. Конечно, в столь обширном ареале неизбежны существенные различия в темпах и способах перестройки. Отсюда и специфичность путей фонологической эволюции. Однако нет оснований преувеличивать эту специфичность в какой-либо из групп индоевропейской семьи, в частности в германской, и делать выводы то об особых этнопсихических качествах германцев [Гримм 1880, 306; Прокош 1954, 46], то об их неиндоевропейском происхождении [Мейе 1952, 43]. Привлекает внимание высказанное уже давно предположение, что перестройка

консонантизма в германских языках должна рассматриваться «не как явление изолированно германское, а как особая форма реализации тенденций развития консонантизма широкого ареала индоевропейских языков» [Гухман 1954, 356]. При всей индивидуальности фонологической эволюции германских языков она полностью вписывается в общие для индоевропейских языков рамки [Хаммерих 1955, 28; Стеблин-Каменский 1965, 77].

Серия фонологических изменений, называемая германским передвижением согласных, была направлена на оптимизацию соотношения между смычными и проточными согласными. Из трех модальных классов смычных один — глухие /p/, /t/, /k/, /k^o/ — сменил кинакему смычности на кинакему проточности. При этом проточных стало больше, чем их смычных коррелятов, так как наряду с новыми целевыми /f/, /θ/, /x/, /x^o/ имелась и старая целевая фонема /s/. Немаловажно и то, что целевые согласные, ранее не участвовавшие в локальных корреляциях, теперь организовались в пять локальных рядов: лабиальный /f/, дентальный /θ/, постдентальный /s/, велярный /x/, лабиовелярный /x^o/.

Лишь один из трех модальных классов смычных сохранил кинакему смычности — звонкие /b/, /d/, /g/, /g^o/, утратившие кинакему сонорности и ставшие новыми глухими /p/, /t/, /k/, /k^o/.

Третий модальный класс /b^h/, /d^h/, /g^h/ утратил не только кинакему придыхательности, вообще устраненную из фонологической системы, но и кинакему смычности: в новом модальном классе звонких согласных смычность и проточность были сведены на аллофонический уровень, и фонемы /b/, /d/, /g/ реализовались соответственно как [b ~ v], [d ~ ð], [g ~ ɣ]. В терминах кинакемной структуры это следует трактовать так, что сочетание двух положительных звуковых кинакем сонорности и шумности, на антропофоническом уровне дающее звонкость, исключает из фонемы все преградные кинакемы — как смычности, так и проточности.

В результате передвижения ось симметрии между смычными и проточными в общегерманском языке прошла точно посредине состава прежних смычных так, что два модальных класса из трех оказались по разные стороны оси, а один класс она рассекла на две аллофонические зоны:

/d/ /d^h/ /t/ → /t/ /d | ð/ /θ/.

Перестройка соотношения между смычными и проточными (щелевыми) согласными в пользу последних характерна для истории всех индоевропейских языков. Среди смычных она повсеместно затронула придыхательные. Поскольку последние наиболее сложны по кинаемной структуре и по антропофонической реализации, именно за их счет снизилась разветвленность смычной части консонантизма. Своеобразие эволюции консонантизма в различных группах индоевропейской семьи выявляется прежде всего в том, как в них решалась проблема соотношения придыхательных и щелевых согласных. О тесной взаимосвязи судеб обоих модальных классов согласных свидетельствует, в частности, тот примечательный факт, что в индийских языках, где оппозиция придыхательности не только сохранилась, но и расширила сферу действия, состав щелевых крайне беден [Елизаренкова 1974, 274—275]. В этой языковой группе, как видим, характерная для общеиндоевропейского консонантизма асимметрия составов смычных и щелевых закрепились.

Другое решение уменьшило состав смычных, просто ликвидировав кинаемную оппозицию придыхательности, что означало слияние придыхательных согласных с их непридыхательными коррелятами. Оно проведено в иранских, славянских и балтийских языках. Общей чертой обоих изложенных решений явилось то, что при них не потребовался переход какого-либо модального класса смычных в состав щелевых. Если имело место обогащение состава щелевых, оно осуществлялось за счет иных ресурсов системы — сонантов, некоторых локальных рядов смычных. Обращает на себя внимание то, что описанные решения типичны для ареала *satəm*. Очевидно, обогащение состава щелевых за счет смычных из зацентральных локальных рядов, осуществленное в этом ареале в древнейшую эпоху, впоследствии ослабило остроту асимметрии между составами смычных и щелевых.

Имелись и иные решения, общей чертой которых, в отличие от описанных, явился переход некоторых модальных классов смычных в состав щелевых, т. е. замена одной преградной кинаемы на другую. При этом класс придыхательных был ликвидирован. Такие решения типичны для ареала *centum*. В латинском языке отражен переход из класса придыхательных в щелевые /f/, /h/. В греческом на рубеже нашей эры в щелевые превратились не только придыхательные (/p^h/, /t^h/, /k^h/ > /f/, /θ/,

/x/), но также и звонкие (/b/, /d/, /g/ > /v/, /ð/, /ɣ/). Наконец, в германском ареале ликвидация оппозиции придыхательности и обогащение состава щелевых были объединены в цепном процессе передвижения всех трех модальных классов смычных согласных.

Последовавшая за германским передвижением согласных фиксация ударения на начальном слоге основы затронула распределение модальных классов согласных. Убедительно показано, что при ликвидации подвижности ударения имела место компенсация исчезающих акцентуационных различий между однокоренными словами путем переноса этих различий в фонематическую сферу [Хаммерих 1955, 25]. В качестве субстантной базы компенсации была использована антропофонически естественная поляризация между гласными и согласными в звуковом потоке речи. Ударность гласного ведет к усилению его контрастности с последующим согласным. При неударности гласного, напротив, контраст слабее; отсюда возможность субстантного сближения артикуляции согласного с гласным и отдаления ее от консонантного оптимума, что проявляется, в частности, в распространении вокалического тона на согласный сегмент, т. е. в озвончении согласного. В условиях подвижного ударения указанная фонетическая закономерность проявлялась в позиционно обусловленном аллофоническом варьировании звонкости ~ глухости у поствокального согласного: [f ~ v], [θ ~ ð], [s ~ z], [x ~ ɣ]. При фиксации ударения между аллофонами прошла фонемная граница, и звонкие аллофоны [v], [ð], [ɣ] присоединились к соответствующим звонким согласным /b/, /d/, /g/, которые не включали в свою структуру преградные кинаемы и потому имели как смычные, так и щелевые аллофоны. Звонкий аллофон фонемы /s/, которая до этого не имела звонкого коррелята, выделился из ее поля и превратился в такой коррелят /z/. Схематически процесс компенсации выглядел так: $\acute{a}sa/as\acute{a} > \acute{a}sa/\acute{a}za$.

Таким образом, фонологическая перестройка, прошедшая в общегерманском консонантизме, представляла собой закономерную составную часть общеиндоевропейского процесса. Однако, соглашаясь в этом с Л. Хаммерихом, следует отклонить его трактовку данного процесса как естественного результата действия универсальных фонетических тенденций. Подобного рода объяснения, как известно, лишь маскируют отсутствие конкретных объясне-

ний того, почему рассматриваемый процесс развернулся в данных языках в данную историческую эпоху и почему постулируемые универсальные тенденции оказываются парализованными в иных языках и в иные эпохи. Мы попытались показать, что перестройка была обусловлена глубокими изменениями в типологической характеристике индоевропейских языков по сравнению с общеиндоевропейским праязыком.

При общности главного направления перестройки каждая ветвь индоевропейской семьи выявляет и важные специфические черты, обусловленные различиями в путях ее проведения. Эти различия вытекают из неодинаковых решений небольшого числа альтернатив, вставших перед перестраивающейся фонологической системой. Обогащение состава целевых согласных за счет смычных с целью устранения асимметрии между ними было осуществлено путем спонтизации смычных либо из определенных локальных рядов, либо из какого-то модального класса. При выборе последней из альтернатив передачу модального класса из смычных в целевые можно было провести либо как непосредственный переход ликвидируемого класса в целевые, либо как цепной процесс, при котором ликвидируемый класс смычных вытесняет в состав целевых другой класс смычных. Последний выбор и представляет собой сущность германского передвижения согласных.

Обнаруживаемые в некоторых индоевропейских языках сходные решения тех же альтернатив не свидетельствуют о генетической близости языков или о наличии ареальных контактов между ними, поскольку при немногочисленности возникавших альтернатив и обычной бинарности их решений достаточно велика вероятность одинаковых решений в генетически или географически далеких ветвях.

Переход к новому языковому типу означал радикальную перестройку фонологической структуры слова, слога, слогиносителя. Главным направлением перестройки была ликвидация силлабоморфемы как формы обязательного звукового тождества слога и морфемы. Силлабоморфемы сливались в многосложные и многоморфемные слова, внутри которых границы слогов и морфем уже не обязательно совпадали. Это, естественно, означало распад прежней трехпозиционной структуры слогиносителя с медиалью, вокалью и терминалью, ибо терминальный компонент, оказавшись перед вокалью следующего слога, переходил

в состав последнего и тем самым становился его инициалью, т. е. согласным; медиальные полугласные слились в одних случаях с последующей вокалью, в других — с предшествующим инициальным согласным.

Когда последующий слог имел собственную консонантную инициаль, терминальный компонент не выходил из состава своего слогоносителя, который тем самым сохранял двухкомпонентную структуру из прежней вокали и терминали. На этой субстантной основе в индоевропейских языках сложилось членение слогоносителя на моры, не присущее слоговым языкам. Тем самым в фонологическую систему вошло противопоставление одноморных и двухморных слогоносителей.

[Одноморный слогоноситель состоял из прежней вокали или терминали (в последнем случае имела место полная редукция вокали). Двухморные слогоносители формировались из сочетания вокали с терминалью. Компоненты двухморного слогоносителя нередко подвергались взаимной ассимиляции, приводившей к появлению двухморных монофтонгов; при сохранении фонетической неоднородности двух мор они образовали дифтонг [см. Степанов 1974, 104—106].

В этих условиях складывалась новая подсистема гласных фонем общегерманского языка. Первым и наиболее простым актом этого процесса было, очевидно, фонемное переосмысление одноморных слогоносителей, заполненных прежними вокалями. Так сложились гласные фонемы, первоначально, надо полагать, весьма немногочисленные; наиболее вероятный их состав — гласная широкого раствора /a/ без тембровых кинакем и две неширокие гласные незаднего и заднего ряда /e/, /o/.

В общегерманском языке была устранена возможность выступления сонантов в качестве одноморных слогоносителей в ударном слоге. При этом слогоносители с сонантами /i/, /u/ стали восприниматься как содержащие гласную фонему (например, в причастиях сильных глаголов 1-го и 2-го классов — гот. *gripans*, *kusans*), тогда как перед носовыми и плавными сонантами появился новый гласный, обычно [u] (гот. *bundans*). Тем самым прежние вокалические аллофоны сонантов /i/, /u/ присоединились к гласным фонемам, что, естественно, вызвало перестройку в вокализме. При этом число гласных фонем не изменилось, сохранился и состав вокалических кинакем с одной модальной оппозицией раствора и одной локальной оппозицией тембра.

Интегрируясь в вокализме, прежние аллофоны сонантов /i/, /ɥ/ включали в свою структуру кинакему неширокого раствора и тем самым вступили во взаимодействие с фонемами /e/, /o/. Результаты этого взаимодействия оказались различными в незадном и заднем рядах. В незадном ряду произошло объединение в одну фонему /i ~ e/. В заднем ряду гласный [u], приобретший довольно высокую частотность, самостоятельно занял место фонемы неширокого раствора и вытеснил с этого места фонему /o/, которая вследствие этого слилась с фонемой /a/. Вполне естественно, что обе гласные фонемы с отрицательной кинаемой неширокого раствора реализовались в аллофонах узких ([i], [u]) и неузких ([e], [o]); однако в силу действия принципа максимального удаления фонем друг от друга в фонетическом пространстве типичными реализациями нешироких гласных были их узкие аллофоны [i], [u]. Поэтому в схематическом представлении общегерманского вокализма целесообразно обозначать неширокие гласные фонемы как /i/, /u/.

Двухморные монофтонгические слононосители послужили субстантной базой для формирования новой кинакемой оппозиции протяженности. Их монофонемизация привела к появлению долгих гласных фонем, которых, по видимому, вначале было только две: положительная кинакема протяженности сочеталась с отрицательной модальной кинакемой неширокого раствора в /e:/, /o:/. Долгая гласная фонема широкого раствора в общегерманском еще не возникла, и фонетические компоненты, вошедшие в состав этой фонемы в других ветвях индоевропейской семьи, в общегерманском отошли к /o:/, что в терминах традиционной исторической фонетики описывается как переход общеиндоевропейского гласного *a* в германское *ō*.

Общегерманская фонологическая система унаследовала двухморные слононосители с гласными /e/, /o/, /a/ в первой море и сонантами /i/, /ɥ/, /r/, /l/, /m/, /n/ во второй. Развернувшийся в общегерманскую эпоху распад фонемного разряда сонантов [см. Леманн 1955; Тводелл 1955; Уилл 1970] превратил слононосители с /r/, /l/, /m/, /n/ в сочетания гласного с сонорным согласным. Слияние гласных /o/, /a/ в одну фонему оставило в общегерманском лишь четыре двухморных дифтонгических слононосителя: /e+i/, /a+i/, /e+u/, /a+u/. Один из них — /e+i/ оказался тавтофонемным вследствие объединения прежнего

Таблица 1

КИНАКЕМНАЯ МАТРИЦА ОБЩЕГЕРМАНСКОГО КОНСОНАНТИЗМА

Категории	Субкатегории	Оппозиции
Модальная	Преградная	Проточности
	Звуковая	Шумности Сонорности Предцентральности
Локальная	Активная	Зацентральности
	Пассивная	Зацентральности

сонанта /i/ с гласной фонемой /e/ и стал поэтому монофтонгом в фонетической реализации [i:].

В заключение обзора фонологической эволюции от общеиндоевропейского состояния до общегерманского реконструируем последнее, обратив особое внимание на кинакемную основу фонологической системы.

В консонантизме обнаруживаются шесть кинакемных оппозиций, в том числе три модальные и три локальные. Звуковая субкатегория развернута и состоит из оппозиций сонорности и шумности, а преградная оппозиция включает лишь одну оппозицию проточности/непроточности. Особенностью внутрифонемной синтагматики модальных кинакем было невхождение преградных кинакем в согласные фонемы с двумя положительными звуковыми кинакемами, т. е. в звонкие /b/, /d/, /g/, которые тем самым получали возможность иметь как смычные аллофоны [b], [d], [g], так и щелевые [v], [ð], [ɣ]. В локальную категорию входила развернутая активная субкатегория с оппозициями предцентральности (лабиальности) и зацентральности, причем последняя охватывала в качестве субстантной реализации своей положительной кинакемы палатовелярную и фарингальную зоны. Две положительные активно-локальные кинакемы сочетались в лабиовелярных согласных /k^o/, /x^o/. Пассивная субкатегория состояла из одной оппозиции зацентральности (постдентальности), положительная кинакема которой входила в проточные согласные /s/, /z/, /r/.

В небогатом общегерманском вокализме имелась одна локальная оппозиция ряда. Модальных оппозиций две — раствора и протяженности. Важной закономерностью внут-

Фонемы																		
p	t	k	k°	f	θ	s	$\frac{x}{h}$	x°	$\frac{b}{v}$	$\frac{d}{ð}$	z	$\frac{g}{\gamma}$	m	n	w	l	r	j
—	—	—	—	+	+	+	+	+	0	0	0	0	—	—	+	+	+	+
+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
+	—	—	+	+	—	—	—	+	+	—	—	—	+	—	+	—	—	—
—	—	+	+	—	—	—	+	+	—	—	—	+	—	—	—	—	—	+
0	0	0	0	0	—	+	0	0	0	—	+	0	0	0	0	—	+	0

рифонемной синтагматики была несочетаемость двух положительных модальных кинакем.

Изложенное представление фонологической системы в период начавшегося ветвления германской языковой общности необходимо дополнить освещением важнейших моментов в динамике системы, без чего невозможно было бы использовать приведенное описание в качестве исходного пункта для раскрытия эволюции фонологических систем в германских языках. В свою очередь динамический подход к общегерманской фонологической системе невозможен без учета ее места в языковой макросистеме, ее взаимосвязей с лексическим и грамматическим ярусами.

Здесь следует обратить внимание на то, что типологическое движение от корнеизолирующего строя к флективному, характеризующее динамику общиндоевропейского праязыка, в германском ареале довольно рано сменилось типологическим движением в ином направлении. Ведь уже

Таблица 2

КИНАКЕМНАЯ МАТРИЦА ОБЩЕГЕРМАНСКОГО ВОКАЛИЗМА

Категории		Оппозиции	Фонемы				
			i	u	a	e:	o:
Модальная	—	Раствора	—	—	+	—	—
		Протяженности	—	—	—	+	+
Локальная		Ряда	—	+	0	—	+

в общегерманском языке, несомненно, наблюдался не расцвет флективности, а начало ее упадка. Для динамики фонологической системы особое значение имело достаточно четко проявившееся в общегерманском языке изменение характерного для флективных языков соотношения между слоговой и морфемной структурами в слове. Флективный строй предполагает наличие в слове двух не связанных друг с другом, обоюдно независимых структур — слоговой и морфемной [Рождественский 1969, 261—262]. В эволюции германских языков, напротив, прослеживается увеличение значимости морфемного членения и соответственно снижение релевантности слога деления. Начало этого изменения можно отнести ко времени фиксации словесного ударения. Весьма показательно, что позиция фиксации определилась не только как начальная, но и как начальнокорневая, хотя для ударения как просодического явления обычна отнесенность к слоговой, а не морфемной структуре.

Установление начальнокорневого ударения создало фонетические предпосылки для развертывания процесса редукции конечных безударных слогов. Когда он закономерно достиг этапа полного отпадения заударных гласных, он глубоко затронул фонемную структуру консонантных групп после ударного гласного. В начале общегерманской эпохи значительно усложнились консонантные финалы основ за счет присоединения древних детерминативов, полностью слившихся с корнями [Макаев 1970, 196, 199]. Сложность консонантных финалов возросла также при вхождении в них плавных и носовых сонантов, отделявшихся от слога носителя. Пока за финалью основы обязательно следовал неударный гласный, она рассекалась слоговой границей, что, разумеется, облегчало ее фонетическую реализацию.

Отпадение заударных гласных и постепенное увеличение частотности односложных словоформ, еще весьма редких в общегерманскую эпоху, все чаще превращали консонантную финаль основы в финаль слоговую. Чем реже финаль основы рассекалась слоговой границей, тем сильнее в ней действовали факторы, способствующие межконсонантной ассимиляции и стандартизации комбинаторных моделей. Полная ассимиляция, естественно, создавала геминаты. В общегерманскую эпоху геминация шла особенно активно у сонантов, когда сонант из второй моры слога носителя объединялся в этом процессе с сонантом в начале следующего слога. Возникшая модель геминат как тав-

тофонемных сочетаний согласных на стыке слогов распространялась в общегерманскую эпоху на сонанты и щелевой согласный /s/. Впоследствии в германских языках выработались различные решения проблемы геминат.

Набравшая силу редукция безударных слогов выдвинула на первый план задачу увеличения фонемного инвентаря. Утрата фонологических различий, носителем которых была заударная часть слова, предполагала хотя бы частичную компенсацию в виде усиления фонологических различий в ударном слоге. Перед фонологической системой открывались два пути выполнения этой задачи. Во-первых, можно было полнее использовать резервы наличной кинакемной организации консонантизма и вокализма, ослабив ограничения на внутрифонемную сочетаемость кинакем и создав тем самым новые фонемы, которые заполнили бы «пустые клетки» в системе. Вторым, гораздо более продуктивным путем было использование возможностей развертывания самой кинакемной системы для формирования новых оппозиций в кинакемных субкатегориях. Так, развертывание преградной субкатегории обеспечивало формирование аффрикат. Развертывание оппозиций раствора в вокализме позволяло формировать гласные трех и даже четырех ступеней раствора.

Процессы пополнения инвентарей фонем и кинакем интенсивно развернулись в фонологической эволюции германских языков. Вполне понятно, что конкретные пути решения проблем, обозначившихся в общегерманскую эпоху, оказались различными в отдельных ветвях германской группы. Поскольку фонологическая эволюция германских языков первоначально определялась общностью ее субстантной базы и функционально обусловленного направления, различными были прежде всего структурные решения назревших проблем. Однако позже дивергенция эволюционных линий неизбежно вела к накоплению субстантных различий между фонологическими системами германских языков, а различия в темпах и конкретных реализациях типологических процессов в языковых макросистемах обусловили выдвижение перед фонологическими системами неодинаковых функциональных заданий. Своеобразие путей фонологической эволюции в ветвях германской группы является, таким образом, результатом складывавшегося в данной ветви на каждом этапе ее истории взаимодействия функциональных, структурных и субстантных факторов эволюции.

Глава II

ВОСТОЧНОГЕРМАНСКАЯ ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Как известно, возможности изучения восточной линии фонологической эволюции германских языков весьма ограничены, поскольку она рано оборвалась и доступна наблюдению лишь в одном синхронном состоянии середины I тысячелетия н. э., реконструкция которого по данным готской письменности к тому же вызывает некоторые трудности. Учитывая эти обстоятельства, целесообразно ограничить рассмотрение восточногерманской фонологической эволюции определением ее основных черт в той мере, в какой они успели проявиться за несколько столетий, прошедших между выделением восточногерманской ветви и письменной фиксацией готского языка.

Материалы готского языка демонстрируют процесс ликвидации двухморности германских слогоносителей. С одной стороны, есть неоспоримые свидетельства того, что двухморность была еще живым явлением незадолго до фиксации готского языка. Это прежде всего различные рефлексy сочетания из двух /i/ в заударных слогах словесных оболочек с так называемыми «легкими» и «тяжелыми» корнями — например, во 2 л. ед. ч. наст. вр. слабых глаголов 1-го класса (nasjis, stojis — но sokeis, sandeis), где в начале заударного слога образовалось сочетание из согласного /j/ и гласного /i/, а в середине слога — бифонемное сочетание гласных /i + i/ (ei) [см. Гухман 1958, 64]. Отсюда следует, что слоговая граница проходила сразу после двухморных слогоносителей (/o:/ в so|keis, sto|jis, /a + n/ в san|deis), но после следующего за одноморным слогоносителем согласного (nas|jis). Та же закономерность обнаруживается и в склонении существительных: род. п. ед. ч. при основе на -ja har|jis, но hair|deis.

С другой стороны, чередование ji/ei уже не было живым в эпоху создания готских письменных текстов, так как во многих случаях оно отсутствовало: например, ряд существительных ср. р. с основой на -ja имел род. п. ед. ч.

с *ji* при несомненной исходной двухморности ударного слогиносителя (*arbjis*), а у некоторых существительных этого типа наблюдаются колебания в форме род. п. ед. ч. (*gawairfeis* и *gawairþjis*) [Гухман 1958, 78, 79]. Полностью отсутствуют ожидаемые формы с *ei* в род. и дат. п. ед. ч. при основах на *-jin/-jan* (*bandjins*, *bandjin*) [Брауне 1952, 28, 57, 63]. Следовательно, число мор в ударном слогиносителе, релевантное в период до фиксации готского языка, впоследствии явно утратило свою фонологическую значимость. Показательно то, что из двух вариантов реализации заударного слога — с начальнослоговым *ji* и срединнослоговым *ei* — распространялся первый. Это означало сдвиг в слогоделении, которое в силу своего растущего подчинения морфемному членению в германском слове (см. выше) все чаще ориентировалось на морфемные границы (*gawair-feis* > *gawairþ-jis*).

Сонанты уже не представляли собой особого фонемного разряда в готском и вошли в состав консонантизма как сонорные нешумные согласные /*r*/, /*l*/, /*m*/, /*n*/, /*w*/, /*j*/. Последние два из них достаточно четко отделились от соответствующих гласных фонем /*u*/, /*i*/, сохранив чередования с ними в ряде слов и словоформ (*triu—triwa*, *kuni—kunja*). От прежнего статуса сонантов как заполнителей второй моры слогиносителя в дистрибуции сонорных нешумных сохранился запрет на сочетаемость в одном слоге с предшествующими гласными /*e*/, /*o*/, двухморными по происхождению.

Консонантизм в готском по сравнению с общегерманским состоянием системных изменений не претерпел. Имели место лишь отдельные случаи перераспределения фонем в словах, затронувшие дистрибуцию шумных — сонорных /*b*/, /*d*/, /*z*/ и несонорных /*f*/, /*θ*/, /*s*/. Установить соотношение смычных и щелевых аллофонов у /*b*/, /*d*/, /*g*/ не представляется возможным. Геминаты, распространенные лишь у сонорных /*r*/, /*l*/, /*m*/, /*n*/ и щелевого /*s*/, оставались бифонемными. В геминатах из сонорных /*j*/, /*w*/ имела место диссимиляция, в силу которой у первого компонента две кинакемы сменились противоположными, и он реализовался не как проточный нешумный, а как непроточный шумный согласный: **dai-ian* > *daddjan*, **bliuuan* > *bliggwan*.

Как видим, готская фонологическая эволюция не обнаруживает специфичности ни в преобразовании слоговой

структуры, ни в консонантизме. Ее своеобразие проявилось в вокализме.

Наряду с тремя краткими гласными фонемами /i/, /u/, /a/ и двумя долгими /e:/, /o:/ готский язык унаследовал четыре бифонемных сочетания гласных /i+i/, /i+u/, /a+i/, /a+u/, которые во всех германских языках были рано или поздно монофонемизированы. Но в различных ветвях германской группы эти новые фонемы приобретали разные кинакемые структуры и соответственно занимали разные места в вокалических системах.

Пополнение фонемного инвентаря предполагало и соответствующий рост инвентаря кинакем. В готской подсистеме вокалических кинакем интеграция бифонемных сочетаний привела к перестройке модальной категории. В нее первоначально входили оппозиции раствора и протяженности. Для оппозиций, объединяемых в рамках категории или субкатегории, оптимальным является взаимоотношение контрарности, существующее, например, между смычностью и проточностью, сонорностью и шумностью, широким и узким растворами и т. п. Оппозиции раствора и протяженности относительно друг друга не контрарны. Таким образом, модальная категория в общегерманском вокализме не имела оптимальной структуры. Вполне естественной поэтому была такая перестройка, которая приблизила структуру модальной категории к оптимуму, заменив оппозицию протяженности другой оппозицией, контрарной относительно существовавшей оппозиции широкого раствора. В готском вокализме сформировалась оппозиция узкого раствора.

Унаследованные от общегерманской системы долгие гласные /e:/, /o:/ имели кинакему неширокого раствора, а поскольку других долгих гласных в системе еще не было, субстантная реализация /e:/, /o:/ не тяготела к крайнему узкому раствору. Напротив, у кратких гласных /i/, /u/, также имевших кинакему неширокого раствора, но противостоявших широкому гласному /a/, преобладала реализация в узком растворе. Таким образом, использование кинакем модальной оппозиции протяженности в /e:/, /o:/ и /i/, /u/ сопровождалось субстантными различиями по раствору. Перестройка модальной категории придала этим различиям фонологическую релевантность: неширокие гласные /i/, /u/ приобрели положительную кинакему узкого раствора, а неширокие /e/, /o/ — отрицательную кинакему неузкого раствора. Это означало

исключение из готского вокализма кинакемной оппозиции протяженности [ср. Марчанд 1973, 73, 92].

Полное развертывание контрарной пары оппозиций широкого и узкого растворов имело еще одно важное следствие: были созданы благоприятные условия для монофонемизации дифтонгов /a+i/, /a+u/. Поскольку их неоднородная артикуляция представляла собой движение от широкого раствора /a/ к узкому раствору /i/, /u/, они смогли войти в систему гласных фонем как носители сочетания двух положительных растворных кинакем, т. е. как гласные широкие узкие, в субстантной реализации широкие сужающиеся.

Сочетание кинакем широкого и узкого растворов могло иметь и другую субстантную реализацию — в гласных узких расширенных. Поэтому в фонемные поля новых гласных перешли аллофоны узких гласных /i/, /u/, расширенные («преломленные») под воздействием последующих согласных /r/, /x/, /x⁰/. Фонемное объединение сужающихся дифтонгов и «преломленных» гласных адекватно отражено в готской письменности, где этим фонемам однозначно соответствовали диграфы ai, au¹. Установление изложенной кинакемной характеристики возникших гласных фонем не дает однозначного решения вопроса об их субстантной реализации. При данной кинакемной структуре эти гласные могли быть монофтонгами [ɛ], [ɔ], дифтонгоидами [ei], [ɔu] или [æi], [au]; не исключено аллофоническое варьирование всех этих реализаций. Как и в прочих подобных случаях, от диахронической фонологии нельзя ожидать полной картины субстантной реализации фонем отдаленных эпох с указанием аллофонов для всех позиций. Использование в письменности диграфов, а не отдельных букв указывает на дифтонгоидную артикуляцию; судя по имеющимся свидетельствам, в дальнейшем постепенно распространялась монофтонгическая реализация [Гухман 1958, 40].

Таким образом, кинакемы двух растворных оппозиций вошли в фонемные структуры как прежних монофтонгов, так и новых гласных, объединив их в вокалической си-

¹ Вопросу о фонетической значимости готских диграфов посвящено много полемических выступлений [см. Гухман 1958, 35—42; Марчанд 1973, 63—64].

стеме с четырьмя ступенями раствора [ср. Марчанд 1973, 61]:

Узкие неширокие	/i/	/u/
Неузкие неширокие	/e/	/o/
Узкие широкие	/ai ~ ε/	/au ~ ɔ/
Неузкий широкий	/a/	

Интеграция двух несужающихся бифонемных сочетаний гласных в вокализме подобной структуры была затруднена. Бифонемный монофтонг /i + i/ (ei), постепенно монофонемизируясь, по-видимому, особого места в вокализме не получил и сливался с фонемой /e/ [Гухман 1958, 19; Марчанд 1973, 57]. Дифтонг /i + u/ в готском монофонемизации не подвергся.

ЗАПАДНОГЕРМАНСКИЕ ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ

На начальном этапе западногерманской фонологической эволюции развертывание как вокалической, так и консонантной подсистем затронуло в них модальные категории. Единственная растворная оппозиция широкого/неширокого раствора дополнилась второй оппозицией узкого/неузкого раствора, когда аллофоны нешироких гласных /i/, /u/, расширенные в различных позиционных условиях, выделились в гласные фонемы среднего раствора, т. е. неширокие узкие /e/, /o/. За этим, естественно, последовало перераспределение материнских фонем /i/, /u/ и дочерних /e/, /o/ в словах и словоформах (ср. гот. *niman*, *stilan*, *fisks* — дзн. *neman*, *stelan*, *fisk*, да. *niman*, *stelan*, *fisc*; гот. *wulfs*, *ufar* — дзн. *wolf*, *obar* ~ *ubar*, да. *wulf*, *ofer*). Такие дистрибутивные перераспределения, как известно, всегда протекают как вероятностные процессы без строгой детерминированности, под сильным влиянием аналогии и иных факторов [Стеблин-Каменский 1960а, 195—196; Плоткин 1967, 65, 87—88]. Поэтому общие фонетические закономерности распределения /i/—/e/, /u/—/o/ не отличались высокой степенью регулярности и допускали значительные колебания [СГТЯ II, 91—113].

Становление двух сопряженных растворных оппозиций также увеличило состав долгих гласных — носителей модальной кинакемы протяженности. Наряду со старыми долгими гласными /e:/, /o:/, в структурах которых к кинакеме неширокого раствора теперь присоединилась кинакема узкого раствора, возникли долгие гласные узкого раствора /i:/, /u:/ из прежних бифонемных сочетаний /i+i/, /u+u/. Долгая гласная фонема широкого раствора /a:/ возникла в результате расширения /e:/, традиционно обозначаемого $\bar{e}^1$ (ср. гот. *slepan* — дс. *slāpan*). При этом место незаднего гласного в среднем растворе заняло новое /e:/ — так называемое $\bar{e}^2$ в да. *hēr*, дзн. *hēr*. Таким образом, на рубеже нашей эры в западногерманском ареале сложилась вокалическая подсистема из

10 фонем — пяти кратких /i/, /u/, /e/, /o/, /a/ и пяти коррелированных долгих. В подсистеме имелись четыре кинакемые оппозиции, из них три в модальной категории — протяженности и две растровные; локальная категория состояла из одной тембровой оппозиции.

В западногерманском консонантизме той эпохи наиболее значительным событием явилось становление модальной оппозиции протяженности. Это означало не только монофонемизацию существовавших геминат как долгих согласных /g:/, /l:/, /m:/, /n:/, /s:/, но и распространение новой кинакемой оппозиции на все (или почти все) согласные. Фонетической базой для такого распространения послужило позиционное варьирование длительности гласного. Удлиненные аллофоны согласных, характерные для позиции между краткими гласными и сонорными, особенно /j/, выделились в новые долгие согласные фонемы /p:/, /t:/, /k:/, /b:/, /d:/, /g:/ и т. п., как в да. *biddan*, др. *biddian*, дн. *bitten* (ср. гот. *bidjan*) [Раевский 1976, 26].

Новая модальная оппозиция консонантной протяженности относится к преградной субкатегории, так как длительность есть субстантная характеристика конституирующей артикуляцию согласного преграды. Таким образом, прежде не развернутая преградная субкатегория, состоявшая из одной оппозиции проточности/непроточности, получила вторую оппозицию. Однако развертывание не дало оптимальной структуры субкатегории, потому что отношения между двумя оппозициями в ней не стали контрастными (ср. выше).

С середины I тысячелетия н. э. в западногерманском ареале выделяется несколько линий фонологической эволюции, из которых мы рассмотрим три наиболее отчетливые: островную, южно- и северноконтинентальную. Отправной точкой их дивергенции стало различное решение двух задач, выдвинутых в ходе предшествующей фонологической эволюции. Это было, во-первых, решение проблемы оппозиций протяженности. В западногерманской фонологической системе сложились кинакемы протяженности как в вокализме, так и в консонантизме. Обе кинакемы явились продуктом распада двухморных слогиносителей: при объединении заполнителей обеих мор возникла вокалическая протяженность, а присоединение заполнителей второй моры к последующему согласному создавало геминаты, послужившие базой для протяжен-

ности консонантной. Однако сосуществование обеих кинакем не получило сильной функциональной поддержки именно по причине их генетической общности. Поскольку в одной синтагматической последовательности могла возникнуть лишь одна протяженная фонема — либо гласная, либо согласная, долгие гласные и долгие согласные, как правило, синтагматически не сочетались друг с другом, что создавало между ними отношения диссимилятивной нейтрализации [Трубецкой 1960, 257—260]. К тому же долгие согласные характеризовались дистрибутивной ограниченностью, так как не могли появиться в наиболее существенной для согласных инициальной позиции. Имелись антропофонические трудности в субстантной реализации консонантной протяженности при ее сочетании с некоторыми иными кинакемами. Немаловажно и то, что оппозиция консонантной протяженности не способствовала оптимизации структуры преградной субкатегории. Таким образом, назревала необходимость перестроить кинакемную систему, слабым звеном которой стала только что сформировавшаяся кинакема консонантной протяженности, оказавшаяся в неоптимальных отношениях с кинакемами двух других модальных оппозиций — родственной оппозиции вокалической протяженности и оппозиции проточности/непроточности в рамках преградной субкатегории.

Одновременно перед фонологической системой стояла задача полной интеграции дифтонгов /a+i/, /a+u/, /i+u/ в вокализме.

Островная эволюционная линия

В праанглийской (ингвеонской) фонологической системе приоритет получила интеграция дифтонгов. Поскольку во время разворачивания второй растворной оппозиции дифтонги были еще бифонемными, узкие и неузкие аллофоны /i/ в дифтонге /i+u/ отошли к разным фонемам, и наряду с /i+u/ возник дифтонг /e+u/. Вместе с /a+u/ эти дифтонги, монофонемизируясь, образовали новый ряд гласных, в структуру которых, естественно, вошла кинакема протяженности [ср. Смирницкий 1946, 82]. Что касается растворных кинакем, то в трех новых фонемах были представлены все три их сочетания: /i+u/ давал гласную узкую, /e+u/ — неуз-

кую неширокую гласную среднего раствора, /a+u/ — широкую гласную [Фурке 1959, 153]. Таким образом, интеграция дифтонгов не потребовала никакой перестройки в модальной кинакемной категории. Но простейшая структура локальной категории с одной тембровой оппозицией не могла обеспечить интеграцию новых фонем и была поэтому существенно перестроена.

Новые монофонемы унаследовали от дифтонгов переменную тембровую характеристику — скольжение от незаднего ряда в /i/, /e/, /a/ к заднему в /u/. Когда второй компонент дифтонга утратил статус отдельной фонемы, сужение раствора при переходе к заднему ряду стало избыточным, и скольжение артикуляции приобрело чисто тембровый характер при устойчивом растворе. В локальную категорию тем самым была включена новая кинакемная оппозиция тембрового скольжения, положительный член которой вошел в структуры трех новых долгих гласных фонем — дифтонгоидов незаднего ряда со скольжением к заднему. В узком растворе это был /iu:/ (в графике обычно *io*), в среднем растворе дифтонг /e+u/ стал фонемой /eo:/. В широком растворе понятные в новой фонеме подчеркивание передней артикуляции в начальной фазе и снятие прежнего сужения в конечной фазе превратили дифтонг /a+u/ в дифтонгоид /æɑ:/ (в графике сначала *aea*, *æa*, позже *ea*).

Образование третьего тембрового ряда наряду с гласными незаднего и заднего рядов обусловило существенную перестройку в двух старых рядах. В первоначально треугольном праанглийском вокализме имелась одна долгая гласная фонема широкого раствора /a:/ (из общегерманского $\bar{a}$ ¹) без кинакем ряда в своей структуре [ср. Крупаткин 1966, 9]. Появление нового тембрового ряда, охватившего все три раствора, предполагало обязательное разворачивание трех растворов в двух старых рядах, т. е. превращение вокалической подсистемы в четырехугольную. Иными словами, вместо нейтральной к ряду широкой гласной /a:/ должны были появиться две широкие гласные — /æ:/ в незаднем ряду, /ɑ:/ в заднем.

Под воздействием описанных структурных факторов аллофоны старой фонемы /a:/ распределились между двумя новыми гласными так, что большинство из них отошло к немаркированному незаднему ряду (да. *lætān* — дс. *lātan*, да. *stræt* < лат. *strata*), но некоторые — к заднему, причем наблюдаются и вполне естественные в таких

случаях колебания между /æ:/ и /ɑ:/ (да. slæpan ~ slāpan). В распределение аллофонов прежнего /ɑ:/ включилась и третья фонема — назализованные аллофоны /ɑ:/, которым, как известно, присущи в качестве сопутствующих свойств сужение и оттягивание артикуляции назад, присоединились к /o:/ (да. mōpa, ðræg — ср. гот. mēpa, anþar).

Дифтонг /a + i/ не мог монофонемизироваться так, как три дифтонга с исходом на /u/, потому что направление скольжения в его артикуляции было иным. Можно полагать, что фонологизация дифтонгоидного скольжения в определенном направлении обусловила устранение скольжения во всех прочих направлениях. Иными словами, дифтонг в древнеанглийском мог превратиться либо в дифтонгоидную фонему со скольжением от заднего ряда к заднему, либо в монофтонг, если такого скольжения у него не было. Поэтому дифтонг /a + i/ просто утратил свой глайд и присоединился к полю гласной фонемы заднего ряда широкого раствора /ɑ:/ (да. stān — ср. гот. stains).

Так сложилась подсистема из девяти долгих гласных фонем с тремя растворами и тремя рядами [см. Крупаткин 1966, 5]:

/i:/	/iu:/	/u:/
/e:/	/eo:/	/o:/
/æ:/	/æɑ:/	/ɑ:/

В кратком вокализме под воздействием структурного фактора симметричности прежняя пятифонемная подсистема также развернулась до девяти фонем и стала четырехугольной:

/i/	/u/	/i/	/iu/	/u/
/e/	/o/	→ /e/	/eo/	/o/
/a/		/æ/	/æɑ/	/ɑ/

Это преобразование прошло в виде нескольких звуковых изменений. К ним относится, в частности, расщепление /a/ на две фонемы — заднюю /æ/ (да. существительное fæg) и заднюю /ɑ/ (да. far — повел. накл. от fagan) [см. Крупаткин 1962, 200]. Новый ряд дифтонгоидов /iu/, /eo/, /æɑ/ возник из кратких гласных заднего ряда /i/, /e/, /æ/, подвергшихся так называемому преломлению в определенных позициях перед /r/, /l/, /x/ (да. уэсс. feohtan, eall, норт. hiorde). Позже дистрибуция

новых гласных несколько расширилась в результате других позиционных изменений, в частности перегласовки перед гласными заднего ряда (да. *siodu*, *heofon*, *ealu*). Структурная обусловленность всех этих изменений явствует из того, что новые фонемные противопоставления /i/—/iu/, /e/—/eo/, /æ/—/æɑ/—/ɑ/ в кратком вокализме так и не получили в древнеанглийском языке сколько-нибудь заметной функциональной нагрузки, и дистрибутивные отношения между фонемами в этих рядах почти не отличались от аллофонических [Крупаткин 1966, 17, 25].

Становление новой кинакемной оппозиции тембрового скольжения создало возможность формирования еще одного, четвертого тембрового ряда гласных с дифтонгоидным скольжением в противоположном направлении, т. е. от заднего ряда к незаднему. Эта возможность была реализована в процессе передней перегласовки (палатального умлаута), когда в VI—VII вв. аллофоны кратких и долгих гласных заднего ряда /u (:)/, /o (:)/, /ɑ (:)/ со скольжением к незаднему ряду, которое было вызвано ассимилятивным воздействием последующего неударного /i/, при редукции последнего выделились в самостоятельные фонемы /ui(:)/, /oe(:)/, а также, как можно предполагать, /ææ(:)/ (ср. да. *fyllan*, *fædan*, *dælan* и гот. *fulljan*, *fodjan*, *dailjan*). Дифтонгоидная артикуляция продуктов передней перегласовки не общепризнана, но имеющиеся свидетельства в пользу такой трактовки представляются вполне убедительными [см. Зиверс 1951, 71; Бруннер 1955, 184; Кэмпбелл 1974, 17—18; Плоткин 1967, 28—37; 1976, 27—34]. В структурах этих фонем сочетались две положительные локальные кинакемы — заднего ряда и тембрового скольжения, и их можно охарактеризовать как дифтонгоиды заднего ряда со скольжением к незаднему. С их появлением древнеанглийский вокализм достиг максимального развертывания, отраженного в следующей схеме:

/i(:)/	/iu(:)/	/ui(:)/	/u(:)/
/e(:)/	/eo(:)/	/oe(:)/	/o(:)/
/æ(:)/	/æɑ(:)/	/ææ(:)/	/ɑ(:)/

В целом линия на обогащение вокализма определялась, несомненно, действием функционального фактора, обусловившего потребность в усилении конструктивного потенциала для построения моновокальных морфемных

и словесных оболочек, число которых росло в силу редукции безударных слогов. Однако немаловажную роль в описанных вокалических перестройках сыграл структурный фактор симметричности в системе гласных фонем, действием которого объясняется появление в вокализме нескольких фонем с исчезающе малой функциональной нагрузкой. Субстантная реализация дифтонгоидов с различными направлениями скольжения в сочетании с различиями по длительности наталкивалась, очевидно, на немалые антропофонические трудности. Таким образом, полное структурное развертывание системы вступило в противоречие с функциональными и субстантными факторами.

Возникшая в VIII—IX вв. кризисная ситуация в вокализме получила разрешение к концу древнеанглийского периода путем ликвидации некоторых гласных фонем и фонемных рядов. Постепенно были устранены оба дифтонгоидных ряда. Раньше всех были ликвидированы дифтонгоиды широкого раствора со скольжением к заднему ряду, предположительно /æ(:)/, чьи аллофоны распределились между гласными заднего ряда /e/, /æ/, /æ:/ практически сразу же после перегласовки с присущей таким распределениям слабой регулярностью. Рано слились с /e(:)/ и дифтонгоиды /oe(:)/ (да. *fœdan* > *fēdan*). Промежуточным этапом в процессе ликвидации остальных дифтонгоидов стало их объединение в один тембровый ряд задних лабиализованных гласных /y(:)/, /ø(:)/ [Бруннер 1955, 193]; но в начале среднеанглийского периода и эти гласные влились в состав заднего ряда, утратив лабиализацию. В одну гласную фонему широкого раствора /a/ тогда же слились краткие /æ/ и /ɑ/. В результате упрощения вокализм к началу среднеанглийского периода принял следующий вид:

/i/	/u/	/i:/	/u:/
/e/	/o/	/e:/	/o:/
/a/	/æ:/	/ɑ:/	

Описанный процесс тембровых перестроек явился определяющей чертой фонологической эволюции английского языка в I тысячелетии н. э. В древнеанглийском вокализме не было сколько-нибудь существенных изменений, не охваченных этим процессом. Что касается древнеанглийского консонантизма, то самое заметное изменение в нем также затронуло локальную категорию.

Унаследованная от общегерманского состояния структурная организация этой категории охватывала четыре ряда: 1) активно-предцентральный, т. е. предъязычный (губной) с /p/, /b/, /f/, /m/, /w/; 2) центральный дентальный с /t/, /d/, /θ/, /n/, /l/; 3) пассивно-зацентральный постдентальный (альвеолярный) с /s/, /r/¹; 4) активно-зацентральный заднеязычный с /k/, /g/, /x/. Пятый ряд лабиовелярных /k^o/, /x^o/ в древнеанглийском уже распался на синтагматические последовательности /k + w/ в *swic*, /x + w/ в *hwil* [Моултон 1967, 1399—1400].

Важнейшим консонантным изменением в древнеанглийском языке было расщепление заднеязычного ряда с выделением среднеязычных согласных фонем /k'/, /g'/, например, в да. *cild* > на. *child*, да. *sengean* > на. *singe*. Это было позиционное изменение, обусловленное, как и передняя перегласовка в вокализме, ассимилятивным воздействием соседнего /i/ и в фонетическом плане точно так же означавшее смещение задней артикуляции вперед. Оба изменения совпали и хронологически. Поэтому расщепление заднеязычных согласных уместно рассматривать как консонантный аналог передней перегласовки.

Становление новых фонем /k'/, /g'/ означало замену кинакемы активной зацентральности (заднеязычности) в структуре отделявшихся аллофонов материнских фонем /k/, /g/ кинакемой пассивной зацентральности (постдентальности). Следовательно, новые фонемы первоначально объединились в один локальный ряд с фонемами /s/, /r/ [ср. Моултон 1954, 29]. Субстантная реализация кинакемы пассивной зацентральности тем самым стала варьировать в зависимости от преградной кинакемы в структуре данной фонемы — проточные были альвеолярными, а непроточные палатальными. Такое варьирование хорошо известно в различных языках [см. Якобсон и Лотц 1962, 428; Плоткин 1978, 282].

На рубеже среднеанглийского периода локальная категория подверглась новой перестройке, которая, однако, уже не была связана с перестройкой одноименной категории в вокализме, поскольку последняя после за-

¹ Объединение /s/ и /r/ в одном локальном ряду подтверждается широкой распространенностью ротаизма /s/ > /r/; объединение /t/, /d/, /θ/ в одном локальном ряду подтверждается германским передвижением согласных и законом Вернера. Понятно также, что /θ/ и /s/ не входили в один ряд.

вершения описанного выше процесса возвратилась к простейшей структуре и до сих пор сохранила стабильность. Завершение преобразований в локальных категориях в X—XII вв. открыло путь к осуществлению новой серии перестроек, затронувших модальные категории в английском консонантизме и вокализме.

В древнеанглийском консонантизме преградная субкатегория охватывала две оппозиции — проточности и протяженности. Как уже отмечалось, такая структура субкатегории не оптимальна из-за отсутствия типичного для категорий и субкатегорий отношения контрарности между ее элементами. К тому же конструктивный потенциал оппозиции проточности еще не был полностью развернут ввиду сохранявшегося синтагматического запрета на внутрифонемные сочетания положительной кинаемы проточности с обеими положительными звуковыми кинаемами в сонорных шумных согласных.

Правда, сложившееся в общегерманском распределение аллофонических реализаций между шумными согласными в древнеанглийском сохранялось лишь частично. Варьирование по преградности прекратилось у шумных сонорных /b/, /d/, которые уже не имели щелевых аллофонов, но сохранялось у /g/ и отделившегося от него /g'/: к одной фонеме принадлежали смычный [g] в да. *singan* и щелевой [ɣ] в да. *dragan*, к другой — смычный [g'] в да. *sengean* и щелевой [ɣ' ~ j] в да. *plegian*. В то же время три проточных шумных — /f/, /θ/, /s/ — варьировали по сонорности, объединяя звонкие и глухие аллофоны в да. *hlāf*—*hlāfas*, *āþ*—*āþas*, *wīs*—*wīse*, но четвертый проточный шумный /x/ так не варьировал, поскольку соответствующий звонкий согласный [ɣ] входил в фонемное поле /g/. Вполне естественно, что подобная непоследовательность, отражавшая незавершенную перестройку консонантизма, не могла закрепиться в фонологической системе.

На существенные трудности структурного и субстантного характера наталкивалось полное развертывание кинаемной оппозиции протяженности в консонантизме. Внутрифонемные сочетания кинаем двух преградных оппозиций — проточности и протяженности — получали далеко не одинаковые реализации в различных комбинациях с прочими кинаемами, как модальными, так и локальными. Долгие корреляты возникли у 16 из 17 кратких согласных фонем; единственным исключением была проточная сонорная нешумная /w/. Однако в субстантных

реализациях коррелированных по протяженности согласных фонем эта преградная характеристика играла куда меньшую роль, чем можно было бы предполагать, исходя из кинакемной структуры фонем. Лишь у девяти долгих согласных, т. е. немногим более чем у половины, кинакема протяженности опиралась на соответствующую ее природе субстантную реализацию — длительность артикуляции согласного (это все несонорные шумные и сонорные нешумные, а также сонорная шумная /d:/). У остальных семи фонем эта кинакема могла опереться на иную антропофоническую субстанцию, так как в интервокальной позиции, наиболее существенной для функционирования оппозиции протяженности, краткие согласные /b/, /x/ в древнеанглийском вообще не встречались, согласные /f/, /θ/, /s/ выступали в звонких аллофонах [v], [ð], [z], которых долгие /f:/, /θ:/, /s:/ не имели, а согласные /g'/, /g/ — в своих проточных аллофонах [ɣ' ~ j], [ɣ], исключенных для долгих /g:/, /g':/ [см. Иванова 1963, 38—39].

Все эти проявления неоптимальности в структурной организации и субстантной реализации модальной категории консонантных кинакем в своей совокупности обусловили крупную перестройку этой категории. Основными звеньями перестройки, прошедшей в X—XII вв., явились: а) ликвидация преградной оппозиции протяженности, б) полное развертывание преградной оппозиции проточности, в) становление новой преградной оппозиции смычности, г) изменение внутрифонемной сочетаемости кинакем звуковых оппозиций сонорности и шумности. Перестройкой была затронута и локальная категория в консонантизме.

Устранение консонантной оппозиции протяженности означало полную ликвидацию долгих согласных фонем, которые при этом, естественно, должны были слиться со своими краткими коррелятами. Но в некоторых случаях фонемное слияние сопровождалось фонемным расщеплением, т. е. выделением новых фонем. Так, долгие /f:/, /θ:/, /s:/ фонематически объединились с /f/, /θ/, /s/, представленными в са. *fallen*, *thinken*, *sunne*, но в интервокальной позиции такого слияния не было, потому что сонорные аллофоны кратких согласных фонем вступили в противопоставление с прежними долгими, всегда несонорными, и тем самым выделялись в качестве новых фонем /v/, /ð/, /z/ в са. *over*, *other*, *risen* и т. п. [Кюрат 1956].

Согласные /g':/, /g:/ слились соответственно с /g'/, /g/, зато фонемная граница отсекла от продуктов этих слияний прежние проточные аллофоны кратких согласных [j] (как в да. plegian > на. play), [ɣ] (как в да. dragan > са. drawen). Таким образом, ликвидация преградной оппозиции протяженности способствовала более полному развертыванию другой преградной оппозиции проточности.

Важным шагом на пути к оптимизации структуры преградной субкатегории явилось становление новой оппозиции смычности, контрарной по отношению к оппозиции проточности. Это позволило создать фонемы, сочетающие две положительные преградные кинакемы — смычно-проточные согласные. Таковы аффрикаты, сочетающие обе кинакемы в последовательной реализации. Ими стали постдентальные смычные /k' > tʃ/ (в на. child < да. cild), /g' > dʒ/ (в на. singe < да. sengean, на. edge < да. ecg). Как смычно-проточный согласный в новых условиях был переосмыслен также сонорный нешумный /l/, в артикуляции которого совмещены во времени переднеязычная смычка и боковой проток.

Так была коренным образом перестроена вся преградная субкатегория, утратившая одну оппозицию, получившая другую оппозицию и существенно расширившая синтагматический потенциал сохранившейся оппозиции. Но перестройка затронула и другую модальную субкатегорию — звуковую. Дело в том, что во внутрифонемной синтагматике кинакем обычно ограничивается скопление кинакем с одним знаком — положительных или отрицательных [Плоткин 1977, 163; 1978, 284—285]. Например, в древнеанглийском не было согласных фонем, которые включали бы в свою структуру положительные кинакемы всех четырех модальных оппозиций, потому что кинакемы сонорности и проточности никогда не входили в одну и ту же шумную согласную фонему. Не было и другой крайности — фонем с четырьмя отрицательными модальными кинакемами, потому что запрещено было сочетание нешумности и несонорности. В согласной фонеме поэтому всегда было не менее одной и не более трех положительных модальных кинакем, и такими же рамками ограничивалось число отрицательных модальных кинакем.

Появившиеся смычно-проточные согласные имели две положительные преградные кинакемы, сочетавшиеся как с сонорностью, так и с шумностью. Но возможность появления фонем со всеми четырьмя положительными модаль-

ными кинакемами была предотвращена путем изменения кинакемной структуры одного из модальных классов. Речь идет о так называемых звонких согласных, которые в древнеанглийском сочетали две положительные звуковые кинакемы сонорности и шумности. К началу среднеанглийского периода они изменили свою артикуляцию, ослабив в ней как сонорность, так и шумность, и став в кинакемном плане несонорными нешумными, т. е. *lenes*, тогда как их глухие корреляты усилили шумовой компонент своей артикуляции, особенно придыхательность, присущую согласным *fortes*. Таким образом, возник запрет на внутрифонемную сочетаемость двух положительных звуковых кинакем, из-за которого максимальное число положительных модальных кинакем в английской согласной фонеме осталось прежним — три.

Модальные преобразования сделали неизбежными и изменения в локальной категории. Смычно-проточные согласные — шумная несонорная /tʃ/, нешумная несонорная /dʒ/ и нешумная сонорная /l/ как единственные фонемы в соответствующих модальных классах вообще лишились локальных кинакем. У несонорных смычных осталось лишь три локальных ряда: губной с /p/, /b/, переднеязычный с /t/, /d/, заднеязычный с /k/, /g/. Зато у несонорных проточных состав локальных рядов увеличился до пяти.

Существование аффрикат /tʃ/, /dʒ/ предполагает наличие в консонантизме их коррелятов — как смычных /t/, /d/, так и проточных /ʃ/, /ʒ/. Последние обычно входят в пассивно-зацентральный ряд, который, однако, в древнеанглийском был занят в данном модальном классе фонемой /s/ с ее звонким аллофоном, впоследствии особой фонемой /z/. С появлением фонемы /ʃ/, сформированной под воздействием структурного фактора из подходящей субстанции — сочетания фонем /s+k/ (да. *sculdor* > на. *shoulder*), а позже и /ʒ/ из сочетания /z+j/ (*vision*) альвеолярные согласные /s/, /z/, /r/ стали представителями центрального локального ряда — носителями только отрицательных локальных кинакем. В субстантном плане это означало перемещение центральной пассивной артикуляции с дентальной зоны на альвеолярную. Дентальные /θ/, /ð/ соответственно приобрели положительную кинакему новой локальной оппозиции пассивной предцентральности; тем самым была полностью развернута пассивно-локальная субкатегория. Изменив свое место в фонологи-

ческой системе, перечисленные проточные согласные /s/, /z/, /r/, /θ/, /ð/ сохранили при этом неизменными точки своей артикуляции. Напротив, смычные /t/, /d/, /n/ в кинаемном плане остались центральными согласными, что в фонетическом плане означало изменение точки артикуляции — ее перемещение к альвеолам.

Возникновение /ʃ/, /ʒ/ отразилось также на составе и характеристике активно-зацентрального ряда. Фонема /x ~ h/ утратила все свои язычные аллофоны, частично отошедшие к губному ряду (/x/ > /f/ в *laugh, enough* и т. п.), и была оттеснена назад, в язычную зону, превратившись в единственную фонему активно-зацентрального (язычного) ряда /h/. Отделившаяся от /g/ фонема /ɣ/ целиком присоединилась к губной сонорной /w/ (в да. *dragan* > са. *drawen* > на. *draw*). Заднеязычные /k/, /g/, а также проточная сонорная /j/ и недавно возникшая из сочетания /n + g/ смычная сонорная /ŋ/ объединились с /ʃ/, /ʒ/ в пассивно-зацентральный (заальвеолярный) ряд. На этом формирование современного английского консонантизма практически завершилось.

Ликвидация оппозиции консонантной протяженности открыла путь к радикальной перестройке в вокализме, куда была перенесена значительная доля функциональной нагрузки устраненной оппозиции. Поскольку между фонетической длительностью гласного и последующего согласного в синтагматической цепи характерны диссимилятивные отношения, субстантные различия между долгим и кратким согласными, сливавшимися в одну фонему, распространялись на предшествующий гласный в виде его сокращения перед долгим согласным и удлинения перед кратким. Такие диссимилятивные воздействия со стороны последующих согласных неизбежно вступали в коллизию с реализацией кинаем оппозиции вокалической протяженности. Ликвидация консонантной протяженности резко усилила эти воздействия, и в результате возник конфликт между субстантной реализацией вокалической протяженности и функционально обусловленной потребностью переноса в вокализм нагрузки устраненной консонантной протяженности. Он был разрешен путем устранения вокалической протяженности и ее замены новой модальной оппозицией, которая органически включила в свою субстантную реализацию фонетические свойства как гласного, так и последующего согласного, в том числе и длительность их артикуляции.

Таблица 3
КИНАКЕМНАЯ МАТРИЦА СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО
КОНСОНАНТИЗМА

Категории	Субкатегории	Оппозиции
Модальная	Преградная	Проточности Смычности
	Звуковая	Сонорности Шумности
Локальная	Активная	Предцентральности Зацентральности
	Пассивная	Предцентральности Зацентральности

Новая оппозиция весьма близка по своей субстантной основе к оппозиции протяженности, но противоположна ей по ориентации положительной и отрицательной кинакем. В новой оппозиции положительная кинакема использует в качестве субстантной базы резкий отступ сокращенного по своей длительности гласного в сочетании с резким приступом последующего согласного, наличие которого обязательно и который обычно удлинен. Отрицательная кинакема реализуется в удлинённых гласных с плавным отступом, причем последующий согласный не обязателен. В английской фонетической литературе эта оппозиция обозначается парными терминами *checked — free*; она может быть названа оппозицией абруптивности.

Смена вокалических оппозиций произошла, вероятно, на рубеже среднеанглийского периода, в X—XII вв., когда в результате упрощения тембровых оппозиций кратких гласных осталось меньше, чем долгих (5 против 6), что вполне понятно, если краткие стали носителями положительной кинакемы — абруптивными гласными.

Для новой оппозиции устанавливаются новые дистрибутивные закономерности. Древнеанглийские долгие и краткие сочетались по трем моделям: краткая гласная с краткой согласной (*paeta*), краткая гласная с долгой согласной (*bedd*), долгая гласная с краткой согласной (*hus*). После утраты консонантной протяженности и установления вокалической абруптивности сохранились лишь две синтагматические модели с абруптивной и неабруптивной

Фонемы

p	t	k	b	d	g	m	n	ŋ	f	θ	s	ʃ	h	v	ð	z	ʒ	w	r	j	tʃ	dʒ	l
—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
+	+	+	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	+
—	—	—	—	—	—	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	+	—	+	+
+	+	+	—	—	—	—	—	—	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	+	—	—
+	—	—	+	—	—	+	—	—	+	—	—	—	—	+	—	—	—	+	—	—	0	0	0
0	—	—	0	—	—	0	—	—	0	+	—	—	+	0	0	+	—	—	0	—	—	0	0
0	—	+	0	—	+	0	—	+	0	—	—	+	0	0	—	—	+	0	—	+	0	0	0

гласной. В словах типа да. bedd > на. bed, естественно, установилась абруптивная гласная, а в типе да. hūs > на. house — неабруптивная. Но в многочисленных словах типа да. пама > на. пame, да. col > на. coal, да. blæc > на. black имел место вероятностный процесс распределения между двумя фонемными классами гласных [ср. Квятковский 1965, 12—13], результаты которого определились совокупностью многих фонетических, лексических и грамматических факторов. Так, гласные узкие — /e/, /o/, /a/ становились неабруптивными более регулярно, чем узкие /i/, /u/; неабруптивные чаще появлялись у глаголов, чем у существительных; в целом отрицательная кинакема неабруптивности проникала в гласные легче, чем положительная абруптивности.

Среди субстантных свойств неабруптивных гласных особо важную роль играло обусловленное плавностью отступа сужение раствора по сравнению с абруптивными коррелятами. Поэтому при превращении прежних кратких в неабруптивные гласные они обычно присоединялись не к своим прежним коррелятам по протяженности, которые теперь получили более узкую артикуляцию, а к их более широким соседям: древнеанглийские узкие /i/, /u/ слились с гласными среднего раствора /e:/, /o:/ (да. wicu > са. wēke > на. week, да. wudu > са. wōde > на. wood); древнеанглийские /e/, /o/ объединились с рефлексам древнеанглийских широких гласных /æ:/, /ɑ:/ (да. etan > са. ēten > на. eat, да. p̄rote > са. thrōte > на. throat)

[Трика 1946, 163—164; Фурке 1966, 11]. Превращаясь в неабруптивную гласную, краткая /a/ (в да. пама > на. паве) породила новую фонему широкого раствора /a:/. Тем самым у неабруптивных установились четыре ступени раствора, а прежние широкие /æ:/, /ɑ:/ получили вторую положительную растворную кинаему и стали широкими суженными гласными /ɛ:/, /ɔ:/ (да. lædan > са. lēden > на. lead, да. bāt > са. bōt > на. boat). Класс неабруптивных гласных принял следующий вид:

/i:/	/u:/
/e:/	/o:/
/ɛ:/	/ɔ:/
/a:/	

Участие последующего согласного в субстантной реализации абруптивности предъявляло к нему определенные антропофонические требования, которым соответствовали не все согласные. В этом плане существенно пригодность артикуляции согласного к резкому приступу и четкому контрасту с абруптивным гласным. Эта способность слаба у тех согласных, которые субстантно близки к гласным, а именно у сонорных проточных /w/, /j/, /r/. После установления оппозиции абруптивности такие согласные постепенно устраняются из поствокальной позиции путем их вокализации и синтагматического слияния с предшествующим гласным.

Первыми в конце среднеанглийского периода вокализации подверглись периферийные сонорные /w/, /j/. В словах наподобие са. playen < да. plægian, са. bowe < да. boga, са. lawe < да. lagu произошли фонемные замены /w/ > /u/, /j/ > /i/ и возникли дифтонги /a+i/, /o+u/, /a+u/. Это были сужающиеся дифтонги со скольжением от широкого или среднего раствора к узкому [см. Смирницкий 1965, 51—53]. Поскольку сужение артикуляции было общим антропофоническим свойством неабруптивных гласных, а сама вокализация проточных сонорных была вызвана их непригодностью для подчеркивания абруптивности, естественным было включение дифтонгов в состав модального класса неабруптивных гласных фонем. Это произошло в рамках так называемого великого сдвига гласных на рубеже новоанглийского периода, в XIV—XVI вв.

Общим направлением сдвига было подчеркивание сужения раствора гласных по всей длительности артикуляции

или в ее конечной фазе. Дифтонг /a+i/ слился с /a:/ в гласной фонеме /ei/ (rain, name) и параллельно этому в заднем ряду дифтонг /o+u/ слился с /ɔ:/ в гласной /ou/ (snow, hope); здесь наблюдается общее сужение артикуляции исходных гласных в сочетании с усиленным конечным сужением. Гласные /e:/, /ɛ:/ в переднем ряду, /o:/ в заднем подверглись общему сужению, перейдя соответственно в /i:/ (keep, speak), /u:/ (moon); однако и здесь отмечается усиление сужения в конце артикуляции, отражаемое в распространенном транскрипционном представлении /i:/ = /ii/, /u:/ = /uu/. Узкие гласные /i:/, /u:/ (time, loud) подчеркнули момент сужения в своей артикуляции тем, что максимально расширили ее в начальной фазе, сохранив конечное сужение, и превратились в сужающиеся дифтонгоиды /ai/, /au/ [ср. Смирницкий 1965, 96—97].

В результате сдвига сложилась фонемная группировка из шести неабруптивных гласных:

/ii/	/uu/
/ei/	/ou/
/ai/	/au/

Как видим, все они характеризуются более или менее ярко выраженным дифтонгоидным скольжением к узкому раствору [Вахек 1963, 64—65; Фурке 1966, 12; Квятковский 1966, 386]. Такое скольжение стало субстантной базой для новой модалной оппозиции, кинакемы которой вошли в состав всех неабруптивных гласных фонем, но не проникли в абруптивные. Положительная кинакема этой оппозиции выделила среди неабруптивных гласных устойчивые, монофтонгичные фонемы широкого раствора /a:/ (в grass, path, after как результат снятия абруптивности перед щелевыми согласными) и заднего ряда /ɔ:/ (продукт монофонемизации /a+u/ в law, cause).

В начале новоанглийского периода устранение проточных сонорных из поствокальной позиции распространилось на фонему центральной локализации /r/. Предшествующие абруптивные гласные теряли при этом кинакему абруптивности, но приобретали кинакему устойчивости. В словах с /a/ (part, far) и с /o/ (port, or) это изменение установило /a:/, /ɔ:/, существенно увеличив частотность этих фонем. Три остальные абруптивные гласные /i/, /e/, /u/, сливаясь с вокализуемой фонемой /r/, объединились в новый неабруптивный монофтонг с отрицательными кинакемами раствора и ряда /ə:/ (first, herd, turn).

Слияние вокализуемого /r/ с неабруптивными дифтонгоидными гласными изменило направление скольжения в них, направив его в сторону центральной артикуляции как по ряду, так и по раствору. Возник новый модалный класс гласных фонем с новой положительной кинаемой центрального скольжения — /iə/, /eə/, /a¹ə/, /uə/, /oə/, /a¹ə/ (в beer, hair, fire, poor, more, sour).

Таким образом, в современном английском вокализме сложилась своеобразная иерархия трех оппозиций: оппозиция абруптивности/неабруптивности охватывает все гласные фонемы, кинаемы оппозиции устойчивости/неустойчивости входят лишь в неабруптивные гласные, а кинаемы оппозиции центрального/нецентрального скольжения — лишь в неустойчивые гласные. Иными словами, кинаемы нижестоящей оппозиции сочетаются только с отрицательными кинаемами вышестоящей.

В новоанглийский период изменился состав модалного класса абруптивных гласных. Здесь, как и у неабруптивных гласных, установилась четырехугольная структура, т. е. в широком растворе появились две фонемы вместо одной /a/. Большинство аллофонов последней перешло к новой фонеме заднего ряда /æ/, кроме лабиализованных после /w/, отошедших к /ɔ/ (в want, quantity), и удлиненных перед щелевыми, иногда перед /n/, отошедших к /a:/ (в past, father, demand). Новая фонема заднего ряда /ʌ/ вовлекла в свое поле большинство аллофонов /u/, подвергшихся расширению и делабиализации (but, butter, buck). Фонема /u/ сохранила лишь свои наиболее сильно лабиализованные аллофоны (в pull, full, bullet), и к ней отошли сокращенные аллофоны /u:/ (в book, foot).

В результате описанных изменений английский вокализм принял следующий вид:

Абруптивные		Неабруптивные					
		Устойчивые		Неустойчивые			
				Центриру- ющие		Сужа- ющиеся	
/i/	/u/			/iə/	/uə/	/ii/	/uɥ/
/e/	/ɔ/	/ə:/	/ɔ:/	/eə/	/oə/	/ei/	/ou/
/æ/	/ʌ/	/a:/		/a ¹ ə/	/a ^u ə/	/ai/	/au/

Южноконтинентальная эволюционная линия

Выделение южноконтинентальной (верхненемецкой) эволюционной линии ознаменовалось крупной перестройкой модальных категорий как в вокализме, так и в консонантизме. Ее результатами были, с одной стороны, фонематическая интеграция дифтонгов, с другой — новая организация консонантных модальных кинакем.

Фонематическую интеграцию в рамках этой перестройки в VII—IX вв. прошли два дифтонга /a + i/, /a + u/, общей чертой которых было изменение артикуляции от широкого раствора к узкому. Монофонемизируясь, /ai/, /au/ сохранили это антропофоническое свойство, ставшее субстантной базой для новой модальной кинакемы растворного скольжения. Соответствующая оппозиция охватила все долгие гласные фонемы. В структуры узких /i:/, /u:/ и широкой /a:/ вошли отрицательные кинакемы нескольжения. Новые фонемы /ai/, /au/ первоначально стали широкими скользящими (т. е. сужающимися) долгими гласными. Заняв таким образом промежуточное положение между гласными двух крайних растворов, новые фонемы вступили во взаимодействие с неширокими неузкими /e:/, /o:/, также промежуточными между двумя крайними растворами. Распространение новой оппозиции существенно изменило кинакемные структуры и антропофонические реализации прежних /e:/, /o:/, которые превратились в корреляты дифтонгоидов /ai/, /au/ — гласные с растворным скольжением в противоположном направлении, т. е. расширяющиеся долгие гласные /ia/ (двн. *hēr* > *hiar*), /ua/ (двн. *môter* > *muater*, *bôh* > *buah*).

В позициях перед некоторыми согласными дифтонгоиды /ai/, /au/ монофтонгизировались, приняв при этом кинакемные структуры и антропофонические реализации вытесненных ими фонем /e:/, /o:/ (ср. гот. *maīza* — двн. *mêro*, гот. *dauþus* — двн. *tôd*); таким образом, неширокие неузкие долгие гласные в вокализме сохранились.

Субстантные реализации кинакемы растворного скольжения проявляли естественную вариативность, и расстояние между сменявшими друг друга растворами могло быть как максимальным, так и сокращенным в аллофонах [ie], [ea] для /ia/; [uo], [oa] для /ua/; [ei] для /ai/; [ao], [ou] для /au/ [Зиндер и Строева 1965, 51—54]. В IX—X вв. типичными реализациями дифтонгоидных

фонем стали соответственно [ie], [uo], [ei], [ou] со скольжением на одну ступень раствора. Это, очевидно, свидетельствует о некотором изменении в кинакемной структуре дифтонгоидов: они стали узкими расширяющимися /ie/, /uo/, узкими сужающимися /ei/, /ou/.

Два других дифтонга — состоявший из узких гласных /i + u/ (двн. liut) и отделившийся от него в результате преломления /e + o/ (двн. teof — ср. гот. diups), у которых движение артикуляции шло не по раствору, а по тембру, по этой причине не смогли включиться в описанный процесс монофонемизации и оставались бифонемными до X—XI вв.

Краткие гласные в описанную перестройку вовлечены не были. Но и у них в дреневерхненемецком заметно преобладали изменения в модальных, растворных характеристиках. Прежде всего здесь следует отметить завершение фонематического отделения нешироких узких гласных /e/, /o/ от узких /i/, /u/. Особенно существенно в этом плане пополнение фонемы /e/ узкими передними аллофонами широкой гласной /a/, обусловленными ассимиляцией с последующими /i/, /i:/, /j/ (ср. гот. wandjan — двн. wenden). Это модальное (растворное) изменение традиционно принято объединять с гораздо более поздней локальной (тембровой) перестройкой — умлаутом, причем объединяющим моментом служит ассимиляторное воздействие тех же фонем. Однако, сближаясь в субстантном плане по характеру позиционной обусловленности, эти два изменения входят в два различных этапа фонологической эволюции [см. Бенедиктсон 1970, 100—105].

В результате проведенных модальных изменений древневерхненемецкий вокализм в IX—X вв. принял следующий вид [ср. Зиндер и Строева 1965, 60]:

Краткие				Долгие			
				Нескользкие		Скользкие	
/i/	/u/	/i:/	/u:/	/ie/	/uo/		
/e/	/o/	/e:/	/o:/	/ei/	/ou/		
/a/		/a:/					

Подсистема вокалических кинакем включала четыре модальные оппозиции (узкого раствора, широкого раствора, растворного скольжения, протяженности) и одну локальную оппозицию ряда.

В праюжнонемецком (эрминонском) консонантизме с установлением оппозиции протяженности, необходимой для фонематической интеграции геминат, сложилась неоптимальная структура преградной субкатегории с двумя взаимно неконтрарными оппозициями проточности и протяженности (см. выше). Оптимизация этой структуры предполагала как одно из решений введение новой преградной оппозиции смычности, что в фонетическом плане означало появление нового модального класса смычно-проточных согласных, прежде всего аффрикат. В свою очередь, как было показано выше, появление смычно-проточных согласных с двумя положительными преградными кинакемами могло вести к изменению синтагматики звуковых кинакем для оптимизации набора модальных кинакем в одной фонеме — к замене сочетания двух положительных кинакем сонорности и шумности сочетанием двух отрицательных кинакем несонорности и нешумности, т. е. в фонетическом плане — к ослаблению (лениции) звонких согласных и к соответствующему усилению шумового компонента (в частности, придыхания) в антропофонической реализации глухих.

Важнейшим этапом в осуществлении такой реорганизации в модальной категории было верхненемецкое передвижение согласных, начавшееся практически сразу же по завершении западногерманского удлинения согласных.

Существенным моментом в подготовке передвижения явилось устранение преградного варьирования у шумных сонорных /b ~ v/, /d ~ ð/, /g ~ γ/, которые в праюжнонемецком во всех позициях стали непроточными /b/, /d/, /g/ [Раевский 1969а, 22]. Это подняло роль преградных кинакем проточности и непроточности в пучках из трех шумных фонем /b/ — /p/ — /f/, /d/ — /t/ — /θ/, /g/ — /k/ — /x/, так как теперь именно эти кинакемы легли в основу первичного членения пучков на одну проточную фонему и две непроточные [Моултон 1954, 33]. Напомним, что в общегерманском первичное членение в соответствующих пучках основывалось на кинакемах сонорности и несонорности, причем сочетание звуковых кинакем сонорности и шумности вообще исключало из фонемы преградные кинакемы. Таким образом, повышение удельного веса преградных кинакем в праюжнонемецком сопровождалось снижением роли звуковой оппозиции сонорности у шумных согласных.

Сформировавшиеся таким образом пучки имели далеко не оптимальную, асимметричную структуру. Для един-

ственного проточного согласного в каждом пучке — /f/, /θ/, /x/ звуковые кинакемы стали избыточными, в результате чего у них появились ослабленные, малозвучные (но вряд ли озвонченные) аллофоны [см. Раевский 1969а, 23]. Об этом свидетельствует обозначение фонемы /f/ буквой *v(u)* в *farān* ~ *varān*, *zwīfal* ~ *zwīval*, а фонемы /θ/ — диграфом *dh* в *aerdha*, *dhurah*. У фонемы /x/ был, несомненно, распространен ослабленный аллофон [h]. Для /p/, /t/, /k/ в их взаимоотношениях с проточными /f/, /θ/, /x/, напротив, звуковая кинакема шумности приобрела особое значение. Но подчеркивание шумового компонента у смычных обычно ведет к сильному придыханию, т. е. к артикуляторному действию проточного характера. Объединение этой дополнительной проточной артикуляции с основной смычной может, естественно, перерасти в аффрицирование согласного [Раевский 1969г, 18]. Так возникла субстантная база для формирования новых древневерхненемецких согласных фонем — смычно-проточных шумных, т. е. аффрикат. Разумеется, сама по себе субстантная база содержит лишь возможность, а не необходимость такого шага; но в конкретных условиях древневерхненемецкого консонантизма он вытекал из структурных факторов, которые во взаимодействии с субстантными сделали аффрицирование смычных шумных неизбежным.

В начальной позиции аффрикатами стали прежние несонорные смычные /p/, /t/, /k/. В губном ряду появилась аффриката /pf/ (двн. *phunt* > нвн. *Pfund* из лат. *pondo*), а в заднеязычном — /kx/ (двн. *kind* ~ *chind*). Переднеязычный трехфонемный пучок /d/—/t/—/θ/ в древневерхненемецком распался, очевидно, еще до начала передвижения, так как в ходе последнего /t/ не обнаружил прежней локальной корреляции с /θ/, но не вступил в такую корреляцию и с зацентральной, т. е. постдентальной, альвеопалатальной /s/. Можно предположить, что межзубный согласный /θ/ выделился в особый локальный ряд с положительной кинакемой пассивной предцентральной (преддентальной), тогда как /t/ сохранил сочетание отрицательных локальных кинакем, присущее центральному ряду. В этом ряду появилась аффриката /ts/ < /t/ (ср. гот. *twai* — двн. *zwei*).

С превращением /p/, /t/, /k/ в смычно-проточные фонемы /pf/, /ts/, /kx/ прежние звонкие, т. е. сонорные шумные /b/, /d/, /g/, остались в соответствующих пучках шумных согласных единственными непроточными смыч-

ными, что сделало избыточными в их структурах положительные звуковые кинакемы шумности и сонорности. К тому же сочетание этих двух кинакем перестало соответствовать новой структуре модальной категории в консонантизме. В этих условиях закономерным шагом стало превращение прежних звонких в несонорные нешумные, т. е. слабые /b/, /d/, /g/ в рамках так называемого центральнонемецкого ослабления согласных. Аффрикатизация прежних /p/, /t/, /k/ открыла путь и для более радикального перехода /b/, /d/, /g/ в несонорные шумные /p/, /t/, /k/. Эти два консонантных перехода можно рассматривать как один переход с двумя ступенями интенсивности, в результате которого слабые (нешумные) [b], [d], [g] и сильные (шумные) [p], [t], [k] стали выступать как аллофоны единых несонорных смычных фонем (ср. дзн. *beran* ~ *peran*, *deil* ~ *teil*, *gast* ~ *kast*). Тем самым шумность у смычных, как и у проточных, утратила кинакемный статус. Трехфонемные пучки из двух непроточных согласных (сонорного шумного и несонорного шумного) и одного проточного несонорного без кинакем оппозиции шумности сменились пучками из трех несонорных согласных — смычного, смычно-проточного и проточного, причем кинакемы оппозиции шумности оказались исключенными из всех фонем в пучках. Взаимоотношения между всеми тремя фонемами внутри пучков полностью перешли в сферу преградной субкатегории. Что касается звуковой оппозиции сонорности, то она сохранила свое значение только для характеристики взаимоотношений между членами описанных пучков и сонорными согласными /m/, /n/, /l/, /r/, /w/, /j/. Таким образом, получил полное завершение эволюционный курс на повышение роли преградной субкатегории в модальной характеристике древневерхненемецких согласных, четко обозначившийся уже в эрминонском состоянии.

В интервокальной позиции, где фонемные пучки были более сложными ввиду вхождения в них долгих согласных, передвижение было проведено иначе, чем в начальной позиции, но в том же общем направлении. Здесь аффrikатами стали лишь долгие смычные /p:/, /t:/, /k:/ (ср. дс. *appul* — дзн. *aphul* > нзн. *Apfel*, дс. *settian* — дзн. *sezzen*, дзн. *deckan* ~ *decchan*). Краткие смычные /p/, /k/ слились с долгими проточными /f:/, /x:/, представленными в дзн. *heffan*, *lahhēn* (лат. *pip̄er* > дзн. *pheffar*, дс. *brekan* — дзн. *brehhan*), а из /t/ возник новый долгий

Таблица 4

КИНАКЕМНАЯ МАТРИЦА ДРЕВНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКОГО КОНСОНАНТИЗМА

Категории	Субкатегории	Оппозиции
Модальная	Преградная	Проточности Смычности
	Звуковая	Протяженности Сонорности
Локальная	Активная	Предцентральности Зацентральности
	Пассивная	Предцентральности Зацентральности

П р и м е ч а н и е. Оппозиции протяженности в матрице соответствуют две строки, из которых верхняя с минусами относится к кратким согласным, а нижняя с плюсами — к долгим.

проточный центрального ряда /s:/ (ср. дс. etan — двн. ezzan), не слившийся, естественно, с зацентральной /s:/, представленным в двн. kussen. Прежние звонкие /b/, /d/, /g/ и их долгие корреляты /b:/, /d:/, /g:/ в интервокальной позиции, как и в начальной, утратили положительные звуковые кинакемы сонорности и шумности. При этом краткие выступали в нешумных (слабых) или шумных (сильных) аллофонах (двн. geban ~ kepan, godes ~ gotes, slagan ~ slacan), а долгие обычно выступали как шумные, сильные (ср. дс. sibbia — двн. sippa, дс. biddian — двн. bitten, дс. hruggi — двн. rucki).

Пассивно-предцентральный ряд в консонантизме не закрепился надолго, и согласный /θ/, развивший ослабленный, малозумный аллофон [ð], занял с VIII в. освободившееся после перехода /d/ > /t/ (ср. гот. dails — двн. deil ~ teil) место смычного /d/ в центральном ряду (ср. гот. þreis — двн. dri).

Таким образом, древневерхненемецкий период был эпохой крупных модальных перестроек как в вокализме, так и в консонантизме. Наиболее яркой чертой, объединяющей эволюцию обеих частей фонологической системы, следует, очевидно, считать появление значительного числа фонем

Краткие фонемы																
$\begin{smallmatrix} p \\ \sim \\ b \end{smallmatrix}$	$\begin{smallmatrix} t \\ \sim \\ d \end{smallmatrix}$	$\begin{smallmatrix} k \\ \sim \\ g \end{smallmatrix}$	$\begin{smallmatrix} f \\ \sim \\ v \end{smallmatrix}$	$\begin{smallmatrix} \theta \\ \sim \\ \delta \end{smallmatrix}$		$\begin{smallmatrix} s \\ \sim \\ h \end{smallmatrix}$	pf	ts	kx	m	n	l	r	w	j	
—	—	—	+	+	+	+	+	+	+	—	—	+	+	+	+	+
+	+	+	—	—	—	—	+	+	+	+	+	+	—	—	—	—
+	+	+	+	+	+	+	0	0	0	+	+	+	+	0	0	0
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	+	+	+	+	+
+	—	—	+	—	—	—	+	—	—	+	—	—	—	+	—	—
—	—	+	—	—	—	—	+	—	+	—	—	—	—	—	+	+
0	0	0	0	+	—	—	0	0	0	0	0	—	—	0	0	0
0	0	0	0	—	—	+	0	0	0	0	0	—	+	0	0	0
p:	t:	k:	f:	θ:	s:	h:	x:			m:	n:	l:	r:			

Долгие фонемы

с подвижной артикуляцией, у которых скольжение осуществлялось в вертикальной плоскости — от одного раствора к другому у гласных /ie/, /uo/, /ei/, /ou/, от смычки к потоку у согласных /pf/, /ts/, /kx/. Изменения же локального плана в древневерхненемецкий период единичны — это, в частности, возникновение и исчезновение пассивно-предцентрального ряда.

К началу X в. описанные модальные перестройки в основном завершились, и с X в. начался второй этап эволюции верхненемецкой фонологической системы. Для него характерны как модальные, так и локальные перестройки, в том или ином плане продолжившие процессы первого этапа.

Крупнейшим изменением в локальной категории стала передняя перегласовка (умлаут). Первым ее шагом явилась монофонемизация сохраненного в течение древневерхненемецкого периода дифтонга /i + u/ с локальным, а не модальным различием между входящими в него фонемами. Дифтонг /e + o/, монофонемизируясь в X—XI вв., не образовал новой фонемы, а присоединился к расширяющемуся дифтонгоиду /ie/ (двн. *teof* > *tiof* > *tief*). Дифтонг (/i + u/ к XI в. превратился в гласную фонему /y:/, унаследовавшую от обеих фонем в дифтонге субстантные тембровые

свойства: задний ряд от /i/, лабиализацию от /u/. Это означало появление в вокализме новой локальной кинаемы лабиализации.

Интенсивная качественная редукция неударных гласных в X—XI вв. стерла функционально существенные локальные различия в заударной части слова, что создало потребность в их компенсации в ударном слоге. Под действием этого функционального фактора ударные гласные превратили ассимиляторно обусловленные аллофонические различия по тембру в субстантную базу для распространения в XII в. новой оппозиции лабиализации на весь вокализм. Задние аллофоны гласных заднего ряда стали задними лабиализованными гласными; при этом задние аллофоны /u:/ присоединились к /y:/ из /i + u/ (свн. *liute* < дзн. *liuti*, свн. *hiuser* < дзн. *hūsir*) [Жирмунский 1956, 139], а задние аллофоны остальных гласных заднего ряда /u/, /o/, /o:/, /uo/, /ou/ выделились в самостоятельные фонемы /y/ (дзн. *turi* > свн. *tür*), /œ/ (дзн. *lohīr* > свн. *löcher*), /æ:/ (дзн. *bōsi* > свн. *bæse*), /ye/ (дзн. *suozī* > свн. *süeze*), /œy/ (дзн. *loubir* > свн. *lōuber*) [Зиндер и Строева 1965, 103 сл.]. У гласных широкого раствора /a/, /a:/, до того не имевших в своей структуре локальных кинаем, в ходе умлаута (дзн. *mahtig* > свн. *māhtec*, дзн. *slāfit* > свн. *slæfet*) произошло расщепление на гласные заднего ряда /a/, /a:/ и заднего ряда /æ/, /æ:/.

С увеличением фонемного инвентаря в результате умлаута имело место обычное в подобных случаях дистрибутивное перераспределение фонем между словами — типично вероятностный процесс без строгих правил, что делает бесплодными попытки объяснить наличие или отсутствие продуктов умлаута в каждом отдельном случае [см. Зиндер и Строева 1965, 111—113].

После завершения умлаута состав верхненемецких гласных фонем получил к XIII в. следующий вид:

Краткие			Нескользящие			Долгие Скользящие		
/i/	/y/	/u/	/i:/	/y:/	/u:/	/ie/	/ye/	/uo/
/e/	/œ/	/o/	/e:/	/œ:/	/o:/	/ei/	/œy/	/ou/
/æ/		/a/	/æ:/		/a:/			

В средневерхненемецком продолжалась перестройка консонантной локальной категории, начатая в ходе передвижения согласных. Кинаема пассивной зацентральнойности

сменила альвеопалатальную реализацию на реализацию со вторым, заальвеолярным фокусом, и место шумной проточной фонемы в этом ряду занял новый согласный /ʃ/, возникший в XIII в. путем синтагматического стяжения согласных в сочетании /s+k/ (двн. fleisk > свн. fleisch). Постдентальная согласная фонема /s/ при этом исчезла, распределив свои аллофоны между тремя фонемами — продуктом передвижения центральным /s/ (конечные согласные в двн. hūs, glas, ūz, daz совпали), фонемой /ʃ/ (свн. snel > нвн. schnell, свн. kirse > нвн. Kirsche), а также новой фонемой /z/ (singen, lesen) [см. Раевский 1962, 75—77]. Позже в этот локальный ряд вошла новая аффриката /tʃ/ (двн. diutisk > свн. diutisch > нвн. deutsch).

Кинакема активной зацентральнойности у шумных проточных входит в структуру фонемы /x/ с обширной зоной аллофонического варьирования — от среднеязычного [ç] до фарингального [h]².

В течение всего средневерхненемецкого периода (XIII—XV вв.) осуществлялась новая крупная перестройка модальных категорий, охватившая вокализм и консонантизм. После завершения передвижения согласных модальная категория у консонантных кинакем получила асимметричную структуру: звуковая субкатегория оказалась свернутой до одной оппозиции, тогда как в преградной субкатегории сохранялась третья, добавочная оппозиция, к тому же с дистрибутивно ограниченной реализацией. В антропофонической реализации добавочной оппозиции протяженности большую роль играли свойства звукового характера, так как долгие несонорные смычные /p:/, /t:/, /k:/ были фонетически сильными, шумными, а краткие, особенно губной и заднеязычный, обычно выступали как слабые. В течение средневерхненемецкого периода оппозиция протяженности в консонантизме была ликвидирована, а в звуковую субкатегорию возвратилась оппозиция шумности, принявшая на себя часть функциональной нагрузки уstraненной оппозиции: в структуры прежних долгих фонем вошла кинакема шумности, в структуры прежних кратких — кинакема нешумности.

² Попытки различать в этой зоне три отдельные фонемы [см. Зиндер и Стросва 1965, 148—149, 162—163] неубедительны, так как опираются на пропозношение неассимилированных иностранных слов, а позицию согласного учитывают в терминах слогового, но не морфемного членения, гораздо более релевантного для германского слова.

Там же, где имело место фонемное слияние кратких и долгих согласных, функциональная нагрузка консонантной протяженности перешла к предшествующим гласным, которые выступали в удлинённых аллофонах перед краткими согласными и в сокращённых перед долгими.

При устранении консонантной протяженности аллофонические вариации длительности гласных приобрели фонемный статус, что привело к замене вокалической протяженности новой оппозицией. Прежние долгие согласные фонемы несли положительную кинакему протяженности; предшествовавшие им сокращённые аллофоны гласных, становясь особыми фонемами, приобретали положительную кинакему новой модальной оппозиции. Антропофоническим субстратом последней стало, таким образом, подчеркивание краткости гласного. Это, следовательно, оппозиция вокалической абруптивности (ср. выше).

Установление новой модальной оппозиции вокалической абруптивности привело к существенным изменениям в дистрибуции и антропофонической реализации гласных фонем. Дистрибутивные изменения были вызваны необходимостью перераспределить все гласные между абруптивными и неабруптивными фонемами, поскольку прежние краткие далеко не всегда становились абруптивными, а прежние долгие — неабруптивными. Подобные перераспределения, как известно, представляют собой вероятностный процесс, открытый влиянию самых разнообразных фонетических, грамматических, лексических и иных факторов, трудно предсказуемый и трудно объяснимый применительно к его отдельным результатам (см. выше). Объяснимо, однако, преобладание удлинения кратких (свн. *nemen* > нвн. *nehmen*) над сокращением долгих (двн. *brāhta* > нвн. *brachte*, двн. *muoter* > нвн. *Mutter*). Ведь фонемы с отрицательной кинакемой, как правило, более распространены, чем их корреляты с положительной кинакемой. Поскольку в рамках прежней вокалической оппозиции протяженности положительную кинакему несли долгие, а при смене оппозиций положительная кинакема появилась у абруптивных, фонетически кратких, естественным был заметный рост распространенности неабруптивных [ср. Зиндер и Строева 1965, 127], прежде всего путем удлинения в открытых слогах, где фонетические условия наиболее благоприятны для антропофонической реализации неабруптивности.

Изменения в реализациях гласных фонем были обус-

ловлены тем, что антропофоническая база оппозиции абруптивности способствует сужению раствора у неабруптивных гласных и, напротив, расширению у абруптивных [Плоткин 1967, 99; 1976, 84]. Этим, в частности, объясняются сужение /a:/ > /o:/ (свн. *āne* > нвн. *ohne*) и расширение /u/ > /o/, /y/ > /œ/ (свн. *kumen* > нвн. *kommen*, свн. *mūnech* > нвн. *Mönch*). Однако наиболее масштабным результатом установления новой модальной оппозиции абруптивности явился сдвиг, охвативший неабруптивные гласные трех растворов: узкие /i:/, /y:/, /u:/, расширяющиеся /ie/, /ye/, /uo/, сужающиеся /ei/, /øy/, /ou/.

Поскольку расширение противоречит антропофонической реализации неабруптивности, расширяющиеся гласные утратили глайды и превратились соответственно в узкие монофтонги /i:/, /y:/, /u:/ (ср. свн. и нвн. *tief*, свн. *küele* > нвн. *kühl*, свн. *muot* > нвн. *Mut*). Вытесненные этим изменением из своих мест в системе прежние узкие гласные приобрели максимально возможное дифтонгоидное сужение, расширив свою артикуляцию в ее начальной фазе: /i:/ > /ai/, /y:/ > /øy/, /u:/ > /au/ (свн. *rīten* > нвн. *reiten*, свн. *hiute* > нвн. *heute*, свн. *brūn* > нвн. *braun*). С ними слились сужающиеся гласные /ei/ > /ai/, /øy/, /ou/ > /au/, два из которых также расширили при этом начальную фазу своей артикуляции (свн. и нвн. *klein*, свн. *trōumen* > нвн. *träumen*, свн. *boum* > нвн. *Baum*). Хотя число сужающихся гласных, таким образом, не увеличилось, заметно возросла их распространенность, а растворный диапазон сужения стал у них максимальным. Напротив, расширение оказалось полностью устранившимся у неабруптивных гласных. Следовательно, общей чертой сдвига можно признать усиление сужения как типичного антропофонического свойства неабруптивных гласных.

Представленный в литературном немецком языке современный вокализм принял следующий вид:

	Абруптивные			Неабруптивные		
Узкие неширокие	/i/	/y/	/u/	/i:/	/y:/	/u:/
Неузкие неширокие	/e/	/œ/	/o/	/e:/	/œ:/	/o:/
Узкие широкие	—	—	—	/ai/	/oy/	/au/
Неузкие широкие			/a/			/a:/

Единственный сохранившийся модальный класс гласных с растворным скольжением больше не включает в свою

Таблица 5
КИНАКЕМНАЯ МАТРИЦА СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО
КОНСОНАНТИЗМА

Категории	Субкатегории	Оппозиции
Модальная	Преградная	Проточности Смычности
	Звуковая	Сонорности Шумности
Локальная	Активная	Предцентральности Зацентральности
	Пассивная	Зацентральности

структуру кинакемы скольжения, и соответствующая оппозиция, следовательно, из вокализма устранена. В структурах сужающихся гласных возникло новое синтагматическое сочетание положительных кинакем обеих растворных оппозиций, и у его носителей — гласных узких широких кинакема широкого раствора реализуется в начальной фазе артикуляции, а кинакема узкого раствора — в конечной.

Подсистема вокалических кинакем состоит из пяти оппозиций, среди которых три модальные (узкого раствора, широкого раствора, абруптивности) и две локальные (ряда и лабиализации). Сочетание в одной фонеме всех трех положительных модальных кинакем запрещено, и поэтому среди абруптивных нет сужающихся гласных. После утраты продуктами умлаута — задними /æ/, /œ:/ кинакемы широкого раствора и слияния их соответственно с /e/, /e:/ широкие неузкие гласные /a/, /a:/ лишены локальных кинакем.

В консонантизме важным событием средневерхненемецкого периода явилось формирование модального класса нешумных проточных согласных, что связано с восстановлением звуковой оппозиции шумности. У этого класса два источника — ослабление проточных шумных и десоноризация проточных сонорных. К первому восходит центральный (т. е. дентальный) нешумный /z/, к которому в XIII в. отошли аллофоны устраненной фонемы — постдентального /s/ в начальной и интервокальной позициях см. выше). К второму источнику восходит активпо-

Фонемы

p	t	k	b	d	g	m	n	ɲ	f	s	ʃ	x	v	z	j	r	pf	ts	tʃ	l
—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
+	+	+	+	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	+	+
—	—	—	—	—	—	+	+	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
+	+	+	—	—	—	—	—	—	+	+	+	+	—	—	—	—	+	+	+	—
+	—	—	+	—	—	+	—	—	+	—	—	—	+	—	—	—	+	—	—	0
—	—	+	—	—	+	—	—	+	—	—	—	+	—	—	—	+	—	—	—	0
0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	—	+	0	0	—	+	0	0	—	+	0

предцентральный (т. е. губной) /v/, возникший также в XIII в. из сонорного /w/ (ивн. Winter). Место пассивно-зацентрального согласного в этом классе заняла фонема /j/. Наконец, в этот класс включается фонема /r/ как активно-зацентральный, т. е. заднеязычный согласный. Отсюда естественность перехода к увулярной артикуляции этого согласного, которую в фонетической традиции безосновательно приписывали иноязычному влиянию [см. Пенцль 1961, 494; Зиндер и Строева 1965, 156]. Объединенные в данный модальный класс фонемы /v/, /z/, /j/, /r/ имеют в своих структурах модальные кинакемы проточности, несмычности и нешумности. Кинакемы же оппозиции сонорности у верхненемецких согласных с проточностью не сочетаются; иными словами, проточные могут быть либо шумными /f/, /s/, /ʃ/, /x/, либо нешумными /v/, /z/, /j/, /r/. Этим объясняется развитие у /r/ несонорного аллофона [ɹ] [см. Броницкий 1966; Раевский 1969б, 53; 1974, 31—32]. Что касается согласного /l/, то после появления аффрикат как особого преградного класса смычно-проточных он легко присоединился к ним, имея в своей артикуляции субстантную базу для реализации сочетания двух положительных преградных кинакем смычности (в переднеязычной смычке) и проточности (в боковом протоке) [см. Плоткин 1977, 149].

Северноконтинентальная эволюционная линия

Важнейшей особенностью северноконтинентальной эволюционной линии по сравнению с двумя рассмотренными выше линиями явилось отсутствие крупных модальных или локальных перестроек на ее начальном этапе. В преградной субкатегории здесь не выделилась оппозиция смычности, и в консонантизме до сих пор нет смычно-проточных согласных. Это, в свою очередь, позволило сохранить прежнюю сочетаемость двух положительных звуковых кинаксов сонорности и шумности в звонких согласных, которые, следовательно, не подверглись ослаблению; их несонорные (глухие) корреляты не стали сильными придыхательными.

В формировании этой особенности данной эволюционной линии определяющую роль сыграло то, что каждая из трех общегерманских звонких согласных фонем — /b ~ ~ v/, /d ~ ð/, /g ~ γ/ — здесь проявила своеобразие в путях ликвидации преградного варьирования. В губном ряду долго сохранялось варьирование между смычным аллофоном [b] в начальной позиции и проточным [v] в интервокальной. В переднеязычном ряду варьирование было устранено в пользу смычного [d], а в заднеязычном — в пользу проточного [γ]. В этих условиях взаимоотношения между сонорными /b ~ v/, /d/, /γ/ и прежними несонорными проточными /f/, /θ/, /x/ в каждом локальном ряду складывались индивидуально, без структурной симметрии между рядами.

В губном ряду проточные аллофоны отделились от /b ~ v/ и объединились с прежней фонемой /f/ в шумном проточном согласном /f ~ v/ (ср. гот. *giban*, днл. *geban* — нл. *geven*; гот. *fotus*, а. *foot* — днл. *fuot* > нл. *voet*). Таким образом, трехфонемный пучок губных шумных принял вид /b/ — /p/ — /f ~ v/ с двумя непроточными (сонорным и несонорным) и одним проточным без кинаксов оппозиции сонорности. В центральном, т. е. переднеязычном ряду согласный /θ/, объединившись с проточными аллофонами /d ~ ð/, вместе с ними влился затем в состав непроточного согласного /d/ (ср. гот. *þagkjan*, а. *think* — днл. *thencon* > нл. *denken*). На освободившееся тем самым место проточного согласного в центральном ряду передвинулась из пассивно-зацентрального (постдентального) ряда шумная фонема /s ~ z/. Так сложился трех-

членный пучок /d/ — /t/ — /s ~ z/, по составу аналогичный губному пучку. В заднеязычном ряду трехчленный пучок шумных принял вид /ɣ/ — /k/ — /x ~ h/ и состоял из двух проточных (сонорного и несонорного) и одного непроточного.

Хотя преградная оппозиция проточности играла немаловажную роль в описанных пучках, это не вело к снижению роли звуковой оппозиции сонорности, кинакемы которой продолжали сочетаться как с кинакемой непроточности в /b/ — /p/, /d/ — /t/, так и с кинакемой проточности в /ɣ/ — /x ~ h/.

Консонантизм северноконтинентальной ветви западногерманских языков к концу I тысячелетия н. э., судя по древненидерландскому³ состоянию, имел следующий фонемный состав:

/p/	/t/	/k/	/p:/	/t:/	/k:/
/b/	/d/	/ɣ/	/b:/	/d:/	/g:/
/f ~ v/	/s ~ z/	/x ~ h/	/f:/	/s:/	/x:/
/m/	/n/		/m:/	/n:/	
/w/	/l/	/r/ ⁴ /j/	/l:/	/r:/ ⁴	

Модальная асимметрия между локальными рядами, присущая как древненидерландскому, так и древнеанглийскому консонантизму и отличавшая их от древневерхне-немецкого, исключала возможность модальной перестройки, подобной верхненемецкому передвижению согласных [ср. Лерхнер 1972, 313]. В то же время в древненидерландском, в отличие от древнеанглийского, не было благоприятных условий и для крупной локальной перестройки.

Монофонемизация общегерманских дифтонгов в нидерландском была проведена путем модальной перестройки, как в верхненемецком, а не локальной, как в английском. Дифтонги /a+i/, /a+u/, представлявшие собой сочетания широкого гласного с узким, после монофонемизации сохранили артикуляционное скольжение по раствору лишь в качестве аллофонической реализации для отдельных позиций в некоторых частях нидерландского ареала, но в большинстве своих реализаций они

³ Под древненидерландским понимается нижнефранкский язык в период с V по XI в. [Гооссенс 1974, 17; Хутгерер 1975, 264].

⁴ Фонема /r/ и ее долгий коррелят оставались единственными представителями пассивно-зацентрального локального ряда.

претерпели полную взаимную ассимиляцию двух растворов и стали узкими неширокими долгими гласными — соответственно /e:/ (ср. гот. *dails* — дил. *deil* > нл. *deel*), /o:/ (ср. гот. *hlaupan* — дил. *loupon* > снл. *loopen* > нл. *loren*)⁵. Вытесненные при этом со своих мест прежние /e:/, /o:/, сменив две отрицательные растворяющие кинемы на положительные, стали узкими широкими гласными /ie/, /uo/ — узкими в начальной фазе артикуляции, расширенными в конечной (ср. гот. *her* — нл. *hier*, гот. *broþar* — дил. *bruoþer*). К первой из этих фонем вскоре присоединился дифтонг с тембровым скольжением /i+u/ (ср. гот. *diups* — нл. *dier*). Как видим, особые кинемы скольжения при интеграции общегерманских дифтонгов в нидерландском вокализме, в отличие от верхненемецкого, не возникли. Древненидерландский вокализм приобрел следующий фонемный состав:

	Краткие			Долгие	
Узкие неширокие	/i/	/u/	/i:/	/u:/	
Узкие широкие	—	—	/ie/	/uo/	
Неузкие неширокие	/e/	/o/	/ei ~ e:/	/ou ~ o:/	
Неузкие широкие	/a/			/a:/	

Интеграция общегерманских дифтонгов в нидерландском вокализме прошла, как видим, без локальных перестроек, характерных для решения этой задачи в древнеанглийском, где в данный процесс был вовлечен и консонантизм. Присоединение же дифтонга /i+u/ к дифтонгоидной фонеме с растворным, а не тембровым скольжением лишило нидерландский вокализм важного фактора, который в верхненемецком был использован как субстантная база для передней перегласовки. Таким образом, в нидерландском не сложились условия для проведения подобного процесса ни по древнеанглийскому, ни по верхненемецкому образцу. Что касается так называемого первичного умлаута /a/ > /e/ (ср. гот. *badi* — снл. *bedde* > нл. *bed*), то он, как было показано (см. выше), представлял собой этап перераспределения растворяющих аллофонов между двумя фонемами и не связан с таким типично

⁵ Аллофоническая вариативность /ei ~ e:/, /ou ~ o:/ сохранялась в нидерландском языке несколько веков [см. Мяронов 1973, 130 сл.].

тембровым изменением, как передняя перегласовка, даже хронологически.

Эпохой крупных перестроек явился рубеж древне- и средненидерландского периодов (X—XIII вв.), когда произошли важные изменения модальной категории в консонантизме, модальной и локальной категорий в вокализме. Они были обусловлены ликвидацией оппозиций протяженности в консонантизме и вокализме.

К началу средненидерландского периода долгие согласные исчезли как фонемы, в большинстве случаев слившись со своими краткими коррелятами. Но у шумных проточных /s:/, /f:/ не влились в свои краткие корреляты /s ~ z/, /f ~ v/, потому что прежние долгие сохранились как проточные несонорные /s/, /f/ (нл. *missen*, *heffen*), а прежние краткие приобрели кинакему сонорности и стали соответственно /z/, /v/ (днл. *wesan* > ннл. *wezen*, ннл. *drijven*). Таким образом, ликвидация оппозиции консонантной протяженности имела своим следствием расширение комбинаторного потенциала оппозиции сонорности, кинакемы которой стали входить в структуры двух модальных классов шумных проточных — сонорных /v/, /z/, /ɣ/ и несонорных /f/, /s/, /x ~ h/.

Следует учитывать, что разделение этих двух классов в своих конкретных результатах обнаруживает немалые различия по диалектным ареалам. Так, в северненидерландском ареале слияние долгих согласных с краткими распространилось и на /s:/ — /s ~ z/, /f:/ — /f ~ v/. Поэтому шумные проточные в целом не разделились здесь на классы сонорных и несонорных, что привело к фонематическому слиянию /ɣ/ и /x/ в активно-зацентральном ряду. В свою очередь отсутствие фонемы /v/ на севере расширило зону аллофонической реализации /w/, и эта фонема приобретает лабиодентальную артикуляцию вместо билабиальной на юге.

! Две нешумные проточные фонемы — /r/ и /j/, по-видимому, меняются местами в локальных рядах. У /r/ появилась и распространилась заднеязычная увулярная артикуляция [Миронов 1973, 34], свидетельствующая о вхождении согласного в активно-зацентральные ряд, тогда как палатальный /j/ следует рассматривать как член пассивно-зацентрального ряда, где в последнее время формируются новые фонемы /ʃ/ (нл. *sjouwen*), /ʒ/ (нл. *loge*), /tʃ/ (нл. *tjanken*). Современный нидерландский консонантизм приобрел следующий состав:

Непроточные несонорные шумные	/p/	/t/	/t'/	/k/
Непроточные сонорные шумные	/b/	/d/		
Непроточные сонорные нешумные	/m/	/n/		/ŋ/
Проточные несонорные шумные	/f/	/s/	/ʃ/	/x~h/
Проточные сонорные шумные	/v/	/z/	/ʒ/	/ʁ/
Проточные сонорные нешумные	/w/	/l/	/j/	/r/

/ В кинакемной подсистеме шесть оппозиций — три модальные и три локальные. Субкатегории звуковая и активно-локальная развернуты с двумя оппозициями в каждой; преградная и пассивно-локальная субкатегории содержат по одной оппозиции.

Передача вокализму значительной части функциональной нагрузки устраненной оппозиции консонантной протяженности привела в нидерландском, как и в двух других западногерманских эволюционных линиях (см. выше), к замене вокалической протяженности оппозицией вокалической абруптивности, которую в нидерландской фонетической терминологии адекватно отражают термины *scherp gesneden* — *zwak gesneden*, *gedeckt* — *vrij* [Гоосенс 1974, 23].

Положительная кинакема новой оппозиции вошла в структуры прежних кратких гласных /i/, /e/, /a/, /o/, /u/. Поскольку антропофонической реализации оппозиции абруптивности благоприятствует расширение раствора у абруптивных гласных, одним из важнейших следствий установления новой оппозиции явилось массовое расширение узких абруптивных гласных, т. е. перераспределение их аллофонов в пользу неузких. Это отражено в переходах /i/ > /e/ (ср. а. *milk*, н. *Milch* — нл. *melk*), /u/ > /o/ (ср. н. *kurz* — днл. *kurt* > снл. *kurt* ~ *kort* > ннл. *kort*). При этом в незаднем ряду гласный /i/ целиком утратил кинакему узкого раствора и стал неузким нешироким /ɪ/, тогда как /e/ приобрел кинакему широкого раствора и превратился в /ɛ/; гласный /a/, прежде не имевший локальных кинакем, соответственно приобрел кинакему заднего ряда и выступает как гласный /ɑ/.

Не сохранили кинакему узкого раствора и те аллофоны /u/, которые не отошли к /o/. Полностью устранив из своих структур кинакемы оппозиции узкого раствора, все абруптивные гласные оказались распределенными между двумя ступенями раствора вместо прежних трех: широкие гласные /ɛ/, /ɑ/ противостоят нешироким, преж-

ним /i/, /u/, /o/. Но объединение /u/ с /o/ в одном растворе потребовало появления новой локальной оппозиции. Поскольку кинакема заднего ряда, общая для обеих фонем, не могла их различать, она была исключена из структуры /u/ и заменена отрицательной кинакемой незаднего ряда; характерная для антропофонической реализации /u/ сильная огубленность была при этом сохранена и послужила субстантной базой для новой оппозиции. Положительная кинакема лабиализации вошла в структуры двух фонем неширокого раствора /o/, /œ/; последняя сформировалась из аллофонов /u/, не отошедших к /o/ (нл. *kunst*)⁶.

Поскольку приобретение положительных кинакем обычно наталкивается на дистрибутивные ограничения, многие аллофоны прежних кратких не отошли к абруптивным гласным, сохранились как реализации отрицательной кинакемы и, следовательно, присоединились к неабруптивным фонемам. В фонетическом плане это проявилось в массовом удлинении кратких гласных, прежде всего в открытых слогах, где позиционные условия не благоприятствуют антропофонической реализации кинакемы абруптивности (нл. *breken*, *horen*, *maken*), а также перед группами из /г/ с переднеязычным согласным (нл. *baard*, *woord*). В фонему /e:/ вливались удлинённые аллофоны не только /e/, но и /i/ (днл. *himel* > нл. *hemel*, нл. *pegen* — ср. да. *nigon*, де. *nigun*), в фонему /o:/ — не только /o/, но и /u/ (днл. *suman* > нл. *komen*).

Превращение долгих гласных в неабруптивные обусловило у них два взаимосвязанных изменения модального плана, глубоко затронувших также локальную категорию. В своей совокупности они могут быть названы нидерландским сдвигом гласных, который вполне сопоставим сдвигам в английском и немецком вокализме [Рапопорт 1977].

Ввиду антропофонической несовместимости растворного расширения с неабруптивностью узкие широкие (т. е. расширяющиеся) гласные /ie/, /uo/ были устранены из вокализма; утратив свои расширенные глайды, они превратились соответственно в узкие неширокие /i:/, /u:/ (нл. *dier*, *goed*). Прежние /i:/, /u:/, напротив, приобрели

⁶ Гипотеза об обусловленности этой «спонтанной палатализации» /u/ > /y ~ œ/ иноязычным (кельтским, галло-романским) влиянием [см. Жирмунский 1964, 191] оказывается в свете изложенного ненужной.

рели положительную кинакему широкого раствора и тем самым обменялись местами в кинакемной матрице с прежними расширяющимися дифтонгоидами. Но теперь антропофоническая реализация того же кинакемного сочетания стала диаметрально противоположной, так как она была приведена в соответствие с антропофонической природой неабруптивности, которая благоприятствует сужению, а не расширению раствора. Этим объясняется переход /i:/, /u:/ в сужающиеся дифтонгоиды путем расширения их артикуляции в начальной фазе. Локальная характеристика заднего гласного сохранена при переходе /i:/ > /ei/ (нл. *tijd*). Гласный /u:/ подвергся, однако, и локальному изменению. Сформировавшаяся у абруптивных гласных оппозиция лабиализации распространилась на неабруптивные, и задний /u:/, как и его абруптивный коррелят /u/, приобрел ее положительную кинакему, утратив зато положительную кинакему заднего ряда. Поэтому сужающийся дифтонгоид, развившийся из прежнего /u:/, является лабиализованным задним /œy/ (днл. *hûs* > снл. *huus* > ннл. *huis*).

В описанных изменениях отразилось формирование современного нидерландского неабруптивного вокализма с четырьмя модальными (растворными) классами и тремя локальными (тембровыми) рядами. Узкими неширокими стали /i:/, /u:/, неузкие неширокие — /e:/, /o:/; широкие узкие (сужающиеся) — /ei/, /œy/; единственный широкий неузкий — /a:/. Во всех растворных классах, кроме последнего, локально не членимого, возникли «пустые клетки» на пересечениях с локальными рядами, где сложились новые неабруптивные гласные фонемы. Это два лабиализованных задних гласных — /y:/, заполнивший свое фонемное поле главным образом аллофонами прежнего /u:/, которые перед /r/ и в некоторых иных позициях не расширили начальную фазу своей артикуляции (нл. *buur*); /œ:/, который вовлек в свое поле продукты удлинения и расширения /u/, подвергшиеся ассимилятивному воздействию последующего заднего гласного (ср. гот. *ubils* — днл. *uvel* > снл. *ovel* ~ *oevel* > ннл. *euvel*; лат. *coquina* > снл. *cōkene* ~ *cuekene* > ннл. *keuken*). Место заднего сужающегося дифтонгоида занял /ou/ из нескольких различных источников (нл. *trouw*, *blauw*, а также ннл. *hout* < днл. *holt*).

Современный нидерландский вокализм имеет следующий фонемный состав:

	Абруптивные			Неабруптивные		
Узкие неширокие	—	—	—	/i:/	/y:/	/u:/
Узкие широкие	—	—	—	/ei/	/œy/	/ou/
Неузкие неширокие	/i/	/œ/	/o/	/e:/	/œ:/	/o:/
Неузкие широкие	/ɛ/		/ɑ/			/a:/

О путях западногерманской фонологической эволюции

К моменту выделения трех эволюционных линий — островной и двух континентальных (северной и южной) [ср. Фрингс и Лерхнер 1966, 19; Лерхнер 1972, 313—318] в западногерманской фонологической системе определилась необходимость решить две задачи, порожденные распадом двухморных слогиносителей в конце общегерманской эпохи. Было необходимо, во-первых, монофонемизировать бифонемные дифтонги; во-вторых, установление двух оппозиций протяженности — вокалической и консонантной, нужных на определенном этапе для интеграции в фонологической системе продуктов распада двухморных слогиносителей, не могло стать долгосрочным решением, и в этой сфере назревала необходимость перестройки.

Наряду с этими двумя основными задачами выявились и другие, решение которых было возможно и весьма вероятно, но не обязательно. Одной из таких задач было обогащение преградной субкатегории оппозицией смычности, отсутствовавшей в общегерманском консонантизме. Этот шаг, вводя новое сочетание двух положительных преградных кинакем в смычно-проточных согласных фонемах, делал весьма вероятным изменение внутрифонемной сочетаемости кинакем звуковой субкатегории. Другой факультативной задачей была компенсация редукции фонем в заударной позиции увеличением кинакемного и фонемного инвентаря для заполнения позиций в ударной корневой части слова.

Очередность решения двух основных задач определялась тем, что консонантная оппозиция протяженности сформировалась непосредственно перед разделением эволюционных линий, тогда как интеграция дифтонгов началась еще до этого момента. Поэтому во всех эволюционных линиях интеграция дифтонгов предшествовала решению проблемы оппозиций протяженности.

До разделения эволюционных линий был монофонемизирован дифтонг /e+i/, субстантная реализация которого [i+i] позволила ему занять место долгого узкого заднего гласного /i:/. Из оставшихся трех древних дифтонгов /a+i/, /a+u/, /e ~ i+u/ последний был расщеплен на два при разделении фонем /i/, /e/. Растворные и тембровые характеристики компонентов четырех дифтонгов представлены в табл. 6.

Таблица 6

ДРЕВНЕГЕРМАНСКИЕ ДИФТОНГИ

По раствору первого гласного	По тембру второго гласного	
	Незадний	Задний
Узкий		/i + u/
Средний		/e + u/
Широкий	/a + i/	/a + u/

Ни в одной из эволюционных линий не было одновременной и однотипной монофонемизации четырех дифтонгов. Определились два пути монофонемизации, которые можно назвать тембровым и растворным. В островной линии был избран тембровый путь, т. е. сохранение в новых монофонемных гласных дифтонгоидного скольжения от незаднего ряда к заднему. Такой монофонемизации могли подвергнуться лишь три дифтонга с глайдом /u/, тогда как четвертый дифтонг /a+i/ был монофонемизирован иным путем. В фонологическую систему древнеанглийского языка было внесено в качестве важного элемента скольжение в горизонтальной плоскости, что открыло путь к крупным локальным перестройкам, охватившим не только весь вокализм, но и значительную часть консонантизма.

Выбор растворного пути в двух других эволюционных линиях означал, напротив, первоочередную монофонемизацию двух дифтонгов с широким начальным гласным /a/, что внесло в вокализм модальную характеристику растворного скольжения, т. е. скольжения в вертикальной плоскости.

Тембровое и растворное скольжение в вокалических системах не ограничивалось дифтонгоидными продуктами монофонемизации дифтонгов. Их внедрение стиму-

лировало появление в системе гласных фонем с диаметрально противоположным направлением скольжения: в древнеанглийском возникли гласные фонемы с тембровым скольжением от заднего ряда к незаднему, на континенте в противовес сужающимся продуктам монофонемизации дифтонгов появились расширяющиеся гласные.

С интеграцией дифтонгов было совмещено решение иных задач, в частности, задача оптимизации модальной категории в консонантизме путем полного развертывания преградной субкатегории и создания на этой основе смычно-проточных согласных. Это было сделано в двух линиях — островной и южноконтинентальной. Пути решения задачи оказались разными в двух линиях, но в обоих случаях они отчетливо связаны с путями интеграции дифтонгов: верхненемецкие аффрикаты возникли в ходе радикальной модальной перестройки консонантизма (перемещения согласных), а английские — в результате локальной перестройки (расщепления заднеязычного ряда).

Осуществив в древние периоды своей истории решение первой из двух основных задач фонологической эволюции — интеграции общегерманских дифтонгов, западногерманские языки в средние периоды своей истории перешли к решению второй задачи, вытекающей из неоптимальности функционирования двух оппозиций протяженности. Пути решения этой задачи в главных своих чертах одинаковы во всех трех эволюционных линиях. Оппозиция консонантной протяженности была везде устранена, а оппозиция вокалической протяженности, унаследовавшая от нее большую часть функциональной нагрузки, была заменена новой вокалической оппозицией абруптивности. Установление последней имело одинаковые последствия для дистрибутивной характеристики гласных фонем: распространенность неабруптивных выросла за счет абруптивных, что проявилось в «удлинении» кратких гласных, особенно в открытых слогах.

Важным следствием установления оппозиции абруптивности было изменение растворных характеристик гласных — сужение охватило неабруптивные гласные, а расширение — абруптивные. Во всех трех линиях это привело к сдвигам гласных, в ходе которых имевшееся в континентальных ареалах скольжение с расширением раствора было ликвидировано, а скольжение с сужением раствора во всех трех ареалах распространилось среди неабруптивных гласных.

Глава IV

СКАНДИНАВСКИЕ ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ

Древнескандинавская эволюционная линия

На протяжении I тысячелетия н. э. скандинавская фонологическая эволюция шла по одной линии.

Унаследованный от общегерманского состояния консонантизм почти до конца этой эпохи не подвергался существенным изменениям парадигматического характера, кроме утраты двух лабиовелярных фонем /k^o/, /x^o/, синтагматически разложенных на /k+w/, /x+w/ (ср. гот. *qīþan* — ди. *kveða*, гот. *hvar* — ди. *hvar*). 17 согласных фонем [Стеблин-Каменский 1966, 26] делились на пять модальных классов и четыре локальных ряда:

Несонорные непроточные	/p/	/t/		/k/
Несонорные проточные	/f/	/θ/	/s/	/x ~ h/
Сонорные шумные	/b ~ v/	/d ~ ð/	/z ~ R/ ¹	/g ~ γ/
Нешумные непроточные	/m/	/n/		
Нешумные проточные	/w/	/l/	/r/	/j/

У некоторых согласных в течение общескандинавской эпохи прошли заметные дистрибутивные изменения, тесно связанные с эволюцией вокализма: из определенных позиций были устранены /w/ (ср. гот. *waurd* — ди. *oð*), /j/ (ср. гот. *juggs* — ди. *ungr*), /n/ (ср. гот. *ansts* — ди. *ást*), /x ~ h/ (ср. гот. *slahan* — ди. *slá*). Фонема /j/, однако, позже не только восстановила, но даже резко увеличила свой дистрибутивный потенциал.

¹ Принято трактовать /R/ как новую фонему, возникшую в результате ротацизма /z/ > /R/ [см. Стеблин-Каменский 1966, 33—36]. Однако несомненная смена артикуляции от [z] к [R] не доказывает разрушения фонемного единства обоих согласных, которые никогда не противопоставлялись друг другу фонологически и в течение нескольких веков, по-видимому, оставались аллофонами одной фонемы.

Важнейшим синтагматическим процессом в консонантизме была геминация, которая приобрела широкий размах как результат полной ассимиляции в группах согласных: /x+t/ > /t+t/ (ср. гот. *ahtau* — ди. *átta*), /n+k/ > /k+k/ (ср. гот. *drigkan* — ди. *drekkā*), /m+p/ > /p+p/ (ср. да. *sempa* — ди. *kappi*), /z+d/ > /d+d/ (ср. гот. *razda* — ди. *rodd*), /z+n/ > /n+n/ (ср. гот. *gazz* — ди. *gann*) и т. д. Геминация в общескандинавском стала возможной у большинства согласных. Поскольку ей не благоприятствовала кинакема проточности, геминаты не возникали у /f/, /θ/, /x ~ h/, /z/, хотя имелись у /s/; у сонорных шумных /b ~ v/, /d ~ ð/, /g ~ γ/ в геминатах всегда выступали непроточные согласные. Очевидно, по той же причине геминаты, возникавшие у нешумных проточных /w/, /j/, подвергались, как и в готском языке (см. выше), диссимиляции с заменой первого компонента непроточным шумным /g/ (ср. дил. *haŋŋan*, дс. *hauwan* — ди. *hoggva*; двн. *zweŋŋo* — ди. *tveggja*).

Скандинавские геминаты, в отличие от западногерманских, долго оставались бифонемными. Хотя историко-фонетическая традиция ставила знак равенства между геминацией и долготой согласных, нет никаких доказательств того, что геминаты, явно бифонемные по происхождению, подверглись монофонемизации в общескандинавскую эпоху.

Общескандинавский ударный вокализм был существенно обогащен по сравнению с общегерманским, что, несомненно, было функционально обусловлено необходимостью компенсировать развернувшуюся редукцию фонем в заударных позициях. В нем установились новые кинакемные оппозиции, сначала модальные, затем и локальные.

К оппозиции широкого раствора добавилась контрарная ей оппозиция узкого раствора, разделившая аллофонические поля нешироких гласных /i ~ e/, /u ~ o/ между узкими /i/, /u/ и неузкими /e/, /o/. Дистрибутивное перераспределение между новыми фонемами, как всегда в подобных случаях, прошло как вероятностный процесс без строгой регулярности [Стеблин-Каменский 1959, 56; 1960а, 196], допуская влияние различных факторов, среди которых, в частности, важную роль играла характеристика последующего гласного или согласного. Так, предшествование широкому гласному /a/ способствовало установлению неузких /e/, /o/ (так называемая перегласовка на *a* в рун. *horna*, ди. *stolinn* — ср. гот. *stulans*, ди. *peŋan* — ср. однокоренное *piðr*); предшество-

вание узкому /i/ способствовало установлению /i/ (древнейшая перегласовка на *i*, как в ди. *virki* — ср. однокоренное *verk*)². Победе узкого гласного способствовали следующие непроточные нешумные /m/, /n/ (ср. ди. *vindr* — лат. *ventus*); напротив, исчезновение этих согласных при их ассимиляции в геминатах способствовало победе неузкого гласного (ср. да. *drincan* — ди. *drekka*, да. *uncer* — ди. *okkarr*).

Две растворные оппозиции распространились и на долгие гласные, среди которых появились широкий /a:/ из общегерманского $\bar{a}$ ¹ (ср. гот. *letan* — ди. *lāta*) и узкие /i:/, /u:/ из двухморных слононосителей /i+i/, /u+u/ (ср. гот. *beitan* — ди. *bīta*, ди. *gūm*).

После формирования трехрастворного вокализма из 10 фонем — /i/, /e/, /a/, /o/, /u/ и их долгих коррелятов в нем началось обогащение локальной категории. От общегерманского состояния была унаследована одна нерасчлененная тембровая оппозиция, где в антропофонической реализации кинакем объединялись задний ряд и огубленность, передний ряд и неогубленность [ср. Трубецкой 1960, 110]. Однако ее природа была изменена, по-видимому, уже в начале общескандинавской эпохи: в ее антропофонической реализации положение губ стало ведущим моментом, а положение языка — второстепенным. Иначе говоря, вместо нерасчлененной тембровой оппозиции установилась оппозиция лабиализации с положительной кинакемой в /u/, /o/ и их долгих коррелятах, отрицательной в /i/, /e/; в структуры широких гласных /a/, /a:/ эти кинакемы не входили³.

Свидетельством происшедшей перестройки в тембровой оппозиции явилось устранение /w/, /j/ из определенных позиций в начале слова перед гласными. При этом /w/ выпал перед лабиализованными /u/, /o/ (ср. гот. *wulfs*, *waigrms* — ди. *ulfr*, *ormr*), /j/ выпал во всех четырех известных скандинавских словах, где он занимал начальную

² Традиционное объединение различных модальных и локальных изменений под общим названием «перегласовка» подвергается обоснованной критике [Бенедиктссон 1970, 100—105].

³ Выдвигался тезис, согласно которому именно таковой была единственная тембровая оппозиция в общегерманском вокализме [Тводелл 1948; СГГЯ II, 156]. Однако он теоретически не обоснован, потому что исходит из ошибочной посылки о невозможности аллофонического варьирования фонем по фонологически релевантным для них параметрам [см. Плоткин 1976, 27].

позицию (ср. гот. *jer, juk, juggs*, фин. заимствованное *juusto* — ди. *ār, ok, ungr, ostr*). Подобное поведение /w/, /j/ очень характерно для языков с единственной тембровой оппозицией лабиализации, потому что звучание /w/ близко к антропофонической реализации ее положительной кинаемы, а /j/ по звучанию сближается с препалатализацией, которая, будучи антропофонически контрарна лабиализации, выступает в таких языках как типичное антропофоническое свойство нелабиализованных гласных. Это наглядно иллюстрируют известные факты восточнославянских языков, где именно лабиализация, а не ряд служит базой для единственной тембровой оппозиции.

В исконной древнерусской лексике нет фонематического противопоставления слов с начальными *y-* и *vy-*, не всегда оно есть между *o-* и *vo-* [Борковский и Кузнецов 1963, 52, 81; Иванов 1968, 64], вследствие чего такие пары, как *улица* — *вулица*, *ухо* — *вухо*, *острый* — *вострый*, *она* — *вона* представляют собой фонетические варианты. Литературный русский язык, как правило, отвергает протетическое *в*, а украинский и белорусский, напротив, закрепили его (укр. *вулиця, вухо, вона*, бел. *вуліца, вуха, востры*). Впрочем, в русском языке перед лабиализованным гласным имеются случаи как закрепления протетического *в* (*восемь, вотчина*), так и устранения исконного /v/ (*оса* — ср. лит. *vapsà*).

В скандинавских сочетаниях /w+u/, /w+o/ звучание [w], утратив фонематическую самостоятельность, превратилось в прелабиализацию к /u/, /o/, фонетически [w^u], [w^o].

В восточнославянских языках также хорошо известны случаи исключения начального /j/, звучание которого не могло получить фонематической самостоятельности перед незадними, нелабиализованными гласными /i/, /e/, /a/, где оно не отличалось бы от их фонетического компонента — препалатализации, а перед гласными заднего ряда /u/, /o/ это звучание антропофонически трудно совместимо с присущей им прелабиализацией. Так, для истории русского языка типично устранение начального /j/ перед лабиализованными /u/, /o/ в таких словах, как *уха, утро, ужин*, в заимствованных антропонимах *Ульяна* < *Юлиана*, *Устин* < *Юстин*, *Осип* < *Иосиф*.

Во второй половине общескандинавской эпохи в вокализме сформировалась вторая тембровая оппозиция ряда. Ее отрицательная кинаема незаднего ряда вошла

в структуры новых фонем /y/, /ø/, /æ/ и трех соответствующих долгих, где объединились аллофоны гласных /u/, /o/, /a/ и их долгих коррелятов, подвергшиеся передней перегласовке, т. е. ассимилятивному воздействию последующего редуцируемого /i/ или /j/ (ср. гот. *fulljan* — ди. *fylla*, ди. *mýss* < **mūsiR*, рун. *dohtriR* — ди. *dōtr*, гот. *domjan* — ди. *dōma*, рун. *gastiR* — ди. *gæster*, рун. *māriR* — ди. *mærr*). При этом /y/, /ø/ и их долгие корреляты сохранили в своих структурах кинакему лабиализации.

После установления новой оппозиции фонемные продукты перегласовки появились в результате дистрибутивного перераспределения между материнскими и дочерними фонемами также перед сохранившимся /i/ (ср. ди. *gás* — д. *gæsling*), перед согласным палатального ряда /R/ (ср. да. *cū* — ди. *kūr*). К новым лабиализованным фонемам отошли также лабиализованные аллофоны задних нелабиализованных /e/, /i/, возникшие под ассимилятивным воздействием последующего /w/ (ср. гот. *riqis*, *igqis* — ди. *røkkr*, *ukkr*).

Пополненный новыми модальными и локальными оппозициями вокализм получил к концу общескандинавской эпохи следующий фонемный состав [ср. Стеблин-Каменский 1958, 77]:

/i(:)/	/y(:)/	/u(:)/
/e(:)/	/ø(:)/	/o(:)/
/æ(:)/		/a(:)/

С установлением тембровой оппозиции ряда стала невозможной препалатализация как сопутствующая артикуляция у задних гласных. Это создало предпосылки для фонематического расщепления соответствующих монофонемных артикуляций, наиболее типичной из которых была, несомненно, [ɛ] для фонемы /e/ (заметим, что из всех русских гласных только для /e/ препалатализация нормативно закреплена). При подобных синтагматических расщеплениях обычны диссимиляции между расходящимися компонентами, облегчаемые в данном случае тем, что прежняя препалатализация, достаточно однозначно указывая на фонематическую принадлежность гласного к заднему ряду, позволяла последующей фазе артикуляции широко варьировать по тембру. Наглядные примеры подобной диссимиляции при синтагматическом отделении прелабиализации от последующего заднего гласного дают

польские слова *węgiel*, *Węgry* (ср. их русские соответствия *уголь*, *угры*), где /v/ — протетический согласный, восходящий к прелабиализации заднего гласного /ō/; выделение /v/ в особую фонему обусловило переход последующего гласного в передний ряд — /ō/ > /ē/. Аналогичную смену тембра иллюстрирует переход /o/ > /ue/ в испанском (исп. *cuetro* < лат. *cuprus*).

Изменением такого же типа явилось скандинавское преломление, при котором гласный /e/, выделив из своей препалатализованной артикуляции фонему /j/, при определенных условиях перешел в гласные заднего ряда /a/, /o/ (ср. н. *Berg*, *Erde* — ди. *bjarg*, дд. *iorth*) [Стеблин-Каменский 1966, 43—45]. Благоприятным позиционным условием для преломления было наличие последующего гласного заднего ряда или /w/; ему препятствовали предшествующие проточные сонорные /w/, /l/, /r/, трудно сочетающиеся с согласным того же модального класса /j/.

! Для характеристики общескандинавской фонологической системы очень важно определить момент утраты унаследованного от общегерманского состояния членения слононосителя на моры. Ход редукции заударных гласных и связанной с нею передней перегласовки позволяет обнаружить важное проявление процесса перехода доминанции в слове от слоговой структуры к морфемной (ср. выше). Дело в том, что на первом этапе перегласовки еще было релевантным различие между «долгими» корнями с двухморным слононосителем или поствокальной группой согласных и «краткими» корнями с одноморным слононосителем и одним поствокальным согласным. Поскольку в общегерманском слоговая граница проходила обычно после второй моры или после просодически равного ей согласного (ср. гот. *so|keis*, *sto|jis*, *san|deis*, *was|jis*), часть «долгого» корня отходила к заударному слогу (*so|k-eis*, *san|d-eis*), тогда как «краткий» корень слоговой границей в аналогичных случаях не рассекался. Совпадение слоговой и морфемной границ в «краткосложных» словах создавало в них иную просодическую обстановку, чем в «долгосложных». Передняя перегласовка прошла в «долгосложных» **dōmiða* > *dōmða*, **gastiR* > *gestr*, где /i/ выпал раньше, но не в «краткосложных» **valiða* > *valða*, **staðiR* > *staðr*, утративших /i/ несколько позже; однако ко времени «младшей перегласовки», т. е. дистрибутивного перераспределения между материнскими и дочерними фонемами (см. выше), различие между этими

двумя структурными типами слов настолько ослабло, что уже не могло влиять на перераспределение [см. Стеблин-Каменский 1966, 53—54].

Последнее проявление релевантности членения на моры в скандинавской подгруппе обнаруживается еще в начале II тысячелетия н. э., когда в восточноскандинавском ареале имели место различия между «долгосложными» и «краткосложными» словами по антропофонической реализации редуцированных гласных: днр. *taka*, *vita*, но *sendæ*, *høyra*, дш. *gudhi*, *ridhu*, но *gardhe*, *fōro* (так называемое равновесие гласных) [Вессен 1949, 73, 112; Стеблин-Каменский 1953, 126—127].

Таким образом, древняя структура слова сохранялась в скандинавской подгруппе на целое тысячелетие дольше, чем в двух других германских подгруппах. С этим, надо полагать, связано длительное сохранение бифонемности геминат. Бифонемными оставались до конца общескандинавской эпохи и дифтонги, наравне с долгими монофтонгами выступавшие в качестве двухморных слогоносителей. О бифонемности дифтонгов свидетельствует их участие в тембровых изменениях, которым их компоненты подвергались так же, как отдельные гласные фонемы. Передняя перегласовка /a+u/ дала /e+y/ (ср. гот. *hausjan* — ди. *heuga*), т. е. сочетание, где /a/ > /e/, /u/ > /y/ в соответствии с правилами перегласовки. В формулу передней перегласовки также вписывается переход /a+i/ > /æ+i/ > /e+i/ (ср. рун. *hailag* — ди. *heilagr*), где второй компонент ассимилятивно воздействовал на первый [Смирницкий 1961, 64]. Естественным результатом передней перегласовки /i+u/ явился долгий гласный /y:/ (ср. гот. *niujis* — ди. *nūr*). В остальных случаях дифтонг /i+u/ стал восходящим, и первая фонема в нем превратилась в согласный /j/ (ср. гот. *liufs* — ди. *ljúfr*) точно так же, как все гласные заднего ряда, оказавшиеся перед другим гласным при выпадении интервокального согласного (ср. дшн. *sehan* — ди. *sjá*, гот. *freihals* — ди. *frjáls*, да. *hīwan* — ди. *hjón*).

Последние общескандинавские изменения перед дивергенцией эволюционных линий затронули кинакемные структуры некоторых согласных фонем в двух модальных классах. В классе шумных сонорных, не имевшем в своих структурах преградных кинакем, две фонемы приобрели кинакему непроточности: /b ~ v/, /d ~ ʒ/ стали соответственно /b/, /d/, передав свои проточные аллофоны

в состав фонем /f/, /θ/. Однако фонема /f/ скоро передала свои сонорные аллофоны нешумному сонорному /w/. В центральном ряду шумный проточный /θ ~ ð/ исключил из своей структуры кинакемы оппозиции сонорности. Сохранили кинакему несонорности шумные проточные двух зацентральных рядов /s/, /x ~ h/. Пассивно-зацентральный шумный сонорный /z ~ R/, утратив кинакему шумности, слился с нешумным сонорным /r/ (ср. рун. *runoR* — ди. *rúnar*). К концу общескандинавской эпохи консонантизм получил следующий фонемный состав:

Несонорные непроточные	/p/	/t/	/k/
Шумные проточные	/f/	/θ ~ ð/	/s/ /x ~ h/
Сонорные шумные	/b/	/d/	/g ~ γ/
Нешумные непроточные	/m/	/n/	
Нешумные проточные	/w ~ v/	/l/	/r/ /j/

К началу II тысячелетия н. э. в скандинавском ареале выделились две линии фонологической эволюции — западная и восточная; из последней вскоре выделилась третья, южная линия.

Восточная эволюционная линия

Исходной для эволюции восточноскандинавского вокализма была трехрастворная 16-фонемная структура, представленная на с. 82. В XI—XII вв. в нее были интегрированы дифтонги, которые стали долгими монофтонгами, причем /e+i/ > /e:/ (ср. гот. *laikan*, ди. *leika* — ш. *leka*), а /a+u/, /e+y/ слились в /ø:/ (ср. ди. *auf̊r*, *euða* — ш. *ðe*, *ða*). Как видим, интеграция германских дифтонгов, возможность и необходимость которой были обусловлены ликвидацией прежней структуры слова с двухморностью слононосителей, прошла в восточноскандинавском вокализме без таких радикальных перестроек, модальных или локальных, какие вызвал этот эволюционный шаг в западногерманских языках. Это важное различие можно объяснить тем, что ликвидация двухморности и тем самым интеграция дифтонгов были осуществлены в западногерманской подгруппе намного раньше, чем в скандинавской, когда вокализм был еще довольно беден. Интеграция дифтонгов в таком вокализме создавала благоприятные условия для существенного обогащения его

кинакемного и фонемного инвентарей, что и последовало за нею в западногерманских языках. Скандинавский вокализм, напротив, к моменту интеграции дифтонгов был уже значительно богаче общегерманского и исходного западногерманского, что позволило ему монофонемизировать дифтонги без парадигматических изменений и, в частности, без использования артикуляционного скольжения для формирования новых фонем.

Выбор фонем, в которые влились дифтонги, был обусловлен, вероятно, вхождением минимального числа положительных кинакем в их структуры: у обеих фонем две отрицательные растворные кинакемы, у /e:/ обе тембровые кинакемы тоже отрицательны, у /ø:/ только одна из них положительна. Общая схема интеграции предполагала вхождение /a+u/ в /o:/, но последняя фонема — носитель обеих положительных тембровых кинакем, что, очевидно, способствовало ее исключению из процесса интеграции дифтонгов.

Победа новой структуры слова с морфемной, а не слоговой доминацией создала предпосылки для изменения фонемного статуса геминат, которые достаточно часто рассекались на две фонемы слоговой границей, но не морфемной. Общее для всех германских языков снижение релевантности слоговых границ открыло путь к монофонемизации тавтоморфемных геминат и в скандинавской подгруппе, не сделав ее, впрочем, обязательной. Один из путей монофонемизации — внесение в консонантизм оппозиции протяженности и превращение геминат в долгие согласные фонемы. Такое решение глубоко затрагивало языковой статус одноименной оппозиции, функционировавшей уже в вокализме.

В XIII—XV вв. шведский язык подвергся радикальной фонологической перестройке, содержанием которой были два взаимосвязанных изменения в системе кинакем: установление оппозиции протяженности в консонантизме и устранение вокалической оппозиции протяженности. Глубинные перестройки подобного масштаба далеко не всегда ведут к немедленным и заметным изменениям в антропофонических реализациях фонем. Это тем более важно иметь в виду, когда речь идет о бифонемных геминатах и долгих согласных фонемах, между которыми, как известно, трудно обнаружить чисто фонетические различия [Зиндер 1979, 126—130]. С другой стороны, ликвидация вокалической протяженности как кинакем-

ной оппозиции вполне допускает сохранение фонетических различий по длительности между гласными.

Как известно, вместо четырех возможных в общескандинавскую эпоху количественных последовательностей — краткого гласного и одного согласного (ГС), краткого гласного и геминаты (ГСС), долгого гласного и одного согласного (Г̄С), долгого гласного и геминаты (Г̄СС) [Стеблин-Каменский 1953, 122] после перестройки количественных отношений в восточноскандинавском установились две последовательности — краткий гласный с долгим согласным (ГС) и долгий гласный с кратким согласным (Г̄С). Отсюда следует, что вместо двух прежде независимых количественных характеристик, одна из которых (фонематическая протяженность) принадлежала гласному, а другая (монофонемность или бифонемность) — согласному, сохранилась лишь одна. Выявить ее, однако, оказалось нелегко. Традиционное описание существующей в шведском языке количественной закономерности как «слогового равновесия» — всего лишь констатация наблюдаемых фонетических зависимостей, не содержащая фонологического решения. В качестве такого решения предлагались трактовки протяженности как фонематического признака только гласных или только согласных, как следствия качественных фонематических различий между гласными, как самостоятельной фонематической единицы вне гласных или согласных, как просодической характеристики слога, как реализации последовательности из двух гласных, из гласного с полугласным, из двух согласных [см. Элерт 1964, 40; Элиассон и Ла Пелль 1973, 134—136].

Для решения вопроса о фонематической отнесенности протяженности в шведском языке необходимо преодолеть традиционный подход, при котором внимание исследователя ограничено тавтоморфемными последовательностями из гласного и согласного (hat — hatt). Нужно тщательно изучить морфонологический аспект протяженности, поскольку выявление долгих согласных фонем в немалой степени опирается на морфологический критерий [Зиндер 1979, 126]. Среди морфонологических явлений в шведском, затрагивающих долготу, особое внимание привлекает правило о сокращении ударного конечного гласного в корне перед /t/ или /d/ суффикса среднего рода прилагательных, претерита, 2-го причастия, супина: пу — nytt,

så — sådde — sådd — sått. Это сокращение гласного трудно объяснить в терминах «слогового равновесия», поскольку присоединение тех же суффиксов не сокращает корневой гласный, когда после него на морфемном стыке возникает группа согласных. С точки зрения «слогового равновесия» парадоксально, что в супине *läst* от *läsa* и в среднем роде *vist* от *vis* гласный сохраняет долготу даже перед двумя согласными, а в *nytt*, *sådd* сокращается даже перед одним суффиксальным согласным.

Весьма показательно, что сокращение корневого гласного перед суффиксальными /t/, /d/ возникло в XIV в. [Стеблин-Каменский 1953, 222], т. е. как раз в момент количественной перестройки. С тех пор эта модель значительно расширила сферу своего действия. Наряду с тремя десятками глаголов и примерно десятком прилагательных с древним исходом на ударный гласный ее приняли многие глаголы с апокопой корня: *klä(da)* — *klädde* — *klädd* — *klätt*; по ней строится супин у ряда сильных глаголов (*få* — *fått*, *se* — *sett*). У некоторых весьма употребительных глаголов эта модель вытесняет старые модели (*ge* — *gett* вместо *giva* — *givit*) [см. Виттинг 1977, 100]. Ей следуют заимствованные прилагательные (*disträ* — *dist-rätt*).

С описанным явлением в шведской (а также норвежской) грамматике необходимо сопоставить другое, также распространяющееся в разговорной речи. У существительных среднего рода с исходом на ударный гласный суффиксированный артикль *-et* теряет гласный: *knäet* > *knät*. Поскольку в этом случае корневой гласный не сокращается, возможно появление минимальных пар с одинаковым морфемным членением: *råt* (определенная форма существительного *rå*) — *rätt* (супин глагола *rå* или средний род прилагательного *rå*).

Принимая во внимание тождественный фонемный состав корней в подобных парах, следует заключить, что неодинаковы по своему фонемному составу суффиксы: суффиксированный артикль содержит краткий согласный /t/, а суффиксы среднего рода прилагательных и супина — долгий согласный /t:/. Так разрывается порочный круг, и фонематическая протяженность обнаруживается по меньшей мере у одной пары шведских согласных; естественно полагать, что в претерите и 2-м причастии выступает долгий согласный /d:/. Поскольку «слоговое равновесие» не препятствует полному отнесению фонематической про-

тяженности к согласным, а шведская морфонология дает доказательства именно такого решения для некоторых согласных, оно может быть принято для всего консонантизма. У гласных же протяженность лишилась фонематического статуса и подвержена аллофоническому варьированию в зависимости от числа и состава поствокальных согласных [Плоткин 1979].

Протяженность шведских согласных четко различима в позиции после ударных гласных, а перед согласными — только при образовании консонантной группы в результате продуктивной суффиксации (*kal* — *kall*, *kalt* — *kallt*, *kalna* — *kallna*, *kakla* — *kackla*).

Таким образом, из двух количественных характеристик шведская фонологическая система сохранила консонантную, заменив бифонемную геминацию оппозицией протяженности, и лишила фонематической релевантности вокалическую протяженность. Чем объясняется такой выбор? Ведь все западногерманские языки, напротив, сохранили релевантность количественной характеристики у гласных, заменив их протяженность абруптивностью, и устранили протяженность консонантную. Дело, очевидно, в том, что в западногерманских языках речь шла о выборе из двух равных по статусу кинакемных оппозиций, а в восточноскандинавском ареале пришлось выбирать между кинакемной оппозицией и синтагматической последовательностью фонем. Выбор в пользу вокалической оппозиции протяженности потребовал бы упрощения геминат путем удаления из них целой фонемы. Такая операция, надо полагать, антропофонически сложнее, чем исключение одной кинакемы из структур гласных фонем.

С установлением новой оппозиции протяженности в структуры согласных фонем вошли ее кинакемы — положительная или отрицательная. Кинакема протяженности вошла в долгие согласные фонемы, как правило, прежние геминаты. Слова с прежним кратким гласным и одним поствокальным согласным распределились между двумя синтагматическими типами: если согласный приобретал положительную кинакему протяженности, то гласный сохранял краткость на аллофоническом уровне (ср. ди. *koṃa*, *kvīkr* — ш. *komma*, *kvick*); если же в структуру согласного входила кинакема непротяженности, гласный приобретал аллофоническую долготу (ср. ди. *sofa*, *gata* — ш. *sova*, *gata*). Это распределение, как всегда

в подобных случаях, носило вероятностный характер и его результаты весьма различны по диалектам [Стеблин-Каменский 1953, 152; Хауген 1976, 259—260].

Сочетания одинаковых согласных, возникшие при полной ассимиляции окончания /R/ с предшествующим /n/, /l/, /r/ или /s/, не будучи тавтоморфемными геминатами, не были монофонемизированы, и вторые согласные в них были утрачены наравне с окончанием /R/ > /r/ (ср. ди. *dagr, stóll, minn, herr, fss* — ш. *dag, stol, min, här, is*).

Устранение вокалической оппозиции протяженности означало парадигматическое слияние кратких и долгих гласных фонем. При этом фонемы не всегда присоединялись к своим коррелятам по ликвидируемой оппозиции. Аллофоны кратких гласных часто отходили к фонемам более широкого раствора: /e/ > /æ/ (ср. дш. *lesan* — дш. *læsa* > нш. *lāsa*), /i/ > /e/ (дш. *fridh* > нш. *fred*), /y/ > /ø/ (дш. *sydher* > нш. *söder*), /u/ > /o/ (дш. *sun* > нш. *son*). С другой стороны, долгие гласные заднего ряда сместились в сторону более узкого раствора: /a:/ > /o/ (ср. ди. *gås* — ш. *gås*), /o:/ > /u/ (ср. ди. *skógr* — ш. *skog*). Две фонемы не явились продуктами слияния кратких и долгих гласных: /a/ продолжает лишь краткий /a/; прежний долгий /u:/, вытесненный со своего места в вокализме сужением долгих гласных /a:/, /o:/, образовал новую фонему /ʊ/, утратив кинакему лабиализации, но сохранив кинакему заднего ряда.

После перестройки шведский вокализм получил следующий фонемный состав:

/i/	/y/	/ʊ/	/u/
/e/	/ø/		/o/
/æ/		/a/	

В современном шведском вокализме фонема /æ/ начала сливаться с /e/, что оставляет в широком растворе только одну фонему без локальных кинакем.

Наряду с установлением оппозиции протяженности шведский консонантизм претерпел несколько изменений локального плана, в какой-то степени затронувших и модальный план. Наиболее существенным из них было изменение антропофонической реализации кинакемы пассивной зацентральнойности и пополнение соответствующего локального ряда новыми фонемами, что повлекло за собой вытеснение из него одних фонем и ликвидацию других.

Зона реализации кинакемы пассивной зацентральнойности, входившей в фонемы /s/, /r/, ранее ограниченная альвеолярным участком, расширилась и включила палатальный участок. С участием этой кинакемы с XIII в. стали формироваться новые фонемы. Это среднеязычный смычный согласный /č/, к которому отошли палатализованные аллофоны от /k/ (ср. ди. kaupa — нш. kōpa), а затем и от /t/ (ср. ди. tjoðra — нш. tjudra), и проточный /ʃ/, возникший из сочетаний /s/ с новой фонемой /č/ (нш. sken, skjuta, stjāla) или с /j/ (нш. sjuk). Позже выделился и соответствующий долгий из сочетания /s:/ с /j/ (нш. äs-sja). Остальные, непалатализованные аллофоны /s/ были сдвинуты в центральный локальный ряд, где эта фонема заняла место, ранее принадлежавшее фонеме /θ ~ ð/. Несonorные аллофоны последней в XIV в. присоединились к непроточному /t/ (дш. þola > нш. tåla), а сонорные образовали фонему /ð/, которая через несколько веков слилась с /d/ (дш. væðher > нш. vāder).

В активно-зацентральной ряду у двух фонем сузилась область аллофонического варьирования. Согласный /g ~ ɣ/ утратил проточные аллофоны, из которых одни были вытеснены непроточными аллофонами той же фонемы (дш. øgha > нш. ōga, дш. lagh > нш. lag), другие отошли к /j/ (нш. gäst, gjuta, torg). У согласного /x ~ h/ были ликвидированы заднеязычные аллофоны, в которых он выступал перед другими согласными (ср. ди. hrōga, hlaupa, hnīga, hvass, hjarta — нш. rōra, lōpa, niga, vass, hjārta). В начальной позиции резко сократилась сочетаемость /j/ с предшествующим согласным, так как в результате описанных изменений исчезли сочетания с /k/, /g/, /x/, /t/, /s/, а затем и сочетания с переднеязычными /d/, /l/ (нш. djup, ljus).

В настоящее время в шведском консонантизме (см. табл. 7) продолжают интенсивные эволюционные процессы, способные существенно изменить его. Сердцевиной этих процессов является кинакема пассивной зацентральнойности. При формировании ее новой антропофонической реализации и нового состава соответствующего локального ряда произошло столкновение между формирующими влияниями фонем /j/ и /r/. В начале эволюции шведской фонологической системы имелись четыре проточных сонорных нешумных согласных /w/, /l/, /r/, /j/, причем последняя фонема включала в свою структуру кинакему активной зацентральнойности, реализация которой

Таблица 7
КИНАКЕМНАЯ МАТРИЦА СОВРЕМЕННОГО ШВЕДСКОГО
КОНСОНАНТИЗМА

Категории	Субкатегории	Оппозиции
Модальная	Преградная	Проточности Протяженности
	Звуковая	Сонорности Шумности
Локальная	Активная	Предцентральности Зацентральности
	Пассивная	Зацентральности

Примечание. Оппозиции протяженности в матрице соответствуют две строки, из которых верхняя с минусами относится к кратким согласным, а нижняя с плюсами — к долгим.

охватывала всю палатовелярную область, тогда как /r/ имел в своей структуре кинакему пассивной зацентральности, реализовавшуюся в альвеолярной артикуляции. В ходе фонологической эволюции фонемы /w/, /j/ из этого модального класса вышли и объединились с фонемой /ð/ после утраты ею несопорных аллофонов в новый модальный класс сонорных шумных проточных /v/, /ð/, /j/.

В новом модальном классе /j/ заменил в своей структуре кинакему активной зацентральности кинакемой пассивной зацентральности с ее расширенной альвеопалатальной реализацией. При катализирующем воздействии /j/ в пассивно-зацентральной локальной ряду сформировались фонемы /ç/, /ʃ/.

В то же время на формирование нового состава пассивно-зацентрального ряда оказывала каталитическое воздействие фонема /r/. Она вовлекала в этот ряд обусловленные ее ассимилятивным влиянием альвеолярные аллофоны центральных, т. е. дентальных, согласных [t], [d], [s], [ʃ], [l], [n] в сочетаниях /r+t/, /r+d/, /r+s/, /r+ð/, /r+l/, /r+n/. Однако эти альвеолярные согласные не приобрели фонемного статуса и остаются антропофоническими реализациями соответствующих консонантных сочетаний [Стеблин-Каменский 1966, 130]. В пассивно-

Краткие фонемы

p	t	ć	k	b	d	g	f	s	ʃ	h	v	j	m	n	ɲ	l	r
—	—	—	—	—	—	—	+	+	+	+	+	+	—	—	—	+	+
+	+	—	+	+	+	+	+	+	+	—	—	—	+	+	—	+	+
—	—	—	—	+	+	+	—	—	—	—	+	+	+	+	+	+	+
+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—
+	—	—	—	+	—	—	+	—	—	—	+	—	+	—	—	—	—
—	—	—	+	—	—	+	—	—	—	+	—	—	—	—	+	—	—
0	—	+	0	0	—	0	0	—	+	0	0	+	0	—	0	—	+
p:	t:		k:	b:	d:	g:	f:	s:	ʃ				m:	n:		l:	r:

Долгие фонемы

зацентральной ряду закрепляется, правда, альвеолярный согласный [ʃ], но он не образует особой фонемы и присоединяется в качестве аллофона к фонеме /s/ [Стеблин-Каменский 1966, 128; Кузьменко 1972, 214—216]. После ликвидации фонемы /ǧ/ особой фонемой становился альвеолярный согласный [ǧ], описываемый в скандинавской фонетике как «толстое l» [Стеблин-Каменский 1966, 143]; но для этой фонемы не нашлось места в пассивно-зацентральной ряду, и сейчас она теряет свой фонемный статус, сливаясь с центральным согласным /l/ [Стеблин-Каменский 1966, 137, 144].

Наблюдаются признаки изменения в кинакемной структуре еще одной фонемы пассивно-зацентрального ряда — распространяется проточная артикуляция /ć/. В этой связи возникает вопрос о новых, пока неясных взаимоотношениях между /ć/ и /ʃ/.

Яркой чертой восточноскандинавской линии фонологической эволюции явилось установление релевантного различия между двумя просодическими типами слов с маркированной и немаркированной заударной зоной. В качестве антропофонической базы просодической оппозиции выступает динамический контур слова, который может либо фокусироваться в основном (корневом) удар-

ном слоге, либо распределяться по слову, охватывая также его заударную зону. Носителем положительной просодемы является специфически восточноскандинавский акцент II. Слова без заударной зоны (т. е. односложные и многосложные с ударением на последнем слоге) реализуют, естественно, отрицательную просодему данной оппозиции [Кацнельсон 1966, 29—31, 38].

Установление просодической оппозиции относят к началу II тысячелетия н. э.⁴ и связывают с процессом редукции заударных слогов [Стеблин-Каменский 1953, 119; Кацнельсон 1966, 113]. Как известно, начало длительному и сложному процессу редукции заударных слогов положила фиксация динамического ударения на первом слоге корня в общегерманскую эпоху. Восточноскандинавский акцент II распределяет динамическое ударение между корнем, где оно при этом несколько ослабляется, и флексией, получающей слабое, второстепенное ударение. Следовательно, установление акцента II было эволюционным шагом в сторону от общегерманской акцентуационной закономерности. Конечно, в строгом смысле слова она не была нарушена, так как корневой слог сохранил на себе основное ударение. Однако перенос во флексию части динамического контура существенно повысил ее устойчивость против редукции. Именно в противоредукционной направленности следует усматривать функциональную роль акцента II в восточноскандинавской языковой системе. Он, несомненно, способствовал сохранению в шведской морфологии флексий с тремя разными гласными (например, в мн. ч. существительных *skogar, saker, gator*); совсем не случайно в качестве двух отличительных черт восточноскандинавской фонетики были осознаны акцент II и сохранение нередуцированного /a/ в наиболее продуктивных флексиях существительных, прилагательных и глаголов [Вессен 1949, 112; Стеблин-Каменский 1953, 152].

Акцентные различия не могли фонологизироваться, пока они целиком зависели от слоговой структуры слова. Однако по мере повышения значимости морфемного чле-

⁴ Вполне возможно, что использованная для реализации этой оппозиции антропофоническая база существовала задолго до того и восходит к общегерманской или даже общендоевропейской эпохе. Но лишь с момента его фонологизации данное явление может стать объектом историко-лингвистического рассмотрения.

нения слова акцентные различия все больше определялись не столько самим наличием заударных слогов, сколько природой аффиксальных морфем, в частности степенью их продуктивности. Отрыв акцентных различий от слоговой структуры слова стал окончательным, когда в X—XII вв. возникли суффиксированные артикли *-en*, *-et*, которые, формируя в слове новый заударный слог, не распространили на него акцент II. Утрата акцентами фонетической автоматичности и установление их зависимости от морфемной структуры слова означали их фонологизацию [Офтедаль 1952, 221].

Фонологизация двух акцентов обусловила необходимость распределения слов и словоформ между ними. Как и всякий подобный процесс, это распределение носит вероятностный характер и подвержено воздействию самых разнообразных факторов, что делает беспредметными попытки объяснить выбор акцента для каждого отдельного слова. Объяснению подлежат лишь наиболее общие закономерности распределения слов между акцентами в зависимости от их морфологической и фонетической структуры. Морфологическим фактором, способствующим установлению положительной просодемы акцента II, является наличие в словоформе продуктивной флексии (кроме суффиксированных артиклей). В простых двусложных словах в целом закрепилось распределение, основанное на фонетической природе заударного слога в эпоху фонологизации акцентов: при наличии в нем гласного установился акцент II (ср. ди. *oxull* — ш. 'axel 'ось'), а при отсутствии в заударном слоге гласного, когда в качестве слоговой вершины выступал сонорный нешумный согласный /l/, /n/, /r/ ⁵, слово получало акцент I (ср. ди. *oxl* — ш. 'axel

⁵ В скандинавской фонетической традиции утвердилась трактовка таких слов как односложных. Однако моновокальность не равнозначна односложности, так как нешумные сонорные, отделенные от основного слогоносителя шумными согласными, образуют вторую слоговую вершину. Обычно у таких слов в речи возникают варианты — либо отчетливо двусложные с эпентезой или эпитезой гласного (ср. рус. *ветр* — *ветер*, *тигр* — *тигер*, *песнь* — *песня*), либо отчетливо односложные с десоноризацией второго слогоносителя вплоть до его исчезновения (рус. *жизнь* — *жисть*, *рубль* — *рупи*). Односложность ди. *oxl*, *vápn*, *fiŋgr* и т. п. обычно аргументируют данными стихотворной метрики. Но для поэтической речи вообще характерно предпочтение антропофонически более трудных проназательных вариантов, и не случайно в пришедших парах русских слов все первые варианты стилистически

‘плечо’, ди. *värn* — ш. *‘varen*, ди. *fingr* — ш. *‘finger*). Необходимой предпосылкой фонологизации акцентного контраста между обоими типами слов было установление у них одинаковой фонемной структуры. Кроме того, распространение акцентного контура на заударный слог сделало необходимым включение в него гласного звука подобно тому, как установление корневого ударения в общегерманском языке сделало обязательным наличие гласного в ударном слоге. Поэтому у слов типа ди. *qx̣l*, *värn*, *fingr* в шведском языке установилась такая же отчетливо двусложная, бивокальная структура, как у слов типа ди. *qxull*.

Южная эволюционная линия

Монофонемизация дифтонгов в датском прошла в X в. с теми же результатами, что и в остальных частях восточно-скандинавского ареала, из которого датский к тому времени еще не выделился: /e+i/ > /e:/ (ср. ди. *heill* — д. *hel*), /a+u/ и /e+y/ слились в /ø:/ (ср. ди. *lauss*, *leysa* — д. *lös*, *løse*).

Другая унаследованная от общескандинавского состояния проблема — интеграция геминат в консонантизме начала решаться в датском ареале примерно так же, как в шведском, т. е. путем монофонемизации геминат без их парадигматического слияния с соответствующими одиночными согласными. Возникла консонантная оппозиция протяженности, что обусловило в XII—XIII вв. ликвидацию вокалической оппозиции протяженности и попарное слияние прежних долгих гласных с краткими. Как и в шведском, аллофоны прежних кратких нередко присоединялись при этом к гласным более широкого раствора: /i/ > /e/ (ср. ди. *nīgr* — д. *ned*), /e/ > /æ/ (ср. ди. *eta* — д. *æde*), /y/ > /ø/ (ср. ди. *systir* — д. *søster*), /u/ > /o/ (д. *tunge*). Это был типичный процесс дистрибутивного перераспределения фонем с присущей подобным процессам нерегулярностью.

По результатам слияния кратких и долгих гласных датский существенно отличается от шведского. Расширение шведских кратких началось и завершилось в условиях

выше вторых. Можно полагать поэтому, что у приведенных древнескандинавских слов односложность в поэтической речи вполне совмещалась с двусложным произношением в обыденной речи.

трехрастворного вокализма, а в датском трехрастворный вокализм в результате расширения стал четырехрастворным:

Неширокие узкие	/i/	/y/	/u/
Неширокие неузкие	/e/	/ø/	/o/
Широкие узкие	/æ/	/œ/	/ɔ/
Широкий неузкий			/a/

Поэтому сужение /a:/ > /ɔ/ (ср. ди. gās — д. gås), вместе с расширением /o/ > /ɔ/ (ср. ди. lok — д. låg) способствовавшее становлению фонемы нового раствора, в датском не потеснило соседнюю фонему заднего ряда /o/, которая в свою очередь не вытеснила /u/ на новое место в вокализме. После установления представленной выше структуры датский вокализм не подвергался ни тембровым, ни растворным изменениям. Зато датский консонантизм претерпел и претерпевает бурные перестройки.

Для антропофонической реализации появившейся в датском консонантизме оппозиции протяженности наиболее благоприятна интервокальная позиция. Поэтому сохранение заударного гласного — важнейшее условие нормального функционирования этой оппозиции. Оно соблюдается в шведском языке, где устойчивости заударных гласных против редукции способствует просодическая оппозиция двух акцентов. Таким образом, ослабление редукции заударных гласных, наличие оппозиции консонантной протяженности и акцентной оппозиции связаны в шведском языке в единый фонологический комплекс.

Такой же комплекс начал было складываться и на юге восточноскандинавского ареала. Однако здесь интенсивная редукция лишила его антропофонической базы, прежде чем он полностью сформировался, и датская фонологическая эволюция в XIII—XIV вв. резко разошлась с восточноскандинавской.

При далеко зашедшей редукции заударных гласных (все они были нивелированы в датском до [ə], а в Ютландии совсем отпали) просодическая оппозиция двух акцентов утратила как свою функциональную роль, заключающуюся в противодействии редукции, так и возможность реализации положительной просодемы в акценте II, ибо редуцированный гласный заударного слога не способен принять на себя часть динамического контура слова. С другой стороны, полная редукция ухудшила антропо-

фонические условия для реализации оппозиции протяженности в согласных, теперь часто оказывавшихся в исходе слова.

В сложившейся критической ситуации датская фонологическая система использовала для обеспечения большой функциональной нагрузки, лежащей на оппозиции консонантной протяженности, антропофоническую субстанцию, которая служила базой для одной из просодем ликвидируемой акцентной оппозиции. Поскольку односложным словам, где прежде всего нуждалось в укреплении важное фонологическое различие, был присущ акцент I, именно его антропофоническая реализация была использована в сфере модальной оппозиции протяженности. Акцент I характеризуется как резкий с обрывистым падением интенсивности и тона в пределах ударного слога [Кацнельсон 1966, 15, 113]. К вероятным фонетическим последствиям такого падения относится десоноризация, т. е. ослабление тонового компонента у гласных и сонорных согласных, достигаемое, естественно, путем прекращения или ослабления работы голосовых связок.

Именно такое артикуляционное движение, получившее в датской фонетике название «толчок» (*stød*), приобрело определенную фонологическую значимость в XIV в. [Стеблин-Каменский 1953, 141—142; Кацнельсон 1966, 177—178]. При этом «толчок», генетически и субстантно связанный с просодемой акцента I, перешел из просодики, которая по определению есть область супraseгментных явлений, в фонематическую сферу. Мельчайшим, просодически неделимым сегментом речи является слог, внутреннюю структуру которого составляют кинакемы, объединяемые в фонемы; последние соединяются друг с другом последовательно, не образуя, однако, выделяемых сегментов. Поэтому супraseгментные явления характеризуют не внутрислоговые отношения, а лишь межслововые.

«Толчок» был использован для подкрепления фонологических различий, основанных на протяженности гласных и согласных. Десоноризация может затронуть лишь часть общей длительности звука и потому проявляется лишь у длительных звуков. К моменту перехода «толчка» из просодической сферы в фонематическую в восточноскандинавском ареале сложилось контрастное распределение протяженности между ударным гласным и последующим согласным, или «слоговое равновесие»: за долгим гласным следовал краткий согласный, а за кратким гласным —

долгий согласный. В той части ареала, где акцентная оппозиция задержала редукцию заударных слогов, фонематическая протяженность в такой синтагматической последовательности установилась у согласных, тогда как у гласных длительность отошла в сферу аллофонического варьирования и определяется наличием, протяженностью и числом последующих согласных.

В датском языке, где к XIV в. уже не было благоприятных условий для подобного решения проблемы протяженности, десоноризация в виде «толчка» сыграла важную роль в выборе и проведении иного решения. При отсутствии в слове заударных слогов она стала обязательной у долгих гласных и долгих сонорных согласных. Но она не стала базой для отдельной кинакемы и функционирует как важный компонент комплексной субстантной базы других кинакем. Поскольку система кинакем состоит из двух отдельных подсистем для вокализма и консонантизма, а десоноризации подвергались как гласные, так и согласные, включение «толчка» вокалического и «толчка» консонантного в соответствующие подсистемы — два тесно взаимосвязанных, но отдельных процесса.

Монофонемизация геминат в датском языке означала появление новых согласных фонем. Однако некоторое время инвентарь и кинакемная структура возникших фонем оставались неустойчивыми. Можно предполагать, что первоначально это были согласные с положительной кинакемой протяженности, т. е. долгие, и среди них были сонорные нешумные /m:/, /n:/, /l:/, /r:/, сонорные шумные /b:/, /d:/, /g:/, несонорные шумные /p:/, /t:/, /k:/, а также /s:/. Затем в антропофоническую базу кинакемы консонантной протяженности вошла конечная десоноризация согласного, и у долгих сонорных нешумных появились десоноризованные аллофоны [m'], [n'], [l'], [r']. Их распространение и утверждение в качестве обязательных в определенных позициях серьезно ослабили консонантную протяженность, и эта оппозиция в датском языке была полностью ликвидирована. Десоноризованные согласные /m'/, /n'/, /l'/, /r'/ стали при этом самостоятельными фонемами (ср. hammer /m/ — kammer /m'/, существительное spinder /n/ — наст. вр. глагола spinder /n'/, существительное spil /l/ — императив spil /l'/, hjort /r/ — hjord /r'/).

Взамен утраченной оппозиции консонантной протяженности для новых фонем не возникла никакая новая оппозиция, и их становление было обеспечено сочетанием

существовавших модальных кинакем звуковой субкатегории. «Толчок», десоноризуя артикуляцию сонорных согласных, естественно усилил в ней шумовой компонент, сочетающийся и контрастирующий с тоновым. В отличие от нешумных сонорных /m/, /n/, /l/, /r/ сонорные /m'/, /n'/, /l'/, /r'/ включили в свои структуры кинакему шумности и стали, таким образом, носителями двух положительных звуковых кинакем.

До этого сочетание двух положительных звуковых кинакем было присуще звонким, т. е. сонорным шумным /b/, /d/, /g/, которые, следовательно, должны были теперь изменить свою кинакемную структуру. Положительные звуковые кинакемы были заменены в ней сочетанием двух отрицательных кинакем несопорности и нешумности, и эти согласные превратились тем самым в слабые. Впрочем, когда новые сонорные шумные оказывались рядом с прежними сонорными шумными, кинакемное и субстантное тождество двух соседних согласных приводило к их синтагматическому слиянию (ср. ди. *lamb* — нд. *lam'*; нд. *lan'd*, *vil'd* с сохраненной непроизносимой последней буквой, а также *lang'*, где возникла новая фонема /ŋ'/).

Становление двух новых модальных классов согласных фонем явилось важнейшим звеном крупной модальной перестройки в датском консонантизме — передвижения согласных [Стеблин-Каменский 1961, 103—104]. По степени вовлеченности в этот эволюционный процесс существенно различны согласные в начальных и неначальных (срединных, конечных) позициях. В начале слов сохранились почти все общескандинавские согласные фонемы, кроме /θ ~ ð/, которая, как и в шведском, исчезла, слившись с /t/ или /d/ (дд. *thing* > нд. *ting*, дд. *thær* > нд. *der*). На ее место в центральном ряду стала фонема /s/, прежде пассивно-зацентральной. Другая пассивно-зацентральной фонема /r/ стала активно-зацентральной, т. е. заднеязычной. Оппозиция пассивной зацентральнойности из консонантизма не исчезла; она так и не распространилась на непровочные согласные, но ее положительная кинакема вошла в структуру фонемы /j/, а подвергшиеся воздействию этого согласного аллофоны /s/ не вышли из пассивно-зацентрального ряда и образовали в нем новую фонему /ʃ/ (д. *sjette*).

Таким образом, общее число начальных согласных в датском после описанных локальных перестановок осталось прежним — 16. Они образуют пять модальных классов, из которых лишь один изменил свою кинакемную

структуру — сонорные шумные /b/, /d/, /g/ стали несонорными нешумными. Несонорные шумные /p/, /t/, /k/ сохранили прежнюю кинакемную структуру, но реагировали на изменение кинакемной структуры коррелированного класса усилением шумового компонента в своей антропофонической реализации, став сильными, придыхательными. Не были затронуты передвижением три остальных модальных класса: проточные шумные /f/, /s/, /ʃ/, /h/, непроточные сонорные /m/, /n/, проточные сонорные /v/, /l/, /j/, /r/.

В нена начальном консонантизме одним из важнейших событий стало возникновение сонорных шумных /m'/, /n'/, /l'/, /r'/, принявших на себя функциональную нагрузку соответствующих долгих согласных. К ним присоединилась фонема /ŋ'/, занявшая не заполненное ранее место активно-зацентрального члена в своем модальном классе.

Столь же важным событием в нена начальном датском консонантизме явилась перестройка двух модальных классов несонорных — шумных непроточных /p/, /t/, /k/ и нешумных /b/, /d/, /g/. Второй из них не характеризовался целиком как непроточный, так как в структуру активно-зацентральной фонемы преградные кинакемы не входили, и в нена начальных позициях она была представлена проточным аллофоном [ɣ]. Когда интервокальные аллофоны устраненной фонемы /θ ~ ð/ присоединились к /d/ (ср. дд. *fōthæ* > нд. *fōde*), они субстантно не изменились, что свидетельствует об устранении преградной кинакемы также из структуры фонемы /d/, которая поэтому должна изображаться /d ~ ð/. Исключение преградных кинакем из структур двух фонем модального класса несонорных нешумных привело к тому, что преградные кинакемы вообще лишились способности сочетаться в фонемах с двумя отрицательными звуковыми кинакемами, и аллофоническое варьирование проточности и непроточности распространилось на третий член этого класса — фонему /b/, у которой стал возможен аллофон [w]. Последний, однако, в национальной норме не закрепился, потому что фонема /b/ в нена начальных позициях встречается лишь в немногих заимствованных словах, например *label*, *sober*.

Поскольку нешумные несонорные в нена начальных позициях стали проточными, их главное антропофоническое отличие от шумных коррелятов /p/, /t/, /k/ перешло в преградную сферу, и шумные стали отличаться от нешум-

ных прежде всего как смычные от проточных. Так возникло типичное для датских непроточных несонорных аллофоническое варьирование /p ~ b/, /t ~ d/, /k ~ g/ с ослаблением шумности, т. е. снятием придыхания в неначальных позициях. В фонетических терминах это проявилось в лениции глухих смычных, что нашло отражение в датской графике (ср. н. skip — д. skib, ш. fot — д. fod, ш. bak — д. bag).

Выбор конечной десоноризации сонорных в качестве субстантной и функциональной замены устраненной консонантной протяженности означал, что для несонорных согласных такая замена исключалась. Несонорные долгие согласные были ликвидированы как особые фонемы и влились в краткие согласные. При этом шумные непроточные /p:/, /t:/, /k:/ слились соответственно с /p ~ b/, /t ~ d/, /k ~ g/ (ср. инфинитивы slippe [b], sætte [d], stikke [g] — императивы slip [p], sæt [t], stik [k]). У нешумных /b:/, /d:/, /g:/ слияние прошло не столь единообразно — в активно-периферийных рядах долгие /b:/, /g:/ присоединились к шумным непроточным /p ~ b/, /k ~ g/ (labbe [b], ligge [g]), а в центральном ряду согласный /d:/ присоединился к нешумному /d ~ ð/ (padde [ð]).

Изменения кинакемных структур и диапазона аллофонического варьирования в двух классах несонорных согласных фонем, а также слияние долгих согласных с краткими обусловили интенсивное дистрибутивное перераспределение фонем, которое носило обычный для таких процессов вероятностный характер и потому обнаруживает заметные расхождения по датским диалектам. В частности, в неначальных позициях аллофоны непроточных /t ~ d/, /k ~ g/ регулярно переходили к нешумным фонемам /d ~ ð/, /g ~ γ/ и получали тем самым проточную реализацию (fod [ð], bag [γ]). Для /p ~ b/ аналогичный переход не мог стать регулярным ввиду того, что у нешумного согласного /b/ проточные аллофоны не закрепились. Правда, в диалектах, а иногда и в национальной норме проточный аллофон [w] появлялся также у /p ~ b/ (ср. д. reber [w] — ш. perpar), но он автоматически включался в фонемное поле сонорного проточного согласного /v ~ w/.

Важную роль в процессах фонемного перераспределения сыграло появление двух новых фонем — шумных коррелятов проточных сонорных /v ~ w/, /j/ с конечной десоноризацией, т. е. /w'/, /j'/. В фонему /w'/ вошли алло-

фоны фонем /v ~ w/ (ср. и. *jafn* — д. *jæv'n*), /g ~ γ/ после гласных заднего ряда (ср. и. *skögr* — д. *skov'*). Эта фонема иногда устанавливается в результате нескольких последовательных перераспределений: например, в слове *kobber* имели место два перехода /p ~ b/ > /b ~ v/ > /w'/ (ср. н. *korpar*). Необходимо заметить, что в ряде слов перераспределение в пользу этой фонемы еще не закончено, и в национальной норме сосуществуют варианты с фонемами /v ~ w/ или /w'/ (*lever*), /p ~ b/ или /w'/ (*greb*, *rib*), /g ~ γ/ или /w'/ (*vogn*). К фонеме /j'/ отошли некоторые аллофоны /d ~ ð/ (ср. и. *tjóður* — д. *tøj'r*), а также /g ~ γ/ после незадних гласных (ср. и. *vegur* — д. *vej'*).

В ходе парадигматического слияния долгих и кратких фонем у несонорных согласных, когда /s/ устанавливался, например, в *læse* и *læsse*, /p ~ b/ в *krybe* и *krybbe*, /d ~ ð/ в *hede* и *hedde*, ударные гласные сохранили в своей артикуляции различие длительности, обусловленное устраняемой консонантной оппозицией, что означало восстановление оппозиции протяженности в датском вокализме [Хауген 1976, 260]. Распределение длительности, сложившееся еще в условиях ее аллофонического варьирования у гласных, изменилось мало, и краткие гласные фонемы установились, как правило, там, где поствокальный согласный был прежде долгим, а долгие — там, где он был кратким. Наблюдаются, однако, и случаи дистрибутивного перераспределения фонем: например, долгие гласные установились в числительных *otte*, *sjette*, в существительном *væg* (ср. его определенную форму *væggen*), что ликвидировало дистрибутивные лакуны для долгих гласных перед согласными фонемами /t ~ d/, /k ~ g/.

Существенной особенностью восстановленной вокалической оппозиции протяженности является то, что в антропофоническую реализацию ее положительной кинакемы вошла десоноризация конечного участка артикуляции долгого гласного, т. е. «толчок». Генетическое единство и субстантная близость двух разновидностей «толчка» — консонантной и вокалической — не помешали им включиться в антропофонические реализации двух разных кинакем: у согласных десоноризация реализует кинакему шумности при ее сочетании с кинакемой сонорности, а у гласных — кинакему протяженности. Синтагматическое сочетание двух этих кинакем с близкой антропофонической реализацией в соседних фонемах запрещено, что в фонетическом

Таблица 8
КИНАКЕМНАЯ МАТРИЦА СОВРЕМЕННОГО ДАТСКОГО
КОНСОНАНТИЗМА

Категории	Субкатегории	Оппозиции
Модальная	Преградная	Проточности
	Звуковая	Сонорности Шумности
Локальная	Активная	Предцентральности Зацентральности
	Пассивная	Зацентральности

плане означает невозможность двух «толчков» в одном слове. Но сочетание соответствующих отрицательных кинакем допустимо, т. е. за кратким гласным может следовать нешумный сонорный. Следовательно, возможны три сочетания кинакем обеих оппозиций в последовательности из ударного гласного и сонорного согласного: 1) долгий гласный с нешумным сонорным — *gi'm*, *be'n*, *ga'l*, *gæ'v*, *la'v* 'низкий', *dre'v* 'гнал'; 2) краткий гласный с нешумным сонорным — *sommer*, *ven*, *tin*, *kort*, *lav* 'лишайник', *drev* 'шестерня', *peber* /w/, *rov*, *tal* 'число'; 3) краткий гласный с шумным сонорным — *tom'*, *tøm'mer*, *rep'*, *dreng'*, *fal'd*, *por't*, *høj'*, *nav'*, *kobber* /w'/. Бифонемные сочетания кратких гласных с /v ~ w/, /j/, /w'/, /j'/ в датской фонетической традиции именуются дифтонгами. Фонема /v ~ w/ после долгих гласных представлена аллофоном [v], а после кратких — аллофоном [w] (ср. фонемную вариацию долгого и краткого гласного в глаголе *sove*, фонемное чередование в формах существительного *hav* — *have*).

¶ Фонемные чередования шумных и нешумных согласных, долгих и кратких гласных играют большую роль в датской морфонологии. Десоноризация входила в антропофоническую реализацию акцента I, который был присущ всем моновокальным словам и противостоял акценту II лишь при наличии заударных гласных. Унаследовав от акцента I не только субстантивные, но и дистрибутивные свойства, «толчок» распространен в одноморфемных словах, которые преимущественно односложны. Присоединение гласного в составе большинства суффиксов воздей-

Фонемы

$\begin{smallmatrix} p \\ b \end{smallmatrix}$	$\begin{smallmatrix} t \\ d \end{smallmatrix}$	$\begin{smallmatrix} k \\ g \end{smallmatrix}$	b	$\begin{smallmatrix} d \\ \delta \end{smallmatrix}$	$\begin{smallmatrix} g \\ \gamma \end{smallmatrix}$	f	s	∫	h	m	n	ɲ	m'	n'	ɲ'	$\begin{smallmatrix} v \\ w \end{smallmatrix}$	l	j	ɾ	w'	l'	j'	ɾ'
—	—	—	0	0	0	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	+	+	+	+	+	+	+	+
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
+	+	+	—	—	—	+	+	+	+	—	—	—	+	+	+	—	—	—	—	+	+	+	+
+	—	—	+	—	—	+	—	—	—	+	—	—	+	—	—	+	—	—	—	+	—	—	—
—	—	+	—	—	+	—	—	+	—	—	+	—	—	+	—	—	—	—	+	—	—	—	+
0	0	0	0	0	0	0	—	+	0	0	0	0	0	0	0	0	—	+	0	0	—	+	0

ствуется на долгие гласные и шумные согласные. Первые сохраняют кинакему протяженности, но реализуют ее без десоноризации (ср. ед. ч. *hu's* — мн. ч. *huse*, ед. ч. *sto'r* — мн. ч. *store*, императив *skri'v* — инфинитив *skrive*). Шумные сонорные в этих условиях вообще не реализуют кинакему шумности (ср. существительные *sej'l*, *pav'n* — инфинитивы *sejle*, *pavne*) и тем самым чередуются со своими нешумными коррелятами. Шумные несонорные /p ~ b/, /t ~ d/, /k ~ g/, в исходе слов обычно представленные сильными аллофонами, перед гласным суффикса выступают в своих слабых, т. е. менее шумных аллофонах (ср. существительные *dryp* [p], *hast* [t], *bank* [k] и глаголы *dryppe* [b], *haste* [d], *banke* [g]).

Два датских суффикса, однако, обычно не оказывают подобного воздействия на кинакемную структуру корня. Это постпозитивные артикли -en, -et и показатель настоящего времени глаголов -er, которые не вызывают десоноризации гласных или согласных в корне (ср. неопределенные и определенные формы существительных *ste'n* — *ste'nen*, *lø'b* — *lø'bet*, *van'd* — *van'det*, *fal'd* — *fal'det*, императивы и настоящее время глаголов *skri'v* — *skri'ver*, *fal'd* — *fal'der*, *lø'b* — *lø'ber*). Дело, конечно, не в фонетическом составе этих суффиксов, так как омонимичные им суффиксы -en у причастий и существительных (*falden*, *løben*), -et у причастий и прилагательных (*faldet*, *løbet*, *stenet*, *vandet*), -er у имен деятеля (*løber*, *skriver*), как и большинство датских словообразовательных и словоизменительных суффиксов, устраняют десоноризацию у гласных и согласных корня.

Различная реакция десоноризации на совершенно одинаковые слоговые структуры свидетельствует, во-первых, о низкой лингвистической значимости слоговой структуры датского слова, в котором морфемная структура давно уже стала доминирующей. Во-вторых, это свидетельствует против отнесения десоноризации к сфере просодических, межслоговых отношений и подтверждает ее трактовку как морфонологически значимого чередования. Наконец, специфическое поведение двух обсуждаемых формантов по отношению к «толчку» дает основания пересмотреть их отнесение к суффиксам.

Суффиксальная природа постпозитивных артиклей всегда оставалась сомнительной, так как они восходят к энклитическому местоимению и по отношению к «толчку» сохраняют, очевидно, свойства отдельного слова. Но глагольный показатель настоящего времени по происхождению — несомненная флексия, никогда не имевшая никаких свойств слова. Однако при определении природы той или иной языковой формы ссылка на ее происхождение не может заменить всестороннего анализа ее функционирования в данное время, в данной языковой системе, анализа ее структуры и субстанции, которые обусловлены в первую очередь потребностями языковой системы и сохраняют унаследованные от прошлых состояний свойства лишь в той мере, в какой последние не противоречат системным требованиям. Поэтому недостаточно указать на происхождение суффиксированных артиклей *-en*, *-et* от энклитического местоимения; необходимо установить, в какой мере они сохраняют свойства энклитического служебного слова сегодня, в современной грамматической системе датского языка.

Здесь обращают на себя внимание два обстоятельства первостепенной важности. Это, во-первых, типологический сдвиг в сторону аналитизма, гораздо более заметный в датском, чем в прочих скандинавских языках. Аналитическому строю присущи богатство и гибкость вспомогательных элементов, сохраняющих в той или иной мере свойства отдельного слова. Во-вторых, сходство между постпозитивными артиклями *-en*, *-et* и неопределенными артиклями *en*, *et* в датском гораздо заметнее, чем в прочих скандинавских языках (ср. *en bog* — *bogen*, *et blad* — *bladet*). Учитывая эти обстоятельства, можно полагать, что сближение препозитивных и постпозитивных артиклей — одно из проявлений аналитизма датского языка, где два про-

тивоположных грамматических значения определенности и неопределенности, объединенные в рамках одной категории, получают выражение в аналитических формах с помощью одного и того же вспомогательного слова в противоположных позициях: как подвижная проклитика оно указывает на неопределенность, а как контактная энклитика — на определенность.

Аналогичная трактовка может быть предложена и для глагольного показателя -ег. Служебные энклитические слова могут возникать не только из самостоятельных слов. При развивающемся аналитизме могут сложиться благоприятные условия и для ослабления сцепления между основой и флексией, что ведет к превращению последней в энклитику. Такие условия возникают, когда флексия приобретает фонетическое и семантическое сходство с каким-либо служебным словом. В датском языке флексия настоящего времени глаголов -ег сблизилась подобным образом с формой настоящего времени ег служебного глагола væge. Если учесть, что основа глагола в чистом виде представлена императивом (lø'b, skri'v, drik, bring', sov'), то форму настоящего времени следует трактовать как состоящую из основы со вспомогательным глаголом ег в позиции контактной энклизы. Вполне естественно, что энклитические вспомогательные слова — артикли en, et и глагольный показатель ег — не могут влиять на состав и реализацию кинакем в слове, к которому они присоединяются.

Западная эволюционная линия

Сформировавшийся к концу общескандинавской эпохи вокализм (см. выше) был сразу же пополнен в исландском языке новыми фонемами — продуктами лабиальной перегласовки (u-умлаута) от широких гласных. От краткого /a/ и долгого /a:/ в качестве особых фонем отделились лабиализованные гласные заднего ряда /ɔ/, /ɔ:/ (ср. гот. handus — ди. hōnd, *ansuR > ди. fōss). Будучи продуктами ассимилятивного воздействия узких гласных /i/, /u/ на широкие /a/, /a:/, эти фонемы вместе с незадними /æ/, /æ:/ образовали новый растворный класс широких узких, тогда как /a/, /a:/ сохранились как широкие неузкие [Стеблин-Каменский 1958, 77; 1966, 76]. После завершения перегласовок исландский вокализм получил следующий фонемный состав:

/i(:)/	/y(:)/	/u(:)/
/e(:)/	/ø(:)/	/o(:)/
/æ(:)/		/ɔ(:)/
	/a(:)/	

Однако четырехрастворный вокализм не закрепился надолго в исландском языке. Вскоре гласный /æ/ целиком влился в /e/ (ср. и. *telja* — ш. *tälja*, д. *tælle*), что позволило /ɔ/ объединиться с /a/ в растворе широких неузких. У долгих исчез гласный заднего ряда /ɔ:/, очень рано слившийся с /a:/ (ди. *ǫss* > *áss*); продукт этого слияния объединился с /æ:/ в растворе широких неузких. Таким образом, у кратких гласных класс широких состоял в древнеисландском из лабиализованного гласного заднего ряда /ɔ/ и нелабиализованного незаднего /a/, тогда как у долгих этот класс состоял из двух нелабиализованных — незаднего /æ:/ и заднего /a:/ [Стеблин-Каменский 1958, 79]. Тем самым симметрия между долгим и кратким вокализмом была нарушена; в последующей истории исландского языка она так и не была восстановлена [Стеблин-Каменский 1958, 77; 1966, 78]. Это свидетельствует об устойчивости фонематического различия между обеими частями вокалической подсистемы в западно-скандинавской эволюционной линии. Напротив, в двух других скандинавских эволюционных линиях имело место парадигматическое слияние долгих и кратких гласных, а в датском, где оппозиция вокалической протяженности позже возродилась, симметрия между обеими частями подсистемы полностью сохранена до сих пор.

С XIII по XVI в. в исландском вокализме продолжались фонемные передвижки, преимущественно тембровые. Хотя их общее направление было одинаковым для долгих и кратких гласных, они осуществлялись по-разному в двух частях вокализма. Их важнейшая черта — утрата кинакемы лабиализации продуктами передней перегазовки /ø/, /ø:/, позже /y/, /y:/. У кратких /ø/ влился в незадний гласный того же раствора /e/ (ди. *køtt* > ни. *kett*), у долгих /ø:/ слился с незадним широким гласным /æ:/ (ди. *søkja* > ни. *sækja*). В XV—XVI вв. узкие гласные /y/, /y:/ присоединились соответственно к /i/, /i:/ (ни. *dyr*, *dýr*). Три из четырех освободившихся фонемных мест были вскоре заполнены лабиализованными гласными, утратившими положительную кинакему заднего ряда. В XIII—XIV вв. /ɔ/ > /ø/ (ди. *hond* > ни. *hönd*), в XV—XVI вв. /u/ > /y/ (ни. *tuttugu*).

Особенно крупным изменениям подвергся долгий вокализм в XVI в. Важнейшим событием здесь явилось включение трех дифтонгов в состав долгого вокализма. Они долго оставались отчетливо бифонемными, поскольку их компоненты участвовали в звуковых изменениях как отдельные фонемы. Так, дифтонг /e+u/ слился с /e+i/, когда /u/ слился с /i/; первый компонент дифтонга /a+u/ подвергся лабиальной перегласовке под воздействием второго и превратился в /ɔ/ [Хауген 1976, 254], которое, как и в прочих позициях, перешло в /ø/. К XVI в. оба дифтонга монофонемизировались, сохранив при этом артикуляционное скольжение и став соответственно /ei/, /øu/ (ни. *eiga*, *heuga*, *auga*). В долгом вокализме две новые фонемы заняли места в среднем растворе, причем /øu/, получив положительную кинакему лабиализации и отрицательную незаднего ряда, заполнила тем самым место, остававшееся свободным после перехода /ø:/ > /æ:/. Фонема /ei/ вытеснила фонему /e:/, которая, отталкиваясь от нее, развила в своей артикуляции скольжение в противоположном направлении [ie] и в конце концов синтагматически расщепилась на /j+e/ (ни. *rétt*).

Появление двух новых гласных фонем с сужающейся артикуляцией сопровождалось установлением такой же артикуляции у трех остальных узких долгих гласных: широкий задний /a:/ > /au/, широкий незадний /æ:/ > /ai/, неширокий задний /o:/ > /ou/ (ни. *mál*, *bær*, *rót*). Переход долгих гласных к сужению артикуляции означал изменение их кинакемой структуры в модальном плане: вокалическая оппозиция протяженности была ликвидирована и заменена другой вокалической оппозицией, антропофоническая реализация которой опирается главным образом на растворное скольжение [Стеблин-Каменский 1960б, 42—45; 1966, 77]. Новая оппозиция описывается в традиционной исландской фонетике как противопоставление гласных «тонких» (*grannir*) и «широких» (*breiðir*) и хорошо отражена в исландской графике, где последние всегда обозначаются знаком акцента, лигатурой или диграфами. После ее установления прежние краткие и долгие в двух узких растворах стали четко различаться как монофонги с устойчивой артикуляцией /e/, /ø/, /o/, /a/ и сужающиеся дифтонгоиды /ei/, /øu/, /ou/, /au/, /ai/. В узком растворе такая антропофоническая реализация не оптимальна; здесь у нелабиализованных гласных установилось различие между прежним долгим /i/

с сильным сужением и прежним кратким /i/ с заметным расширением [Хауген 1976, 256]. У лабиализованных узких различие перенесено в тембровую сферу, так как прежний долгий /u/ артикулируется в заднем ряду, а прежний краткий /u/ как раз в XVI в. из этого ряда выпел, став незадным /y/. Скольжение артикуляции в сторону сужения у прежних долгих узких гласных /i/, /u/ иногда отмечается в их транскрипционных обозначениях в виде /ij/, /uw/.

В классе прежних кратких гласных сохранилось 6 фонем /i/, /y/, /e/, /ø/, /o/, /a/, а состав другого класса уже с XIII в. всегда был больше и сегодня насчитывает 7 фонем /i/, /u/, /ei/, /øy/, /ou/, /ai/, /au/. В исландской лексике имело место дистрибутивное перераспределение в пользу последнего класса — его фонемы появились вместо прежних кратких перед /l/ с другим согласным (ди. *hjalpa*, *golf*, *hals*, *folk* — ни. *hjálp*, *gólf*, *háls*, *fólk*), а также перед /ŋ/ (ди. *langr* > ни. *langur* /au/, ди. *slongva* > ни. *slöngva* /øy/). Поэтому есть основания полагать, что прежние краткие, бывшие носители отрицательной кинакемы оппозиции протяженности, включили в свои структуры положительную кинакему новой модальной оппозиции, а прежние долгие, напротив, стали носителями ее отрицательной кинакемы. Следовательно, на смену оппозиции протяженности в исландском вокализме пришла оппозиция растворной устойчивости.

После завершения описанной 'вокалической' перестройки, которая может быть названа исландским сдвигом гласных, сложилась структура вокализма, представленная в табл. 9.

Таблица 9

КИНАКЕМНАЯ МАТРИЦА СОВРЕМЕННОГО ИСЛАНДСКОГО
ВОКАЛИЗМА

Категории	Оппозиции	Фонемы												
		i	y	e	ø	o	a	ɪ	u	ei	øy	ou	ai	au
Модальная	Устойчивости	+	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—
	Широкого раствора	—	—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	+	+
	Узкого раствора	+	+	—	—	—	—	+	+	—	—	—	—	—
Локальная	Ряда	0	0	—	—	+	0	0	0	—	—	+	0	0
	Лабиализации	—	+	—	+	+	0	—	+	—	+	+	—	+

Важной особенностью внутрифонемной комбинаторики исландских вокалических кинакем является ограниченная сочетаемость кинакем оппозиции ряда, которые не совмещаются с положительными кинакемами обеих растворных оппозиций. Поэтому все три тембровых класса развернуты лишь в среднем растворе. В других растворах функционирует одна тембровая оппозиция — по-видимому, лабиализации, а не ряда. На это прямо указывает ситуация у узких устойчивых /i/, /y/, а взаимоотношения в парах /i/ — /u/, /ai/ — /au/ подобной трактовке не противоречат. Об этом же свидетельствует структура безударного исландского вокализма, где различаются всего три фонемы, в том числе широкая /a/ и две узкие — лабиализованная /y/ и нелабиализованная /i/ (ср. формы существительного hlutur—hlutar—hlutir).

К тембровым передвижкам XIII—XVI вв. в исландском вокализме примыкает одно изменение локального плана в консонантизме. Палатальные аллофоны активно-зацентральных /k/, /g ~ ɣ/, ранее обязательные перед незадними гласными, не возникли перед новыми задними гласными /øy/, /ø/, /y/ (ни. gaukur, kögur). Прекращение автоматического аллофонического варьирования свидетельствует об установлении фонемной границы между прежними аллофонами, т. е. о выделении палатальных согласных /k'/, /g'/ в качестве особых фонем. В результате синтагматического слияния последующего согласного /j/ с новыми фонемами они появились в тех же позициях, что и материнские фонемы /k/, /g/ (ср. ни. gá — gjá, góla — gjóla, kög — kjög, verka — verkja, engar — engjar) [Аурнасон 1978, 187—188].

Палатальные согласные вошли в пассивно-зацентральный ряд, объединившись в нем с фонемами /s/, /r/. Заметим, что таким же был состав этого ряда в древнеанглийском (см. выше). Антропофоническая реализация кинакемы пассивной зацентральности, отнесенная к альвео-палатальной зоне, обнаруживает в рамках этой зоны варьирование в зависимости от сочетания данной локальной кинакемы с модальными кинакемами: проточные альвеолярны, а непроточные палатальны. Проточные аллофоны фонемы /g ~ ɣ/ при палатализации отходили не к фонеме /g'/, которая в описанных условиях не может проявить преградного варьирования, а к фонеме /j/ (ни. segja, magi, logi).

Одновременно с интеграцией в вокализме древних дифтонгов, унаследованных еще от общегерманской эпохи, в исландской эволюционной линии было осуществлено решение проблемы геминат. В отличие от двух других скандинавских ареалов, где геминаты, унаследованные от общегерманской и общескандинавской эпох, были различными путями монофонемизированы, западноскандинавский ареал до сих пор сохраняет геминаты как бифонемные сочетания одинаковых согласных [Бенедиктссон 1963; Плоткин 1974; 1975]. Сохранение бифонемности геминат не означает, однако, что проблема геминат была решена в исландском простой консервацией положения без каких-либо перестроек в фонологической системе. Напротив, для обеспечения сохраняющейся бифонемности геминат потребовался комплекс изменений не только в консонантизме, но и в вокализме. К последним, в частности, относится описанная выше замена вокалической оппозиции протяженности другой оппозицией, в результате чего длительность гласных приобрела широкое аллофоническое варьирование, используемое в современном исландском языке как важное вспомогательное антропофоническое средство различения числа поствокальных согласных, включая различение геминат и одиночных согласных.

Стабилизация бифонемных геминат обусловила несколько изменений модального плана в консонантизме. Подчеркивание бифонемности геминат может вести к возникновению в их антропофонических реализациях сильной диссимиляции между двумя одинаковыми согласными. В двух модальных классах исландских согласных стала заметной регрессивная диссимиляция первого компонента геминат. Во-первых, в геминатах из центральных сонорных нешумных /l + l/, /n + n/ первые согласные подвергаются десоноризации и реализуются как [d] (ни. *kalla*, *steinn*). Во-вторых, в геминатах из непроточных шумных несонорных /p + p/, /t + t/, /k + k/ первые согласные диссимилируются в преградном плане и реализуются как щелевые, иногда сохраняя локальную характеристику в аллофонах [f], [θ], [x], но обычно теряя и ее в общем для них аллофоне [h] (*uppi* [ʰp], *nótt* [ʰt], *rökkur* [ʰk])⁶.

⁶ В исландской фонетической традиции это явление описывается как преаспирация долгих согласных. Поскольку, однако, долгих согласных фонем в исландском языке нет, такое описание с фонологической точки зрения неприемлемо.

Оба проявления диссимилиации не затрагивают кинаемных структур первых согласных фонем в геминатах и характеризуют антропофонические реализации соответствующих кинаем в определенных синтагматических позициях. Важно отметить, что оба диссимилативных воздействия отнюдь не ограничены геминатами и распространяются на гетерофонемные группы согласных. Так, десоноризация первого сонорного характерна не только для /l+l/, /n+n/, но также для групп /r+l/, /r+n/ (ни. *karl* [dl], *björn* [dn]). Диссимилиация в преградном плане свойственна всем группам из несонорных шумных непроточных, и в гетерофонемных группах /p+t/, /p+k/, /k+t/, /t+k/ первые согласные реализуются в проточных аллофонах (ни. *skipta* [f], *dýpka* [f], *sekt* [x], *litka* [θ ~ h]). Таким образом, диссимилиация в исландских геминатах представляет собой частный случай диссимилиации в группах согласных, что служит убедительным свидетельством бифонемности геминат [Плоткин 1974, 36—38; 1975, 99—101].

Стабилизация бифонемности геминат обусловила также важные перестройки во внутрифонемной синтагматике консонантных кинаем звуковой субкатегории. Одна из перестроек изменила кинаемные структуры согласных фонем /b/, /d/, /g'/, /g/, до того звонких, т. е. сонорных шумных. В геминатах из таких согласных (*labba*, *oddur*, *veggur*) реализация двух положительных кинаем звуковой субкатегории наталкивается на немаловажную трудность: ведь шумность и сонорность при непроточности получают свою реализацию в момент рекурсии, а в геминатах из непроточных артикуляция первого согласного рекурсией не завершается, его выдержка непосредственно переходит в выдержку второго согласного. Во время такой продолженной выдержки артикуляционная реализация шумности и сонорности практически отсутствует, что благоприятствует сочетанию не положительных, а отрицательных кинаем звуковой субкатегории — нешумности и несонорности. Очевидно, это обстоятельство сыграло существенную роль в исландском передвижении согласных, содержанием которого было превращение прежних звонких в слабые, т. е. несонорные нешумные согласные [ср. Стеблин-Каменский 1957, 212—219; 1961, 102—103; 1966, 96—97].

▲ Перестройка кинаемных структур у /b/, /d/, /g'/, /g/ повлияла на антропофоническую реализацию их корреля-

тов — шумных несонорных /p/, /t/, /k'/, /k/. Если раньше различие этих двух классов шумных согласных опиралось на оппозицию сонорности и реализовалось прежде всего в фонетической звонкости одних и глухости других, то теперь и те, и другие несонорны и различаются оппозицией шумности как шумные (сильные, придыхательные) и нешумные (слабые, непридыхательные). Отсюда и высокий уровень шума в геминатах из /p/, /t/, /k/, обеспечиваемый проточной реализацией их первого согласного.

Изменились также дистрибутивные взаимоотношения между этими двумя модальными классами фонем. В наиболее важных неначальных позициях — интервокальной и поствокальной конечной ⁷ как до передвижения, так и после него представлен лишь один из этих классов. До передвижения это были шумные несонорные, что отражено в исландской графике (и. *sára, geta, haki, bóka, skor, fet, lík*). В последнее время, начиная с XVIII в., в этой позиции распространяются нешумные несонорные /b/, /d/, /g'/, /g/. Как всякий процесс дистрибутивного перераспределения фонем, это изменение характеризуется диалектной вариативностью: на севере и востоке Исландии сохраняется старая дистрибуция (*harðmæli*), на юге и западе устанавливается новая (*linmæli*) [Малоун 1959, 273; Стеблин-Каменский 1966, 80, 94].

Утверждение нешумных несонорных в интервокальной и поствокальной конечной позициях обусловило более четкое фонемное разграничение проточных и непроточных согласных. До исландского передвижения звонкие смычные в этих позициях не встречались, поскольку звонкие здесь могли быть только проточными. Поэтому взаимоотношения между /b/, /d/, /g/ и соответствующими проточными согласными [v], [ð], [ɣ] в ту эпоху можно трактовать как позиционную аллофоническую вариативность. Точнее говоря, в неначальных позициях звонкие проточные представляли собой совместные аллофоны нескольких фонем: [v] был аллофоном /b/, /f/ или /v/; [ð] — аллофоном /d/ или /θ/; [ɣ] — аллофоном /g/ или /x ~ h/. Начав вытеснять шумные в интервокальной и конечной поствокальной позициях, нешумные /b/, /d/, /g/ вступили здесь в фонемное противопоставление с проточными согласными (ср. в *linmæli*: *keipa, skópr, lota, bit, aka, lak* с /b/,

⁷ В составе геминат согласные, разумеется, таких позиций не занимают.

/d/, /g/ и keifa, skóf, loða, bið, aga, lag со звонкими проточными [v], [ð], [ɣ]) [Малоун 1959, 277—278].

Упрочение фонемной границы между непроточными и звонкими проточными согласными в свою очередь потребовало определения взаимоотношений последних с глухими проточными согласными. Правда, в активно-предцентральной (губном) ряду в этом не было необходимости, потому что в начальной позиции здесь различались шумная согласная /f/ и сонорная /v/, а в неначальных позициях выступают совместные аллофоны этих двух фонем. В центральном ряду шумный и сонорный проточные объединились в фонеме /θ ~ ð/, причем первый из них выступает как аллофон в начальной позиции, а второй — в неначальных (ни. *þráður, þurrð*). В активно-зацентральной ряду формируется проточная фонема /h ~ ɣ ~ x ~ x°/ с фарингальным аллофоном в начальной позиции перед гласными (и. *hár*), звонким аллофоном в неначальных позициях (и. *loga, log*), глухим аллофоном перед шумными согласными (и. *pægt, rigsa*) и лабиализованным аллофоном в начальной позиции перед /v/ (и. *hvíla*) [Малоун 1959, 277; Раевский 1969в, 74].

Изменение кинакемых структур у прежних непроточных звонких открыло путь к другой перестройке во внутрифонемной синтагматике кинакемых звуковой субкатегории. Сочетание положительных звуковых кинакемых, устраненное из /b/, /d/, /g'/, /g/, не было ликвидировано в фонологической системе и вошло в кинакемые структуры новых фонем — сонорных шумных /n/, /l/, /r/, /j/, возникших в результате синтагматического слияния сонорных нешумных /n/, /l/, /r/, /j/ с предшествующим шумным согласным /x ~ h/ в начальной позиции (ни. *hnót, hlaupa, hrinda, hjálpa*).

В связи с появлением нового модального класса сонорных шумных фонем поставлен вопрос об их проникновении в неначальную позицию перед шумными непроточными /p/, /t/, /k'/, /k/ в словах наподобие *limpa, vanta, velkja, orka* [Малоун 1959, 274—275; Стеблин-Каменский 1966, 108—111], причем в этой позиции могла бы возникнуть еще одна такая фонема /m/. Однако вопрос о фонемном составе подобных групп должен рассматриваться в рамках более общего вопроса об антропофонической реализации консонантных кинакемых в исландских группах согласных.

Как было показано выше в группах из двух непроточных несонорных шумных (например, в *uppi, skipta, dýpka,*

Таблица 10
КИНАКЕМНАЯ МАТРИЦА СОВРЕМЕННОГО ИСЛАНДСКОГО
КОНСОНАНТИЗМА

Категории	Субкатегории	Оппозиции
Модальная	Преградная	Проточности
	Звуковая	Сонорности Шумности
Локальная	Активная	Предцентральности Зацентральности
	Пассивная	Зацентральности

nótt, litka, rökkur, sekt, ekkja) первый согласный реализуется как проточный, а в группах из двух сонорных нешумных (например, в barn, áll, jarl, brúnn) первый согласный реализуется как несонорный. В первом случае утрачивают свою типичную реализацию кинакемы преградные, в геминатах также локальные. Во втором случае не получают реализации положительные модальные кинакемы. При этом, однако, первые согласные в группах не меняют своей фонемной принадлежности, так как затронутые диссимилятивными воздействиями кинакемы достаточно четко реализуются во вторых компонентах групп. Для исландских групп согласных типична такая диссимиляция одной фонемы, при которой антропофонические качества, полностью или частично утраченные ею, компенсируются в другой, соседней фонеме.

Снятие шумности, типичное для /p/, /t/, /k'/, /k/ в начальных позициях на юге и западе Исландии, распространяется и на их сочетания с предшествующими сонорными /m/, /n/, /ŋ/, /l/, /r/, а также с несонорным проточным /θ ~ ð/. Но если вне консонантных групп снятие шумности означает замену положительной кинакемы на отрицательную и тем самым смену фонем на /b/, /d/, /g'/, /g/ соответственно, в перечисленных сочетаниях подобная замена не имеет места. Происходит чисто фонетическое изменение — некоторое ослабление антропофонической реализации кинакемы шумности у вторых согласных компенсируется повышением уровня шумности в артикуляции предшествующих согласных. Отсюда оглушение у сонор-

Фонемы																						
p	t	k'	k	b	d	g'	g	f	$\begin{matrix} \theta \\ \sim \\ \delta \end{matrix}$	s	$\begin{matrix} h \\ \sim \\ x \\ \sim \\ \gamma \end{matrix}$	^f m	n	ɲ	v	l	r	j	ɳ	ʎ	ʀ	ʝ
—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	+	+	—	—	—	+	+	+	+	—	+	+	+
—	—	—	—	—	—	—	—	0	0	0	0	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
+	+	+	+	—	—	—	—	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	+	+	+	+
+	—	—	—	+	—	—	—	+	—	—	—	+	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	+	—	—	—	+	—	—	—	+	—	—	+	—	—	—	+	—	—	—	+
0	—	+	0	0	—	+	0	0	—	+	0	0	0	0	0	—	+	0	0	—	+	0

ных, в отличие от /ɲ/, /ʎ/, /ʀ/ не начальное, а конечное; второй согласный в группе теряет лишь один антропофонический компонент шумности — придыхание, оставаясь фонетически сильным [Стеблин-Каменский 1966, 108—110]. В сочетаниях /θ ~ ð/ с /k/ (и. liðka, maðkur) нешумная реализация /k/ в виде [g] компенсируется усилением шумности первого согласного, выступающего тогда в аллофоне [θ] [ср. Малоун 1959, 277—279].

Ассимилятивное или диссимилятивное распространение антропофонической реализации кинакем одной фонемы на прилегающие участки артикуляции соседних фонем само по себе не является фонемным изменением, тем более, что в потоке речи фонемам не соответствуют четко отграниченные сегменты. Так, ассимилятивное озвончение или оглушение первых согласных в группах, представленных в русских словах *просьба*, *рыбка*, не приводит к замене /s'/, /b/ другими фонемами. Исландские слова типа *limpa*, *vanta*, *velkja*, *ogka* не содержат поэтому сонорных шумных согласных фонем, а слова типа *maðkur* не дают оснований для фонемного расщепления /θ ~ ð/.

О путях скандинавской фонологической эволюции

Важнейшее отличие скандинавской фонологической эволюции от западногерманской заключается в том, что в скандинавских языках кардинальные проблемы, унаследованные от общегерманской эпохи, решались на несколько

столетий позже, чем в западногерманском ареале. Речь идет об интеграции бифонемных дифтонгов в вокализме, а бифонемных геминат — в консонантизме. Монофонемизация дифтонгов в западногерманском ареале началась уже в середине I тысячелетия н. э., а в скандинавских языках она прошла в X—XVI вв. Монофонемизация западногерманских геминат к середине I тысячелетия н. э. уже завершилась, а в скандинавском ареале аналогичный процесс прошел на тысячу лет позже и не охватил весь ареал.

Единственный фонологический процесс, прошедший в скандинавском ареале в сопоставимых с западногерманскими хронологических рамках — обогащение кинакемного и фонемного инвентаря в вокализме в ходе перегласовок, компенсировавшее качественную редукцию фонем в заударных позициях. В западногерманских языках интеграция дифтонгов в основном предшествовала перегласовкам; входя в еще сравнительно бедный вокализм, продукты монофонемизации дифтонгов сохраняли артикуляционное скольжение по раствору или по тембру как субстантную базу для новых кинакемных оппозиций, что вело к существенным перестройкам в фонологической системе. В скандинавском ареале продукты монофонемизации дифтонгов вошли в вокализм, уже обогащенный перегласовками, что способствовало утрате ими артикуляционного скольжения и слиянию с существующими фонемами без крупных перестроек в фонологической системе. Только на западе ареала, на островах Атлантического океана, монофонемизация дифтонгов была увязана с установлением в вокализме новой оппозиции устойчивости вместо устраненной оппозиции вокалической протяженности: присоединившись к неустойчивым гласным фонемам, прежние дифтонги, естественно, сохранили артикуляционное скольжение как реализацию положительной кинакемы новой оппозиции.

Длительное сохранение бифонемных геминат в скандинавском ареале несомненно связано с гораздо более активным, чем в западногерманском ареале, образованием геминат в результате ассимилятивных процессов в консонантных группах. Отсюда высокая функциональная нагруженность скандинавских геминат. Однако в выполнении этой нагрузки геминаты все больше объединялись с оппозицией вокалической протяженности. В фонемной структуре скандинавского слова сложились строгие количественные

взаимоотношения между гласным и числом последующих согласных. В общескандинавскую эпоху между фонематической протяженностью гласного и числом поствокальных согласных еще не было взаимосвязи, и все четыре теоретически возможные последовательности реализовались, например, в ди. словах *tal* (краткий гласный перед одним согласным), *hús* (долгий гласный перед одним согласным), *høll*, *folk* (краткий гласный перед двумя согласными), *nått*, *várp* (долгий гласный перед двумя согласными).

Общей чертой всех трех скандинавских эволюционных линий является возможно более полное сохранение различий между этими типами синтагматических последовательностей. Такое направление фонологической эволюции определялось сильным сочетанием функциональных и субстантных факторов. Но в структурно-фонологическом плане сохранение общескандинавского состояния количественных отношений в слове не было оптимальным решением по двум причинам. Во-первых, для фонетической длительности соседних звуков типичны диссимилятивные отношения: долгота одного звука предполагает краткость другого. Поэтому второй и третий из четырех перечисленных синтагматических типов, где один из компонентов удлинён или удвоен, имели явное преимущество перед первым и четвертым типами, где оба компонента либо краткие и одиночные, либо удлинённые и удвоенные. Во-вторых, поскольку оптимальная позиция для геминат — интервокальная, им не благоприятствовала интенсивная редукция заударных гласных, выносившая их в конечную позицию.

Таким образом, общей задачей во всех эволюционных линиях скандинавского ареала стала оптимизация количественных отношений в последовательностях из ударных гласных и поствокальных согласных. Различия между линиями обусловлены прежде всего выбором разных структурных решений этой общей задачи.

В западной эволюционной линии в целом обеспечено оптимальное отношение автоматической диссимиляции между фонетической длительностью гласного и согласных — так называемое «слоговое равновесие». Поскольку полный автоматизм присущ только аллофоническому варьированию, протяженность исландских гласных утратила кинакемный статус и целиком зависит от поствокальных согласных, прежде всего от их числа. Взамен утраченной оппозиции установлена новая, опирающаяся

на качественные характеристики гласных. Важная роль, которую число поствокальных согласных играет в фонетической структуре слова, обеспечила сохранение бифонемных геминат и усиленное разграничение близких или тождественных согласных в поствокальных группах, где распространилась диссимилиация в виде спирантизации первого шумного и десоноризации первого сонорного.

В восточной эволюционной линии геминаты были монофонемизированы как долгие согласные путем установления оппозиции консонантной протяженности. Автоматическая диссимилиация по длительности между гласным и поствокальным согласным («слоговое равновесие») была достигнута путем ликвидации оппозиции вокалической протяженности и перехода фонетической длительности гласных в сферу аллофонического варьирования в зависимости от фонематической протяженности поствокального согласного.

В южной линии геминаты также были монофонемизированы, но оппозиция консонантной протяженности здесь не установилась. Функциональная нагрузка длительности была сохранена лишь у сонорных согласных, где ее приняла на себя распространившаяся на сонорные согласные оппозиция шумности. Функциональная нагрузка длительности несонорных согласных перешла к вновь установленной оппозиции вокалической протяженности.

Представляют интерес структурные сходства между скандинавскими эволюционными линиями, не опирающиеся на генетическую и субстантную близость языков. Так, в исландском и датском возникли новые сонорные шумные согласные, сочетающие две положительные кинаемы звуковой субкатегории, тогда как прежние сонорные шумные /b/, /d/, /g/ стали сочетать две соответствующие отрицательные кинаемы. Но в датском кинаема шумности у сонорных получила реализацию в виде конечной десоноризации («толчка») и возможна лишь в неначальной позиции, а исландские шумные сонорные, напротив, реализуют кинаему шумности в виде глухого приступа и возможны лишь в начальной позиции. Распространение оппозиции шумности на датские сонорные было обусловлено необходимостью передать ей часть функциональной нагрузки устраняемой оппозиции консонантной протяженности. В исландском языке такое же структурное решение стало возможным после оптимизации кинакемной структуры прежних звонких геминат.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Среди выводов, вытекающих из всего изложенного выше, едва ли не самым важным явится утверждение самой возможности такого представления фонологической эволюции. Совокупность звуковых изменений, составляющих фонологическую историю того или иного языка, может и должна описываться как единый эволюционный процесс, все основные звенья которого связаны в непрерывную причинно-следственную цепь. В германских языках эта цепь доступна наблюдению на историческом отрезке длиной не менее двух тысячелетий, что позволяет вывести фонологическую эволюцию всех языков группы из единого исходного общегерманского состояния.

Такое исследование может быть выполнено только в рамках системной лингвистики, т. е. того направления в языкознании, которое руководствуется современными научными представлениями о неразрывном диалектическом единстве функциональных, структурных и субстантных свойств в любой системе. Течение эволюционных процессов в языковой макросистеме и в ее составной части — фонологической системе определяется органическим взаимодействием факторов, исходящих от всех трех названных аспектов системы. Поэтому раскрытие причинно-следственного механизма фонологической эволюции оказалось недоступным для лингвистических течений, ограничивших свое внимание одним аспектом фонологической системы — субстантным (историческая фонетика XIX в.) или структурным (структуральная фонология XX в.).

Важнейшей предпосылкой успешного описания фонологической эволюции следует считать правильное решение вопроса о степени детерминированности как всей эволюции в целом, так и ее этапов. Поскольку взаимодействию трех аспектов в системе присуще сочетание жесткой обусловленности с некоторой автономностью каждого аспекта, выбор путей фонологической эволюции в том или ином языке детерминирован не полностью [ср. Жирмунский 1965, 21]. Необходимость и общее направление

крупных перестроек в фонологической системе всегда жестко детерминированы состоянием системы, однако детерминированный в общих чертах результат перестройки может быть достигнут различными путями, что создает возможность дивергентной фонологической эволюции в родственных языках. Дивергенции способствуют также различия в темпах эволюции.

Наряду с жестко детерминированными перестройками возможны и менее императивные изменения, приближающие систему к оптимуму на отдельных ее участках. Будучи факультативными, такие изменения могут пройти не во всех дивергирующих эволюционных линиях. При поисках причин звуковых изменений до сих пор недостаточно учитывалась слабая степень детерминированности такой распространенной разновидности фонологических изменений, как распределение и перераспределение фонем в звуковых оболочках лексических единиц.

При описании причинно-следственной обусловленности фонологической эволюции пропел исследовательскую проверку тезис о системе первичных фонологических единиц — кинакем как фундаменте всей фонологической системы. Можно утверждать, что основные звенья этой эволюции прямо связаны с изменениями в кинакемной парадигматике и синтагматике!

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова 1968 — *Арутюнова И. Д.* О значимых единицах языка. — В кн.: Исследования по общей теории грамматики. М., 1968.
- Аурнасон 1978 — *Arnason K.* Palatalization in Modern Icelandic. A case for historicism in synchronic linguistics. — *Lingua*, 1978, 46, 2/3.
- Бенвенист 1935 — *Benveniste E.* Origines de la formation des noms en indo-européen. Paris, 1935 (русск. перев.: *Бенвенист Э.* Индоевропейское именное словообразование. М., 1955).
- Бенедиктссон 1963 — *Benediktsson H.* The non-uniqueness of phonemic solutions. Quantity and stress in Icelandic. — *Phonetica*, 1963, 10.
- Бенедиктссон 1970 — *Benediktsson H.* Aspects of historical phonology. — In: The Nordic languages and modern linguistics. Reykjavík, 1970.
- Блумфилд 1968 — *Блумфилд Л.* Язык. М., 1968.
- Борковский и Кузнецов 1963 — *Борковский В. И., Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка. М., 1963.
- Брауне 1952 — *Braune W. — Helm K.* Gotische Grammatik. Halle/Saale, 1952.
- Броницкий 1966 — *Броницкий Д. В.* Вимова фонем R у сучасній німецькій мові. — Інземна філологія, вип. 8. Львів, 1966.
- Бруннер 1955 — *Бруннер К.* История английского языка, I. М., 1955.
- Будагов 1972 — *Будагов Р. А.* Определяет ли принцип экономии развитие и функционирование языка? — ВЯ, 1972, № 1.
- Булыгина 1967 — *Булыгина Т. В.* О некоторых аналогиях в соотношении семантических и звуковых единиц. — ВЯ, 1967, № 5.
- Бэррак 1975 — *Barrack C. M.* A diachronic phonology from Proto-Germanic to Old English stressing West-Saxon conditions. The Hague, 1975.
- Вахек 1958 — *Vachek J.* Notes on the development of language seen as a system of systems. (A contribution to comparative phonematic studies of English and some Slavonic languages). — *Sborník prací filosofické fakulty Brněnské university*, 1958, VII, A 6.
- Вахек 1963 — *Vachek J.* The phonematic status of Modern English long vowels and diphthongs. (A handful of remarks on some new solutions of an old problem). — *Philologica Pragensia*, 1963, VI, 1.
- Вахек 1967 — *Вахек И.* Пражские фонологические исследования сегодня. — В кн.: Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
- Вессен 1949 — *Вессен Э.* Скандинавские языки. М., 1949.
- Виттинг 1977 — *Witting C.* Studies in Swedish generative phonology. Uppsala, 1977.

- Вулф 1972 — *Wolfe P. M.* Linguistic change and the Great Vowel Shift in English. Berkeley, 1972.
- Гальцев 1962 — *Гальцев Н. И.* Введение в изучение китайского языка. М., 1962.
- Гооссенс 1974 — *Goossens J.* Historische Phonologie des Niederländischen. Tübingen, 1974.
- Гордина 1966 — *Гордина М. В.* О различных функциональных звуковых единицах языка. — В кн.: Исследования по фонологии. М., 1966.
- Гримм 1880 — *Grimm J.* Geschichte der deutschen Sprache. Leipzig, 1880.
- Гухман 1954 — *Гухман М. М.* Примечания. — В кн.: *Прокопи Л.* Сравнительная грамматика германских языков. М., 1954.
- Гухман 1958 — *Гухман М. М.* Готский язык. М., 1958.
- Драгунов 1962 — *Драгунов А. А.* Грамматическая система современного китайского разговорного языка. Л., 1962.
- Евдошенко 1967 — *Евдошенко А. И.* Проблема структуры языка. Кишинев, 1967.
- Елизаренкова 1974 — *Елизаренкова Т. Я.* Исследования по диахронической фонологии индоарийских языков. М., 1974.
- Ефимов 1976 — *Ефимов А. Ю.* К универсальному описанию структуры слога в языках мира. Проблема сегментации слога. — В кн.: Тезисы дискуссии «Типология как раздел языкознания». М., 1976.
- Жирмунский 1956 — *Жирмунский В. М.* История немецкого языка. М., 1956.
- Жирмунский 1964 — *Жирмунский В. М.* Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков. М.—Л., 1964.
- Жирмунский 1965 — *Жирмунский В. М.* Общие тенденции фонетического развития германских языков. — ВЯ, 1965, № 1.
- Жюйян 1953 — *Juilland A. G.* A bibliography of diachronic phonemics. — Word, 1953, 9, 2.
- Зиверс 1951 — *Sievers E.* — *Brunner K.* Altenglische Grammatik. Halle (Saale), 1951.
- Зиндер 1979 — *Зиндер Л. Р.* Общая фонетика. М., 1979.
- Зиндер и Строева 1965 — *Зиндер Л. Р., Строева Т. В.* Историческая фонетика немецкого языка. М.—Л., 1965.
- Иванов 1968 — *Иванов В. В.* Историческая фонология русского языка. М., 1968.
- Иванова 1963 — *Иванова Н. П.* Система согласных и ее динамика в древнеанглийском языке. — НДВШ. Филол. науки, 1963, № 3.
- Касевич 1974 — *Касевич В. Б.* О соотношении незнаковых и знаковых единиц в слоговых и неслоговых языках. — В кн.: Проблемы семантики. М., 1974.
- Кацнельсон 1966 — *Кацнельсон С. Д.* Сравнительная акцентология германских языков. М.—Л., 1966.
- Квятковский 1965 — *Квятковский В. А.* Великий сдвиг гласных в английском языке как фонологическая проблема. — В кн.: Вопросы теории английского языка. Учен. зап. Лeningradского пед. института, т. 261, 1965.
- Квятковский 1966 — *Квятковский В. А.* Фонологические проблемы великого сдвига гласных в английском языке. — В кн.: Исследования по фонологии. М., 1966.

- Клычков 1963 — *Клычков Г. С.* Типологическая гипотеза реконструкции индоевропейского праязыка. — ВЯ, 1963, № 5.
- Крупаткин 1962 — *Крупаткин Я. Б.* Была ли англо-фризская палатализация краткого *a* «спонтанным» изменением? — ИДВШ. Филол. науки, 1962, № 1.
- Крупаткин 1966 — *Крупаткин Я. Б.* Становление древнеанглийского вокализма. (Проблема ингвеонского развития). Автореф. докт. дис. Л., 1966.
- Кузьменко 1972 — *Кузьменко Ю. К.* Дорсальные согласные в шведском языке. — Скандинавский сборник, XVII. Таллин, 1972.
- Кэмпбелл 1974 — *Campbell A.* Old English grammar. Oxford, 1974.
- Кюрат 1956 — *Kurath H.* The loss of long consonants and the rise of voiced fricatives in Middle English. — Language, 1956, 32, 3.
- Леманн 1955 — *Lehmann W. P.* The Proto-Indo-European resonants in Germanic. — Language, 1955, 31, 3.
- Лерхнер 1972 — *Lerchner G.* Strukturelle Gegensätze in der lautlichen Entwicklung von Niederländisch und Deutsch. — Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. Halle, 1972, 93.
- Лэсс и Эндерсон 1975 — *Lass R., Anderson J. M.* Old English phonology. Cambridge, 1975.
- Макаев 1970 — *Макаев Э. А.* Структура слова в индоевропейских и германских языках. М., 1970.
- Малоун 1959 — *Malone K.* The phonemes of Modern Icelandic. — In: Malone K. Studies in heroic legend and in current speech. Copenhagen, 1959.
- Мартине 1955 — *Martinet A.* Économie des changements phonétiques. Traité de phonologie diachronique. Berne, 1955.
- Мартине 1960 — *Мартине А.* Принцип экономии в фонетических изменениях. (Проблемы диахронической фонологии). М., 1960.
- Марчанд 1973 — *Marchand J. W.* The sounds and phonemes of Wulfila's Gothic. The Hague, 1973.
- Мейе 1952 — *Мейе А.* Основные особенности германской группы языков. М., 1952.
- Мельников 1967 — *Мельников Г. П.* Системная лингвистика и ее отношение к структурной. — В кн.: Проблемы языкознания. Доклады и сообщения советских ученых на X Международном конгрессе лингвистов. М., 1967.
- Мельников 1971 — *Мельников Г. П.* Детерминанта — ведущая грамматическая тенденция языка. — В кн.: Фонетика. Фонология. Грамматика. К 70-летию А. А. Реформатского. М., 1971.
- Миронов 1973 — *Миронов С. А.* Становление литературной нормы современного нидерландского языка. М., 1973.
- Моултон 1954 — *Moulton W. G.* The stops and spirants of Early Germanic. — Language, 1954, 30, 1.
- Моултон 1967 — *Moulton W. G.* Types of phonemic change. — In: To honor Roman Jakobson. Essays on the occasion of his 70th birthday. The Hague, 1967.
- Офтедал 1952 — *Ojtedal M.* On the origin of the Scandinavian tone distinction. — Norsk tidsskrift for sprogvidenskap, 1952, XVI.
- Пенцль 1957 — *Penzl H.* The evidence for phonemic changes. — In: Studies presented to Joshua Whatmough on his 60th birthday. s-Gravenhage, 1957.
- Пенцль 1961 — *Penzl H.* Old High German <r> and its phonemic identification. — Language, 1961, 37, 4.

- Перебейнос 1970 — *Перебийніс В. С.* Кількісні та якісні характеристики системи фонем сучасної української літературної мови. Київ, 1970.
- Пильх 1970 — *Pilch H.* Altenglische Grammatik. München, 1970.
- Плоткин 1967 — *Плоткин В. Я.* Динамика английской фонологической системы. Новосибирск, 1967.
- Плоткин 1974 — *Plotkin V. Y.* Is length phonologically relevant in Icelandic? — *Phonetica*, 1974, 30, 1.
- Плоткин 1975 — *Плоткин В. Я.* О фонологической природе длительности звуков в исландском языке. — В кн.: Исследования по германской филологии. Кишинев, 1975.
- Плоткин 1976 — *Plotkin V. Y.* Systems of ultimate phonological units. — *Phonetica*, 1976, 33, 2.
- Плоткин 1977 — *Плоткин В. Я.* О первичной фонологической единице. — В кн.: Грамматические и фонетические исследования по германским языкам. Кишинев, 1977.
- Плоткин 1978 — *Plotkin V. Y.* The kinakeme as the ultimate unit of language. — *Kwartalnik neofilologiczny*, 1978, XXV, 3.
- Плоткин 1979 — *Плоткин В. Я.* Консонантная протяженность в шведской фонологической системе. — Скандинавский сборник, XXIV. Таллин, 1979.
- Поливанов 1928 — *Поливанов Е. Д.* Введение в языкознание для востоковедных вузов. Л., 1928.
- Прокош 1954 — *Прокош Э.* Сравнительная грамматика германских языков. М., 1954.
- Раевский 1962 — *Раевский М. В.* Возникновение и становление фонемы /s/ в немецком языке в свете диахронической фонологии. — ВЯ, 1962, № 2.
- Раевский 1969а — *Раевский М. В.* Верхненемецкое передвижение согласных и факторы фонологической эволюции. — ВЯ, 1969, № 4.
- Раевский 1969б — *Раевский М. В.* К вопросу о формах проявления социальной дифференциации в звуковой стороне языка (на материале немецкого языка). — В кн.: Норма и социальная дифференциация языка. М., 1969.
- Раевский 1969в — *Раевский М. В.* К вопросу о характере рефлексов германской фонемы /x/ в скандинавских языках. — Вестник МГУ, 1969, № 6. Филология.
- Раевский 1969г — *Раевский М. В.* Верхненемецкое передвижение согласных в его причинно-следственных связях. (К проблеме общего и особенного в развитии системы шумных в древнегерманских диалектах и языках). Автореф. докт. дис. Л., 1969.
- Раевский 1974 — *Раевский М. В.* К вопросу о месте фонемы /r/ в системе согласных немецкого литературного языка и ее фонологическом содержании. — В кн.: Исследования по общему и немецкому языкознанию. Тула, 1974.
- Раевский 1976 — *Раевский М. В.* Западногерманское удлинение согласных с точки зрения исторической фонологии. — В кн.: Исследования по общему, германскому и немецкому языкознанию. Тула, 1976.
- Ральф 1975 — *Ralph B.* Phonological differentiation. Studies in Nordic language history. Göteborg, 1975.
- Рапопорт 1977 — *Рапопорт М. Я.* Сдвиги гласных в истории нидерландского языка. — ВЯ, 1977, № 1.

- Рождественский 1969 — *Рождественский Ю. В.* Типология слова. М., 1969.
- СГГЯ II — Сравнительная грамматика германских языков, II. Фонология. М., 1962.
- Смирницкий 1946 — *Смирницкий А. И.* Вопросы фонологии в истории английского языка. — Вестник МГУ, 1946, № 2.
- Смирницкий 1961 — *Смирницкий А. И.* Фонетика древнеисландского языка. М., 1961.
- Смирницкий 1965 — *Смирницкий А. И.* История английского языка. Средний и новый период. М., 1965.
- Соссюр 1977 — *Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию. М., 1977.
- Стеблин-Каменский 1953 — *Стеблин-Каменский М. И.* История скандинавских языков. М.—Л., 1953.
- Стеблин-Каменский 1957 — *Стеблин-Каменский М. И.* Исландское передвижение согласных. — Скандинавский сборник, II. Таллин, 1957.
- Стеблин-Каменский 1958 — *Steblyn-Kamenskij M. I.* A contribution to the history of the Old Icelandic vowel system. — *Philologica Pragensia*, 1958, I, 3.
- Стеблин-Каменский 1960a — *Steblyn-Kamenskij M. I.* Three types of sound change. — *Philologica Pragensia*, 1960, III, 4.
- Стеблин-Каменский 1960b — *Steblyn-Kamenskij M. I.* The vowel system of Modern Icelandic. — *Studia linguistica*, 1960, XIV.
- Стеблин-Каменский 1961 — *Стеблин-Каменский М. И.* Сущность германских передвижений согласных. — Вестник ЛГУ, 1961, № 20.
- Стеблин-Каменский 1965 — *Steblyn-Kamenskij M. I.* Some remarks on the mechanism of the Germanic consonant shifts. — *Studia linguistica*, 1965, XVII, 2.
- Стеблин-Каменский 1966 — *Стеблин-Каменский М. И.* Очерки по диахронической фонологии скандинавских языков. Л., 1966.
- Степанов 1974 — *Степанов Ю. С.* О зависимости понятия фонемы от понятия слога при синхронном описании и исторической реконструкции. — ВЯ, 1974, № 5.
- Степанов 1975 — *Степанов Ю. С.* Методы и принципы современной лингвистики. М., 1975.
- Тводделл 1948 — *Twaddell W. F.* The prehistoric Germanic short syllabics. — *Language*, 1948, 24, 2.
- Тводделл 1955 — *Twaddell W. F.* A note on the Proto-Indo-European resonants in Germanic. — *Language*, 1955, 31, 4.
- Трнка 1936 — *Trnka B.* Fonologický vývoj germánského vokalizmu. — *Časopis pro moderní filologii*, 1936, XXII, 2.
- Трнка 1946 — *Trnka B.* Fonologická poznámka k posunutí dlouhých samohlásek v pozdní střední angličtině. — *Časopis pro moderní filologii*, 1946, 29.
- Трнка 1948 — *Trnka B.* From Germanic to English. A chapter from the historical English phonology. — *Recueil linguistique de Bratislava*, 1948, v. I.
- Трубенкой 1960 — Трубенкой Н. С. Основы фонологии. М., 1960.
- Уэлл 1970 — *Will W. H.* The resonant system in Proto-Germanic. — *Journal of English and Germanic philology*, 1970, 69, 2.
- Фрингс и Лерхнер 1966 — *Frings T., Lerchner G.* Niederländisch und Niederdeutsch. Aufbau und Gliederung des Niederdeutschen. Berlin, 1966.

- Фурке 1959 — *Fourquet J.* Le système des éléments vocaliques longs en vieil-anglais. Considérations «structurales». — In: *Mélanges de linguistique et de philologie Fernand Mossé in memoriam.* Paris, 1959.
- Фурке 1966 — *Fourquet J.* Pour une reconstruction structurale des enseignements de phonétique historique. — *La linguistique*, 1966, 2.
- Хаммерих 1955 — *Hammerich L. L.* Die germanische und die hochdeutsche Lautverschiebung. — *Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur*, Tübingen, 1955, 77, 1, 2.
- Хауген 1976 — *Haugen E.* The Scandinavian languages. An introduction to their history. Cambridge, Mass., 1976.
- Хуттере 1975 — *Hutterer C. J.* Die germanischen Sprachen. Ihre Geschichte in Grundzügen. Budapest, 1975.
- Ченг 1966 — *Cheng R. L.* Mandarin phonological structure. — *Journal of linguistics*, 1966, 2, 2.
- Элерт 1964 — *Elert C.-C.* Phonologic studies of quantity in Swedish. Uppsala, 1964.
- Элиассон и Ла Пелль 1973 — *Eliasson S., La Pelle N.* Generativa regler för svenskans kvantitet. — *Arkiv för Nordisk filologi*, 1973, 88.
- Эрдманн 1972 — *Erdmann P.* Tiefenphonologische Lautgeschichte der englischen Vokale. Frankfurt/M., 1972.
- Якобсон 1931 — *Jakobson R.* Prinzipien der historischen Phonologie. — *TCLP*, 1931, IV (франц. перев.: *Principes de phonologie historique.* — In: *Jakobson R.* Selected writings, I. Phonological studies. The Hague, 1962).
- Якобсон и Лотц 1962 — *Jakobson R., Lotz J.* On the identification of phonemic entities. — In: *Jakobson R.* Selected writings, I. Phonological studies. The Hague, 1962.
- Якобсон и Халле 1962 — *Якобсон Р., Халле М.* Фонология и ее отношение к фонетике. — В кн.: *Новое в лингвистике*, вып. II. М., 1962.

СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ ЯЗЫКОВ И ДИАЛЕКТОВ

а.	— английский	нвн.	— нововерхненемецкий
бел.	— белорусский	нд.	— новодатский
гот.	— готский	ни.	— новоисландский
д.	— датский	нл.	— нидерландский
да.	— древнеанглийский	ннл.	— новонидерландский
двн.	— древневерхненемецкий	норт.	— нортумбрийский
дд.	— древнедатский	нр.	— норвежский
ди.	— древнеисландский	нш.	— новошведский
днл.	— древненидерландский	рун.	— рунический скандинавский
днр.	— древненорвежский	рус.	— русский
дс.	— древнесаксонский	са.	— среднеанглийский
дш.	— древнешведский	свн.	— средневерхненемецкий
и.	— исландский	снл.	— средненидерландский
исп.	— испанский	укр.	— украинский
лат.	— латинский	уэсс.	— уэссекский
лит.	— литовский	фин.	— финский
н.	— немецкий	ш.	— шведский
на.	— новоанглийский		

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I	
ДИНАМИКА ОБЩЕГЕРМАНСКОЙ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ	14
Глава II	
ВОСТОЧНОГЕРМАНСКАЯ ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА	32
Глава III	
ЗАПАДНОГЕРМАНСКИЕ ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ	37
Островная эволюционная линия	39
Южноконтинентальная эволюционная линия	55
Северноконтинентальная эволюционная линия	68
О путях западногерманской фонологической эволюции	75
Глава IV	
СКАНДИНАВСКИЕ ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ	78
Древнескандинавская эволюционная линия	78
Восточная эволюционная линия	85
Южная эволюционная линия	96
Западная эволюционная линия	107
О путях скандинавской фонологической эволюции	117
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	121
ЛИТЕРАТУРА	123
СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ ЯЗЫКОВ И ДИАЛЕКТОВ	128

95 коп.